

#ONLINE-БЕСТСЕЛЕР

18+

Кристина Старк

#КРЫЛЬЯ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Семнадцатилетняя Лика Вернер после покушения на ее жизнь обнаруживает, что в состоянии стресса может ненадолго перемещаться в тела других людей. Лика уверена, что сходит с ума, пока не встречает человека, который подозрительно хорошо осведомлен о такого рода «симптомах».

Захватывающий роман о любви на фоне восхитительных декораций: альпийские предгорья, мегаполисы Европы, улочки крымских городков, пейзажи Тибета и Саудовской Аравии. Роскошная жизнь швейцарской аристократии, тайные организации, закрытые школы, эксперименты над человеческой психикой, чувства, которым невозможно противостоять.

Кристина Старк

Крылья

© К. Старк, 2015

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Руслане и Каролине, моим чудесным дочерям. Пусть в вашей жизни будет все, но в первую очередь тот, кто подарит вам крылья.

*My body is a cage that keeps me From dancing with the one I love
But my mind holds the key^[2]*

– Sara Lov, «My Body Is a Cage»

– Если бы мы с вами были птицы, – как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

– А крылья могут у нас вырасти, – возразил я.

– Как?

– Поживите – узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

– И. С. Тургенев, «Ася»

1. Перемещение

Не нервничать, не испытывать боль, страх и стресс, – каждое мое утро начинается с этой мантры. Вещью номер один в моей жизни стал пузырек с успокоительным. Я уже почти привыкла к своей болезни.

Меня зовут Лика. Мне семнадцать. И я до сих пор помню тот день, когда меня в первый раз выбросило...

* * *

Лето 2011 выдалось на редкость жарким. Мой город превратился в филиал ада на Земле: едкий раскаленный воздух, сочащийся смолой асфальт, красные люди с обгоревшими лицами. Машины и те, казалось, ползали по улицам медленно, как отравленные мухи.

Но мне повезло сбежать из адской духовки в тропический оазис. Всего неделю назад я устроилась работать в цветочный магазин. Я никогда не интересовалась ботаникой, флористикой, искусством упаковки и продаж, так что не сразу смогла вообразить себя в должности продавщицы в цветочном магазине... Но Ольга, владелица магазина, была приятельницей моей мачехи. Это раз. Потом, мне предложили неплохие деньги и расчет каждую неделю. Это два. Ну и три: я могла находиться среди буйной зелени с утра до вечера, и пусть там снаружи хоть градусники трескаются. Куда лучше, чем жарить картошку в «Макдональдсе»!

Мне сразу пришлось по душе все эти бутоны, сочные стебли, разноцветные рулоны упаковочной бумаги, все эти счастливые покупатели, предвкушающие праздник. Вот заскочил молодой парень и требует три порочно-красные розы. Наверно, он влюблен по уши... Интересно, они уже целовались или еще нет?

А вот две нарядные дамы почтенного возраста шепчутся в уголке. «Да-да, конечно, у нас есть камелии!» – подмигиваю я, как будто торгую камелиями с пеленок. Я бы ни за что не призналась, что всего три дня назад не смогла бы отличить камелию от пиона. Я представляю вечеринку почтенных дам, с букетами в плетеных корзинках, музыкой семидесятых и роскошным чаепитием. Будет миндальное печенье и черничное варенье в стеклянных вазочках! Ведь дамы в шляпках не пьют водку и не танцуют босиком на столах? «А вам какие камелии, белые или розовые? Конечно, вы правы, белые смотрятся куда утонченней...»

– Лика, что бы я без тебя делала? – шепчет мне Ольга, провожая взглядом довольных посетительниц.

Она мне льстит. Я уверена, что мне можно найти замену в два счета. На этой земле полно таких девушек, как я: не слишком уверенных в себе, но всегда готовых прийти на помощь (особенно когда нужно отличить камелию от розы). Девушек со средним ростом, средним весом и весьма усредненным размером ноги. С темно-каштановыми волосами и глазами цвета мокрого асфальта. Звучит не слишком романтично, зато в точку.

– Лика, можешь уйти сегодня пораньше! – прокричала мне Ольга из подсобки.

– Это еще почему? – спросила я.

– Потому что пятница!

Стыдно признаться, но у меня не было особенных планов даже на такое священное время, как пятничный вечер. У меня не было ухажера, и я без энтузиазма относилась к ночным клубам. Я собиралась провести остаток дня дома в компании книжки и тарелки печенья. Анна, моя мачеха, знает триста пятьдесят рецептов печенья. А я люблю его есть. Может быть, поэтому мы отличная команда.

– Ах да! Пятница! Я и забыла, – я театрально хлопнула себя по лбу. – Спасибо, Оль... У меня как раз грандиозные планы на сегодняшней вечер.

– Свидание? – промурлыкала Ольга. – Кто этот счастливчик?

«Гарри Поттер».

Я решила дожидаться еще одного покупателя, а потом с чистой совестью сбежать домой. Звякнул колокольчик над дверью. Очередной посетитель, мальчишка лет десяти, вытащил из ведерка пышную хризантему, уверенно подошел к прилавку и сунул мне мятый полтинник.

– Девочке? – улыбнулась я.

– Нет, бабушке, – серьезно ответил он.

– Ей понравится, – заверила я его, заворачивая цветок в слой целлофана и едва сдерживаясь, чтоб не потрепать его по волосам.

– Даже не знаю. Она на кладбище вообще-то, – пожал плечами он. – Год как уже.

Я прикусила язык и протянула ему сдачу.

– Классный, – кивнул он, когда я наклонилась к нему через прилавок.

– Что, прости? – переспросила я.

– Классный кулон, – он указал на серебристого ангела с распростертыми крыльями, болтающегося на моей цепочке. – Талисман?

– Вроде того.

– И как, защищает?

– Еще как. Однажды я воткнула его в глаз плохому парню.

Мальчишка рассмеялся. Но его смех вдруг заглушила лавина пронзительного звона: где-то недалеко только что вдребезги разлетелась витрина. Сгорая от любопытства, он рванул к двери и высунул голову наружу, а когда повернулся ко мне снова, то был бледен как мел, и едва не охрип от испуга:

– ГОТОВЬТЕ СВОЙ ТАЛИСМАН!

И он тут же исчез за дверью, унося ноги от какой-то неведомой опасности. Едва дверь захлопнулась, тут же раздался еще один взрыв крошащегося стекла.

– Что там такое? – Ольга вышла из подсобки с ведерком ирисов.

Я подбежала к витрине и прижалась лбом к стеклу, пытаюсь рассмотреть происходящее на улице, и в этот момент...

Два силуэта по ту сторону появились так внезапно, как умеют появляться только призраки. И убийцы. И если бы мне дали еще минуту, то я успела бы отступить, убежать, спрятаться, – но этой лишней минуты мне не дали. Чья-то рука подняла битую и обрушила ее на стекло...

* * *

Ольга закричала. Этот крик потом долго преследовал меня по ночам. Все остальное – как в тумане. Как будто меня окунули в таз с водой, и все звуки остались где-то далеко, над

поверхностью.

Витрина просто взорвалась от мощного удара. Меня осыпало осколками стекла. Я свалилась на пол, проехавшись ладонями и коленками по стеклянной каше. Жаркое лето не оставило мне ни единого шанса: на мне не было никакой мало-мальски серьезной одежды, которая защитила бы тело от лавины осколков, – ни куртки, ни штанов, ни кроссовок, – только тонкий белый сарафан на бретельках и вьетнамки на хлипкой подошве.

Я попыталась встать, опираясь на локти и вытянув перед собой две окровавленные ладони. И вот тогда-то я услышала голос. Всего несколько слов, но они намертво врезались в мою память.

– Крови много не бывает.

Тот, кто их произнес, был молод, лет двадцать, не больше. Я не посмела заглянуть ему в лицо. Все, что запомнила – черная одежда и ботинки с истертыми от ударов носками. Я все еще стояла на четвереньках, от ужаса не чувствуя, как осколки обжигают колени, когда этот огромный ботинок поддел меня под ребра, как какую-нибудь собачку, и отбросил к стене. Потом я узнала, что этот пинок стоил мне двух ребер.

Двое других были похожи на цепных псов, сорвавшихся с привязи: они прошлись по полкам битой – той самой, от которой разлетелась витрина, смели на пол охапки свежих цветов, облили все керосином из пластиковой бутылки и подожгли... На мое счастье, они очень спешили. Я боюсь думать о том, где я была бы сейчас, если бы у них было лишних хотя бы полчаса.

Я сидела на полу и таранилась на свое белое платье, на котором там и сям расцветали алые, как маки, пятна. «Я ранена. Это моя кровь. Такая алая... Кензо^[3], ей-богу, удавился бы от зависти», – почему-то подумала я. У меня не получалось встать. Боль в боку мешала дышать. Я кое-как вытащила самые крупные куски стекла из ладоней и икр и, движимая тем самым инстинктом, который заставляет жука залезать в щель, а мышь в норку, – поползла к прилавку.

Ольга больше не кричала. Трещали и плавилась жалюзи на окнах, полыхали букеты сухоцвета, пол был усеян зеленой кашей из раздавленных цветов. С улицы неслись визги, вой сирен, звон рассыпающихся витрин. Я сидела за прилавком, кашляя от дыма, но боялась выползти наружу. Боль, паника, стук крови в висках, разноцветные мухи перед глазами – все смешалось в один сплошной водоворот, в который меня затягивало, как слепого щенка. Последнее, что я запомнила перед тем, как отключиться, – желтовато-зеленое, словно отлитое из парафина, лицо Ольги, лежащей под прилавком в полуметре от меня.

* * *

Папа сидел возле моей койки и читал мне вслух газеты, старательно пропуская все новости о бесчинствах бритоголовых в торговом квартале. Больше всего досталось китайским лавкам, татарским закусочным и суши-бару на Булгакова, который, поговаривали, принадлежал какому-то корейцу и который сожгли дотла. Невообразимое происшествие для нашего тихого и спокойного Симферополя. Все подробности я узнала позже – когда сняли бинты и я смогла держать в руках газету. Родители обсуждать произошедшее в моем присутствии категорически отказывались.

После происшествия меня с мистическим постоянством начали преследовать обрывки

одного и того же кошмара. Словно подсознание пыталось напомнить мне что-то, о чем я бессовестно забыла. Этот сон как будто записали на пленку и стабильно, раза два-три в неделю, крутили в моем «ночном кинозале». Начиналось все с того, что...

Я лежу в мокром красном плати под прилавком. Красный мне к лицу, бесспорно. Но это тот оттенок платье, с которым в реальной жизни лучшие дела не иметь. Мне кажется, что я умираю, ибо что-то поднимает меня в воздух. По сценарию это должен быть медленный восходящий поток, с потусторонним сиянием и голосами ангелов... Но нет. Меня поднимают с земли быстро, бесцеремонно, рывком. Я посылаю рукам и ногам сигналы, пытаюсь мычать «я живая, я еще тут», но сигналы теряются где-то на полпути, ноги и руки не работают, и все, на что способны голова и конечности, – предательски болтаться из стороны в сторону.

– Множественные ранения осколками, дышит, – говорит мой спаситель и кладет меня на носилки. Я открываю глаза и вижу Феликса.

Феликса! Во сне меня спасает Феликс, и я не перестаю удивляться невозможному сюжету этого сна. Феликс – мой сводный брат. Впрочем, «брат» – слишком большая честь для него. «Сын Анны, жены моего отца» – максимум, на что я согласна.

Мой отец и мать Феликса познакомились несколько лет назад, вскоре поженились и стали жить вместе. Мы все стали жить под одной крышей: папа, мачеха, я и Феликс. С Анной мы быстро нашли общий язык. Я таяла от ее утонченности и той непостижимой ловкости, которая позволяла ей превращать моего вечно утомленного и раздражительного отца в сияющего, довольного жизнью здоровяка. А вот Феликс... Сказать, что Феликс мне не нравился, – не сказать ничего.

Феликс был на пять лет старше меня и, по мнению Альки и Иды, моих близких подруг, «весьма ничего». Темноволосый, высокий, сухой, внешне очень похожий на мать и... совершенно омерзительный тип. Если бы меня попросили найти слова, наиболее ярко характеризующие его, я бы не задумываясь сказала: «лжец», «пройдоха», «кровосос». И на подвиги, вроде поиска моего бездыханного тела в эпицентре вооруженного погрома, он однозначно не был способен.

Но сны – тот сорт материи, который кройке не подлежит, поэтому...

Феликс укладывает меня на носилки и смотрит на меня хмуро, заботливо, напряженно. У него на голове краповый берет и серо-голубой камуфляж. И... крылья. Невероятно, но у него за спиной – два сложенных, гладких крыла!

– Феликс, – шепчу я, – да у тебя же крылья, Феликс! Прошу тебя, дай мне их! Я их верну. Не испорчу, не порву, я обещаю!

А Феликс молчит. Глаза темнее маслин, скулы окаменели, кожа белая как бумага.

– Лица, не нужно, – просит он.

Но я сползаю с носилок и повисаю на нем, вцепившись в плечо. На плече нашивка: пикирующий орел с выпущенными когтями. «Феликс, мне нужны эти крылья больше всего на свете, понимаешь? – мой голос срывается до хриплого шепота. – Я же стану сильной! Сильной, быстрой и неумолимой! Как бумеранг, как сокол, как ангел возмездия...»

«Девчонка бредит», – где-то вспыхивает чужой голос и тут же меркнет.

«Кровопотеря... Перелом ребра... Сюда ее! Поехали! Эй, вторую тоже прихвати, рассечение на затылке, без сознания. Давайте булками шевелите, девчонка что-то мне совсем не нравится...» – голоса загораются и тут же угасают. Феликс молчит.

– У тебя есть минута-две, – наконец говорит он. – Потом крылья вернут тебя.

Как, уже?! Поворота головы мне достаточно, чтобы разглядеть развернутый веер перьев за правым плечом. Я приседаю и, словно подброшенная невидимой пружиной, – взвиваюсь ввысь. Крылья несут меня так быстро, что воздух начинает обтягивать тело, как полиэтилен. Голова вращается в плечи, слизистая глаз мгновенно пересыхает, я зажмуриваюсь и...

Просыпаюсь. Этот эпизод про Феликса снился мне чаще всего. Но был и другой.

Я сижу на узкой металлической скамье. Это полицейская машина: задняя ее часть, два на два, в которой перевозят задержанных. Передо мной металлическая решетка, отгораживающая сиденье водителя. Я никогда не была пассажиром подобных автомобилей, но обстановка не вызывает во мне ни удивления, ни страха. Я спокойна, я словно под завязку засыпана гравием и залита бетоном: биооболочка, а внутри – монолит. Меня не сломать.

Я не вижу своих рук, они за спиной. С браслетами на цепочке. Смотрю на свои колени, обтянутые черной синтетикой и на... свои черные ботинки, с истертыми от ударов носками.

Отчего-то мне становится радостно. «Крови много не бывает», – говорю я и двигаю задницу поближе к прутьям, обрамляющим сиденье водителя. «Крови много не...» – я упираюсь лбом в металлическую перекладину и...

Открываю глаза. Так заканчивался второй эпизод. С неизменным ощущением давящей на лоб железяки, от которого не удавалось избавиться еще долгое время после пробуждения.

А потом снилось еще что-то... Но я никак не могла вспомнить, что.

* * *

– Как там Ольга?

– В порядке. Распродала то немногое, что уцелело, и закрыла магазин.

– Жаль... Анна, как меня нашли? – спросила я у мачехи, стараясь, чтоб голос не выделял предательских выражений.

– Прикатил «Беркут», – начала она. – Кого успели, переловили, потом... приехали кареты скорой... Слушай, твой отец будет зол, если узнает, что мы об этом говорили. Может, ну их, эти разговоры? Давай-ка поешь.

– Да нормально все. «Беркут», значит...

Я вспомнила вышитого орла на плече Феликса-из-сна и поежилась.

– Мне часто снится, что меня выносит из того магазина Фел... человек в форме «Беркута».

– Так и было. Может, это не сон, а воспоминание. Ты иногда приходила в сознание. Наверняка что-то слышала и видела, – Анна говорила медленно, словно слова застредали у нее в горле. – Слушай, я приготовила для тебя цыпленка! Если ты сейчас же его не съешь, мне придется везти его обратно по этой жаре, а по приезде выбросить, смирившись с тем, что несчастная птица умерла зря и этот куст розмарина в нашем саду тоже отращивал ботву зря... Ну так что? Будешь есть?

– Буду! – выпалила я с деланной серьезностью, и мы обе рассмеялись. О чем я тут же пожалела, чувствуя вспышку боли в боку.

– Ты сказала, что кое-кого поймали? – Я поздно поняла, что снова гоню грозовую тучу в

едва возникшую атмосферу непринужденности.

– Да, – буркнула Анна. Достала завернутый в салфетку нож и принялась пилить цыпленка.

– Он уже умер, – пошутила я и стала ждать ответную шутку. Но вдруг нож в руке Анны погрузился в жареное мясо по самую рукоятку и замер, она застыла на месте и выпалила:

– Не умер, он просто разбил голову. Поделом, Бог все видит.

– Что? – поперхнулась я.

Анна ошарашено поджала губы.

– Ты имела в виду... цыпленка, да? – наконец криво усмехнулась она.

– Да! А ты кого имела в виду?

– Слушай... Твой отец меня...

– Анна, пожалуйста...

– Разделает на части, – закончила она.

«По-жа-луй-ста», – повторила я одними губами. И она сдалась, выкатывая слова медленно, как валуны.

– Один из задержанных. Разбил себе голову о металлическую перегородку в машине. Очень сильно.

– Как? Случайно?

– Нет. Случайно так удариться невозможно! Он бился головой об эту... железку, пока его не оттянули и что-то не вкололи. Там черепно-мозговая и кровавое месиво вместо лица. Ох, зачем я все это рассказываю, твой отец меня закопает...

У меня перехватило дыхание.

«Крови много не бывает», – говорю я идвигаю задницу поближе к решетке, обрамляющей сиденье водителя. «Крови много...» – я упираюсь лбом в металлическую перекладину и...

– О...

И в эту секунду я вспомнила тот обрывок сна, который каждый раз ускользал от меня сразу же после пробуждения. Мои пальцы впились в матрас, комкая простыню.

«Не бывает...» – я откидываю голову назад и с молниеносным ускорением опускаю ее на металлическую балку. Первый удар рассекает кожу на лбу – алый ручей устремляется вниз, разделив лицо на два берега. Вторым удар ломает нос. От боли и напряжения вздуваются вены на руках. Мое сознание готово выпрыгнуть из этого тела, но я почему-то уверена, что у меня еще есть... минута-две. А потом... крылья вернут меня.

– Лица, боже мой... Врача! – завопила Анна. – Ох я дура...

Мне стало трудно дышать, в глазах снова заплясали разноцветные точки. Это не он разбил себе голову. Это я разбила ему голову! Все случившееся в машине для арестантов – не было сном. Я действительно была там!

Меня нашли вскоре после того, как я потеряла сознание под прилавком. Я смотрела на спасающего меня человека в форме и видела перед собой Феликса. А потом я отключилась, и мое сознание «перепрыгнуло» в тело мужика в черных ботинках. Одна часть меня осознавала реальность произошедшего, а другая – большая – пыталась выдать все происходящее за галлюцинацию на фоне травматического шока. Одна часть меня решила, что другой такой шанс для кровавой – во всех смыслах – мести больше не подвернется. Другая – сделала все, чтобы я не вспомнила об этом.

Я собрала свой ужасный пазл и теперь, предчувствуя скорое помешательство, не могла

оторвать от него глаз.

* * *

Едва я встала на ноги после нападения, отцу предложили работу в Германии. Эта новость стала для меня полной неожиданностью. Мой папа, который днями и ночами пропадал в своей лаборатории, в подземелье какого-то (научно-исследовательского института) дракона, и о котором, как мне казалось, кроме меня и Анны, никто не вспоминает, – вдруг позарез понадобился кому-то аж в Германии. Если точнее, в Центре молекулярной биологии Хайдельбергского университета. (Мне, как примерной дочери, пришлось выучить назубок место новой «работы».)

Оказалось, папино имя было на слуху в научной среде. О чем я, наверно, знала бы, если бы хоть чуть-чуть соображала в генетике. Но, ясное дело, с генетикой я не дружила, а папа сообщать мне о своей крутости не считал нужным. В те драгоценные дни, когда он не сражался допоздна со своим «драконом», а мог провести время с семьей, – он предпочитал говорить не о работе, а о более важных вещах. Например, о том, есть ли у меня уже ухажер и не распускает ли он руки.

И тут вдруг эти немцы, выманивающие папу из подземелья в свои светлые, уютные лаборатории. Конечно, он не мог отказаться, не мог устоять. А нам с Анной не оставалось ничего другого, как радоваться вместе с ним, засунув подальше вопросы «надолго ли?», «а как же мы?» и «что же дальше?».

На семейном совете, за тарелкой дымящегося жаркого и бутылкой шампанского, было решено, что Анна не поедет с отцом в Германию. Останется в Симферополе еще на год, пока я не окончу школу, а Феликс – колледж.

О том, чтобы оставить «ребятишек» без присмотра, и речи не шло. Во многом благодаря Феликсу. На Феликса со спокойной душой можно было наклеить ярлык «трудный ребенок». «Ребенок» шел двадцать третий год, но трудностей все не убавлялось...

* * *

Отец уехал в Германию сразу же после первого звонка, когда я, торжественно разодетая в белоснежную рубашку и черные брюки (все что угодно, только бы скрыть свежие шрамы на руках и ногах), начала свой последний учебный год. Даже Феликс заявился на торжественную линейку с тремя алыми розами наперевес. Меня бросало в дрожь от красных цветов после погрома; меня тошнило от самого Феликса, но я взяла букет с вежливой улыбкой, пока мои одноклассницы поедали Феликса глазами (почему девчонкам всегда нравятся отморозки?). Потом мы всей семьей отправились гулять в парк, ели мороженое и смеялись – пожалуй, это была последняя радужная страница в жизни нашей семьи. А потом все покатило в пропасть.

Феликс и раньше без особого трепета относился к матери, но после отъезда моего отца словно с тормозов слетел. Я не раз видела его пьяным в компании друзей. До меня все чаще доходили слухи, что его компания развлекается не только алкоголем, но и наркотиками. Я отказывалась верить, пока однажды он не заявился в наш дом с эти самыми «друзьями».

Анна тогда уехала на какой-то «цветочный» симпозиум в Ялту, учиться собственноручно опылять орхидеи. Развлекаться, в общем. Я коротала вечер на нашем старом диване, в компании огромной чашки чая и сериала «Во все тяжкие». И тут в двери повернулся ключ, и она бесцеремонно распахнулась. Звук был такой, как будто ее открыли, пнув ногой. Я вздрогнула и пролила на себя чай.

– А вот и моя дорогая сестричка, – хохотнул Феликс, вваливаясь в гостиную. Он выглядел странно, не так как обычно: движения, выражение лица, речь – все какое-то резкое, судорожное. Но больше всего меня поразили глаза: они казались почти черными в полумраке и смотрели на меня так, как будто видели впервые. Этот взгляд был невыносим.

За Феликсом в дом просочилось еще полдюжины парней – шумные, горластые, бесцеремонные. Бритые затылки, бутылки пива в руках. Непрошенная свора гончих псов в моей тихой, домашней реальности. Наверно, так чувствуют себя лисята, когда в нору спускают фокстерьеров. Один из типов зажег сигарету, стоя прямо посреди гостиной! А у нас тут сроду никто не курил!

Я выключила телек, отставила чашку и встала:

– Эй, потуши сигарету.

– А то что? – ухмыльнулся тот, обнажая ряд мелких, прямо-таки рыбьих зубов. У наглеца были желтовато-белые волосы, прыщавая бледная кожа и бесцветные глаза. То ли летнее солнце отказывалось прикасаться к нему, то ли он выползал из своей пещеры исключительно по ночам.

Я перевела глаза на Феликса. Тот стоял и улыбался, наслаждаясь моим замешательством.

– А то я звоню Анне и отцу, – рассердилась я (лисята тоже умеют кусаться!).

– Ваню, гаси никотин, а не то канарейка выклюет тебе глазки, – буркнул Феликс, пытаясь скорчить серьезную мину, но было понятно, что он едва не лопаётся со смеху.

Тип погасил сигарету, но прежде, испытывая мои нервы и глядя на меня с пугающей насмешкой, выпустил в потолок синюю струю дыма.

Не нужно было быть профессором, чтобы по этим расширенным зрачкам и несвязной речи понять, что мне лучше убраться в свою комнату, запереть дверь на максимум оборотов и сидеть тихо. Шесть двадцатилетних лбов под кайфом – не лучшая компания для школьницы, экстремальный опыт которой заканчивался на нескольких выкуренных в школьном туалете сигаретах.

Я ничего не сказала Анне, о чем потом неоднократно жалела. Возможно, тогда было еще не поздно. Возможно, отец смог бы задействовать свои связи и не дать пасынку ступить на кривую дорожку. А дорожка и в самом деле оказалась очень кривой.

* * *

Феликс учился в автотранспортном колледже. «Учился» – это громко сказано, «числился» – в самый раз. Пока в результате не был отчислен за проваленную сессию.

Когда все вылилось наружу, Феликс перестал появляться дома. Анна звонила ему каждый день, ездила в общежитие, в котором он когда-то жил, но так ни разу и не застала его там. Знал бы этот отморозок, сколько слез она пролила.

А потом телефон Феликса начал постоянно пребывать вне зоны сети. Анна обратилась в милицию, начались поиски. Перетрясли всех его приятелей и знакомых. Отец неоднократно

приезжал поддержать Анну. Он даже подумывал огорчить немцев и вернуться в Симферополь, но Анна была категорически против. Уехать в Германию она тоже отказывалась, до последнего надеясь на то, что Феликс однажды постучит в дверь.

Анна была полностью сломлена. У куска мяса, пропущенного через мясорубку, и то было больше душевной стойкости и веры в лучшее, чем было у нее. По вечерам после уроков я готовила Анне ужин, читала и укладывала спать, как маленького ребенка. Она буквально на глазах становилась тоньше и бескровней. Ее пожирала сильнейшая депрессия.

Каждый день я клялась себе, что, если когда-нибудь живой и невредимый Феликс предстанет передо мной – я живого места на нем не оставлю.

* * *

Год близился к концу. О Феликсе ничего не было известно вот уже несколько месяцев. Отец намекнул мне, что неплохо бы взяться за немецкий язык, а потом, чем черт не шутит, поступить в университет в Германии. Одним словом, озадачил.

Я еще не представляла толком, чем бы мне хотелось заниматься в жизни, не хотела изучать немецкий, не хотела уезжать из любимого города. Однако, как ни крути, чувствовала острую потребность уехать поближе к отцу, быть рядом и увезти к нему Анну. Этот вихрь противоречий сводил меня с ума...

В остальном жизнь снова нащупала прежнее русло и теперь, капля за каплей, возвращалась в него. Казалось, еще день-два, и станет совсем легко. Однако это предвкушение было преждевременным...

* * *

Найти репетитора по немецкому не составило труда. Я просто открыла газету, пробежалась глазами по списку имен и вдруг увидела то, что надо. Имени было достаточно! Хельга Адольфовна! Человек с таким именем просто обязан был знать немецкий в совершенстве.

Интуиция не подвела. Хельга оказалась пожилой арийской дивой с тщательно уложенными седыми волосами и в свои шестьдесят с небольшим отличалась невероятной энергией и свежестью. словно последние лет двадцать пролежала в криокамере. Ну или, по крайней мере, ежедневно пропускала по стаканчику эликсира молодости. Я даже представить не могла, что такие люди водятся в нашем запущенном городишке.

Как-то в субботу утром, за несколько дней до Нового года, я отправилась в гости к Хельге за очередной порцией зубодробительной германской лексики. Снег шел всю ночь, густо засыпал подоконники, а сад вообще превратился в заколдованный лес из сказок про Нарнию. В доме витал запах корицы и лимонных корок: Анна все утро пекла печенье, и я даже успела стянуть у нее несколько штучек перед отъездом.

Маршрутка до Маршала Жукова, и вот я на месте, звоню в дверь, стягивая на ходу куртку и вытряхивая мокрый снег из капюшона. Щелкнул замок, дверь беззвучно открылась, и я, постукивая каблуками, шагнула в полумрак гостиной. К моему удивлению, вместо Хельги передо мной стоял незнакомый рыжеволосый тип в красной толстовке. Я напряглась. В

голове завертелся рой самых мрачных подозрений: разве у Хельги были родственники? разве этот тип годится ей в приятели? разве он похож на какого-нибудь сантехника или компьютерного мастера? Нет, нет и нет – вот ответы на все эти вопросы! Мне конец. Этот тип залез в квартиру, уколошил Хельгу, которая наверняка сейчас лежит где-нибудь в ванне с проломленным черепом, и вот теперь... МНЕ КОНЕЦ!

– К-кто вы?

Он прищурился, как будто не совсем расслышал мой вопрос, а в следующую секунду случилось то, что заставило меня покраснеть до корней волос.

– Ich heiÙe Stefan^[4], – начал он на чистейшем немецком языке. Он говорил так легко и быстро, что я едва успела разобрать: «Я внук Хельги. Ей нездоровилось в последнее время, и она решила, что провести новогодние каникулы в санатории – отличная идея. Мне жаль, что бабуля не успела предупредить тебя».

– Ага. Понятно, – промямлила я, мечтая сквозь землю провалиться. И желательно поглубже.

Он рассмеялся, с удовольствием наблюдая за моей реакцией и лицом, медленно превращающимся в красный помидор. И тут, когда глаза окончательно привыкли к полумраку гостиной, а сердце перестало бешено колотиться, я заметила, что он не намного старше меня, хотя значительно выше и заметно шире в плечах. Он чем-то смахивал на английского принца Гарри: румянец на щеках и насмешливые глаза. Клянусь, уже через три минуты после нашего знакомства я не могла понять, как меня угораздило принять его за грабителя. *«Да я просто чокнутая истеричка, наверно, в этом все дело».*

– Лица, – представилась я. – Хельга Адольфовна – мой репетитор по немецкому.

– Я знаю, – сказал он, взял мою куртку и сунул ее в шкаф.

– А что с ней? Это серьезно? Я, наверно, тогда... пойду, – залепетала я, провожая взглядом одежду, только что скрывшуюся за лакированной дверцей.

– Да ничего серьезного. Я позанимаюсь с тобой, никаких проблем, – сказал он и повел меня в кабинет.

* * *

Я провела в гостях у Стефана целый день и даже не заметила, как стемнело. Он решил проводить меня до такси, когда я наконец собралась домой. А под козырьком подъезда неожиданно взял меня за руку и спросил:

– Что ты делаешь завтра?

Парней, с которыми я целовалась, можно было пересчитать на пальцах одной руки. И чаще всего их выбирала не я, а бутылочка, вертящаяся по кругу на школьных вечеринках, или рука ведущего в «кис-брысь-мяу». Эти поцелуи были ненастоящими, суррогатными, пластмассовыми. «Толик, или как тебя там, я тебя сейчас поцелую, только, бога ради, убери свой язык подальше», – вот что обычно жужжало в моей голове, когда малознакомое лицо наклонялось ко мне, обдавая запахом табака и мятной жвачки.

Но сейчас все мысли, как после взрыва, разнесло в стороны. Не осталось ничего, кроме чувства сладкой опьяняющей тревоги, словно я стояла на краю обрыва, смотрела вниз и знала, что еще мгновение – и я прыгну. Адреналин проникал в артерии, звуки улицы куда-то исчезли, мои пальцы переплелись с его пальцами.

Я подняла глаза.

– Стефан... – выдохнула я. Его имя скользнуло по моим губам мягко, глухо, как полоска бархата. Я плохо контролировала интонации голоса, и, кажется, его имя прозвучало как приглашение. Которое он, не раздумывая, принял. Его губы легли на мои, прижимаясь, обволакивая, стирая остатки прозрачной помады. Мне понравилась эта решительность. Я слушала бурю, которая поднималась во мне, и целовала этого парня так, как еще никого никогда, как вдруг...

Вдруг я почувствовала, что он остановился. Мои губы продолжали двигаться, но он не отвечал. Я расцепила пальцы, которые почему-то оказались сомкнутыми за его спиной, а не на плечах, открыла глаза и... застыла от ужаса.

Я стояла под козырьком подъезда и держала в объятиях *саму себя*. Я держала в объятиях *свое тело*, которое было без сознания, руки которого только что безжизненно повисли, голова которого свесилась на бок, выронив из-за уха волну темных волос. Я, испуганная до смерти, находилась в теле Стефана, сжимая его руками – мое! – пустое, неподвижное тело.

* * *

Прошла то ли минута, то ли десять, а может быть, целая вечность. Я была ошеломлена каскадом новых ощущений: джинсы не обтягивают бедра, а сидят свободно, куртка на плечах непривычно тяжелая, на ногах невероятно удобные ботинки, гораздо удобней сапог на высоких каблуках.

«Господи милосердный! Я в теле Стефана!»

Снежный вихрь обдал нас снегом, сбивая с ног. Я еле-еле удержала на ногах тело Стефана и *свое* обмякшее тело. Я прижала его к стене, усиленно соображая, что делать дальше. Дышит ли *мое* тело, где сейчас сознание Стефана и – Матерь Божья! – вернусь ли я обратно?!

Из темноты вынырнули двое, прошли мимо и исчезли в глубине подъезда, даже не глянув в нашу сторону. Я представила, как мы выглядим со стороны: тип в толстой куртке жмет к стене какую-то черноволосую девицу, кого этим удивишь... Как только стих звук шагов, я схватила *свою* болтающуюся руку, чтобы нащупать пульс на запястье, и, к своему ужасу, не смогла его найти. Тогда трясущимися руками начала расстегивать молнию на *своей* куртке, пытаясь добраться до горла и нащупать пульсацию сонной артерии. Прижалась ухом ко рту. Тихое дыхание коснулось моего виска, под пальцами на шее шевелился пульс. Я зажмурила глаза изо всех сил и зашептала, обращаясь ко всем святым и чертям сразу: «Пожалуйста, верните меня, я не хочу всего этого, пожалуйста, я не хочу...» и тут же провалилась в темноту, растекшуюся вокруг так неожиданно, словно кто-то щелкнул выключателем.

Мгновение спустя я почувствовала невероятное давление: что-то прижимало меня к стене так, что ребра едва не хрустели. Я открыла глаза и повторила в сотый раз: «Пожалуйста, я не хочу»...

Стефан стоял напротив, притиснув меня к стене и низко опустив голову. Одна его рука больно сжимала мое запястье, а другая все еще была на моем горле, впившись пальцами в ямки под подбородком... я еле дышала.

Он мгновенно отдернул руки, глядя на меня с тревогой, и был бел как бумага. Он ничего

не помнил. И ничего не понимал.

– Лика... – начал он. – Я, кажется...

Он был напуган не меньше моего. Но я была не в состоянии сказать ему то, что следовало: «ты не виноват, это все я», «ничего такого не случилось», «ты не сделал мне больно». Я вообще была не в состоянии говорить. Меня переполняло отчаяние. Если бы внутри меня существовал город, то сейчас его бы просто сровняло с землей, со всеми его домами, улицами и мостами... Его бы просто стерло с лица земли.

Твердь под ногами качнулась, как в лифте: я медленно погружалась в свой персональный ад.

* * *

Я бежала по темной улице, едва разбирая дорогу. Наверное, так летит сквозь лесную чащу перепуганная насмерть птица: не чувствуя усталости и боли, вне времени и пространства, без всяких мыслей – только хрип и хлопанье крыльев.

Дальше, дальше от этого места, где только что подо мной разверзлась земля и рука какого-то невидимого демона ухватила меня за лодыжку!

Я бежала, пока могла дышать, потом морозный воздух сделал свое дело: грудную клетку словно стеклом набили, и я рухнула на обледеневшую скамью в каком-то незнакомом парке. Дыши, Лика Вернер, дыши. Пейзаж, пространство, предметы – все постепенно начало обретать очертания. Черный металл скамейки, мой оранжево-красный шарф: один конец чудом цепляется за шею, другой – болтается у самой земли, разбитые ладони, разорванные на коленях джинсы...

Я – запертая в милицейской машине, в теле арестованного мужика, – это все было реальностью, все до последней детали! Тогда я смогла обмануть себя, смогла убедить себя, что все это было посттравматическим бредом, хотя и до чертиков реальным. Но не в этот раз.

Снег таял на шее и лице и сползал ледяными струями за шиворот. Слезы текли по щекам, так что, когда я наконец добралась домой, на моем бесцветном, распухшем лице не осталось ни капли косметики.

* * *

Две недели я провела дома, свалившись с такой ангиной, какой у меня сроду не было: не могла ни есть, ни говорить. Анна, как цербер, никого ко мне не подпускала, даже самых близких друзей. Я не сопротивлялась. Александра все поймет, Ида все простит, я объясню им все. Если хватит слов...

Впрочем, однажды Анна все же принесла мне телефон. «Он очень просил», – призналась она, поправила одеяло и вышла. Я знала, что это Стефан, еще до того, как услышала голос.

– Я тогда наверно... вырубился. Мы целовались, а потом – ничего не помню. Вообще. Но у тебя было такое лицо, как будто случилось что-то ужасное... Мы можем встретиться?

– Нет, не могу, не получится, никак, – начала неумело отказываться я.

«Прости, Стефан... я не хочу никаких парней. Никаких встреч. Никаких разговоров. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Потому что мне очень – ОЧЕНЬ! – страшно».

* * *

Зеркало не врало: я давно не выглядела так хреново. Блеклые, торчащие во все стороны волосы, бледная сухая кожа, кажущаяся еще более бледной на фоне волос, фиолетовые круги под глазами. И серые, нездорово тусклые глаза. «Мои свинцовые пули», – любил говорить о них папа, когда я приходила к нему, рассерженная или огорченная чем-то. Теперь максимум, на что эти глаза могли рассчитывать, – две старые оловянные пуговицы.

Ох, папа... Мысли об отце тут же придали мне сил. Нет, я не могу позволить себе сломаться. «Всему есть объяснение», – сказал бы он. Так и есть. Если это кошмар, мне нужно проснуться. Если это помешательство, мне нужен врач и банка разноцветных колес. Если я монстр, мне нужно научиться жить с этим.

2. Спасаться от себя самой

Говорят, что процесс принятия неизбежного состоит из пяти стадий: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Сначала ты качаешь головой, потом кричишь и бьешь об пол тарелки, затем пытаешься заключить сделку с судьбой, после пьешь антидепрессанты горстями и вот наконец падаешь в изнеможении, раскинув в стороны руки... Я и тут не вписалась в норму: стадии сменяли друг друга в хаотичном беспорядке, день за днем, месяц за месяцем. Декабрь, январь, февраль – вода, огонь, медные трубы. К концу зимы я смогла бы написать диссертацию на тему: «Как быть *вне себя*, не привлекая внимания окружающих». Теперь меня начало выбрасывать в школе.

Первый раз случился на уроке химии. Ничто не предвещало беды: класс мирно похрапывал, химичка разрисовывала доску формулами, Ида что-то шкрябала на клочке бумаги. И тут все пришло в движение: класс завертел головами, над нашей партой склонилась химичка и тут же гордо выпрямилась с трофеем в руке.

– Ковалевская! Что у нас тут?! Неужели что-то более важное, чем ковалентные связи? Так-так... – химичка развернула отобранную у Иды записку и громко откашлялась. – *Я тоже не могу перестать думать о тебе. Постоянно прокручиваю в голове нашу последнюю встречу...*

– О не-ет, – Ида прижала ладони к пылающим щекам. – Пожалуйста-а...

Ни один вменяемый человек не смог бы намеренно обидеть Иду: маленькая, хрупкая девушка с лицом фарфоровой куколочки. Да легче пнуть котенка, чем обидеть Иду. Но у химички кислотные пары давно выжгли зону умиления в мозгу.

– *Не представляешь, как мне хочется...* – продолжала химичка.

Я обернулась и встретилась глазами с сидящей позади Алькой. Она тоже была в бешенстве. Коротко стриженные каштановые волосы торчат во все стороны, как наэлектризованные, глаза опасно сузились, карандаш в руке вот-вот сломается. Она тоже не любила, когда пинают котят. Более того, сама могла отпинать кого угодно.

– *...сбежать с этой гребаной химии (ай-яй-яй, Ковалевская!) тесте с тобой и целоваться, пока...*

– Ну хватит! – вскочила я и – в следующее мгновение рухнула на парту.

Таких быстрых «перемещений» у меня еще не было. Я качнулась на каблуках старомодных туфель, опустила руку с запиской и протянула ее обратно Иде. Находиться в теле химички было все равно что сидеть в бабушкином платяном шкафу: запах лаванды, средства от моли и старых кожаных ремней.

– Сама не знаю, что со мной, – скрипучим голосом сказала я. – Прости меня, Ида. Иногда мы, взрослые, ведем себя как придурки. Конечно, я бы хотела, чтобы мои уроки химии не были такими нудными, но, боюсь, у меня нет таланта рассказывать интересно о неинтересных вещах. Зато я умею лезть в чужую личную жизнь!

Класс застыл от удивления, а потом лег от смеха. Мне удалось одним махом спасти от насмешек Иду и химичку – от коллективной ненависти. И никто даже не заметил, что голова Лики Вернер остаток урока лежала, посапывая, на парте.

Потом было происшествие на уроке физкультуры. Я так больно подвернула ногу, что в глазах потемнело. А когда темнота рассеялась, обнаружила, что сижу в мускулистом теле одноклассника Витьки Чижова, а пожелтевший от страха физрук пытается привести мое

тело в чувство.

– Смотри, Вернер хлопнулась в обморок от боли, – ткнул меня в бок долговязый Гренкин и расплылся в идиотической улыбке. – Круто, да?

– Да пошел ты, – так мрачно прогрохотала я Витькиным басом, что Гренкина тут же как ветром сдуло.

Потом меня разочек «вытряхнуло» на биологии («Лику, голодные диеты – это очень, очень плохо для обмена веществ и вообще для организма!»), на уроке информатики («Откройте окно! Да не на компьютере! Настоящее окно! Вернер снова плохо...»), на уроке физики. («Ковалевская, сбегайте за медсестрой! А вы придержите Лику, чтобы не упала с парты. Все остальные тем временем решают такую задачу: Ковалевская бежит к медсестре по круглому коридору со скоростью двенадцать километров в час. Тело Ковалевской испытывает направленное к центру окружности постоянное центростремительное ускорение...»)

Вот тогда-то до меня наконец начало доходить, что пора бы успокоиться и взяться за дело с другого конца.

* * *

Я начала налегать на витамины «для мозга» и решила заняться укреплением нервной системы: побольше спать, поменьше психовать, гулять побольше, зубрить поменьше. Надеялась, что в мозгу вырастут те самые недостающие связи, которые помогут мне держать мое сознание внутри тела, как у всех нормальных людей. И по мере сил пыталась вывести закономерности, понять, *почему* меня выбрасывает, на какое время, на какое расстояние от родного тела... Люди с хроническими болезнями, как правило, знают о своих болячках все. То же самое предстояло сделать и мне. Я завела блокнотик, в котором старательно описывала каждый свой «прыжок», включая все, что ему предшествовало. Я решила разобраться раз и навсегда, что же служит спусковым крючком и как всему этому противостоять.

И однажды наконец разобралась.

Мне *просто* не нужно нервничать.

Мне *просто* нельзя испытывать боль.

* * *

Примерно в начале весны мне начал звонить кто-то незнакомый и настаивать на встрече со мной. Голос мне не нравился, и моя интуиция подсказывала мне, что от обладателя этого голоса лучше держаться подальше. Но он несколько раз упомянул Феликса, поэтому я не спешила бросать трубку, а внимательно слушала все, что говорил мне этот назойливый тип.

– Кто вы? Может быть, вы знаете, куда пропал Феликс?

– Может быть, и знаю, но это не телефонный разговор, Ликусик.

Меня передернуло от этого гадкого, вульгарного, бесцеремонного «Ликусик».

– Откуда вы знаете мое имя?

– Давай встретимся. Я скажу где.

– Феликс жив?

– Какая ты бойкая, мне это нравится, – проговорил мужик, и я тут же почувствовала, как мой завтрак настойчиво просится наружу.

– Послушайте, за любую информацию о Феликсе мои родители дадут большое вознаграждение, вам следует обратиться к ним, какой вам толк от меня?

– Давай ты придешь, и я удовлетворю твое любопытство.

Бр-р. Тут мне стало совсем не по себе. Я очень хотела получить хоть какую-то информацию о сводном брате, но чувствовала, что знакомые Феликса – это не те люди, с которыми мне стоит встречаться, и что цена, заплаченная за эту информацию, может быть... слишком большой. Я бросила трубку и поежилась: меня вдруг захлестнула уверенность, что в этот момент человек на том конце провода разразился отборнейшими ругательствами.

* * *

Мы сбросили рюкзаки и уселись под тентом школьного кафе. Я, Алька и Ида. Три товарища, три мушкетера, три поросенка – ну, в общем, не разлей вода. Апрель был на исходе, впереди маячили выходные, домашкой особо не загрузили, до экзаменов была пропасть времени, так что жизнь представлялась вполне сахарной.

Алька дымила сигаретой, нервно оглядываясь по сторонам.

– Мой мамуслик открутит мне голову, если узнает... Нет, сначала открутит голову тому, кто продал мне пачку... Нет, сначала арестует его и отлупит электрошокером!

– Электрошокером не лупят, – поморщилась Ида.

– Моя мама лупит.

– Может, она просто не в курсе, как он работает?

Ида листала любимый учебник Сканави, черкая на полях карандашом. Она была похожа на фарфоровую куклу-блондинку ровно до тех пор, пока не открывала рот. В тот момент, когда она начинала говорить, становилось ясно, что у «куклы» внутри не вата с опилками, а как минимум операционная система «Андроид». Ида готовилась к поступлению на математический: три поколения математиков по папиной линии не оставили Идке ни единого шанса быть нормальным человеком. Даже мама-телеведущая не смогла подправить дочери карму.

– Так, Вернер, что происходит, а? Выкладывай.

– А? Что? – встрепелась я. Видимо, разговор об электрошокерах уже давно закончился.

– Лика, с тобой все нормально? – подключилась Ида. – Ходят слухи, что... Хотя понятно, что вероятность стремится к нулю...

– Ну? – я перестала жевать и уставилась на подруг в ожидании объяснений.

Те неловко переглянулись.

– Что за слухи еще?!

– Ну, в общем... Говорят, что... Лика, ты беременна? – последнее слово Алька выговорила почти беззвучно.

– Ч-чего? – поперхнулась я. – Что за бред?!

– Ну вот! – воскликнула Ида. – Я же говорила, стремится к нулю!

– Ну сама подумай. В обмороки хлопаешься что ни день, засыпаешь посреди уроков. От физры освободили вообще, – Алька склонила голову набок.

– Слушайте! – начала орать я, но тут же опустилась до шепота. – Я не беременна, понятно?

– Да понятно-понятно. Просто мы волнуемся. Сечешь? – примирительно сказала Ида. – Так что не кипятись.

– И выкладывай, что с тобой, – подытожила Алька.

Мне не хотелось врать тем немногим людям, которые продолжали бы любить меня, даже превратись я в чудовище Франкенштейна. Но этот секрет – *мой секрет* – был слишком невозможным, слишком ГИГАНТСКИМ для этой реальности. Достать из своего шкафа самый жуткий скелет, сдуть с него пыль и потрясти у подруг перед носом? Ну нет. Я набрала побольше воздуха в легкие.

– У меня болезнь, связанная с... нарушением кровообращения в мозге. Отсюда постоянные обмороки. Сначала нападение в магазине, потом Феликс пропал, я перенервничала, и вот болезнь активизировалась. А до этого не проявлялась, – сказала я, придумывая на ходу.

– Ты умрешь?! – испуганно прошептала Ида.

– Еще чего! По крайней мере не в обозримом будущем. Но мне теперь нельзя нервничать, сразу отключаюсь. А еще не выяснять отношения, не испытывать боль, не возбуждаться, не волноваться и... ой, все...

– А жить как? – возмутилась Алька и, видимо, тут же пожалела о сказанном.

– Не знаю, – я уронила лоб в ладони, пытаясь не разреветься. – А еще меня достает по телефону какой-то мужик и просит встречи.

– Ух ты, – тут же переключилась на новую тему Ида. – Давно?

– Несколько недель.

– Как романтично!

– Не романтично. Если бы ты послушала этот голос, то поняла бы. Жуткий тип, без тормозов.

– Если будет доставать, накатывай в гости. Ты моей мамане, в отличие от Феликса, всегда нравилась, – подмигнула Алька.

– Спасибо. Но, надеюсь, до этого не дойдет.

Я не горела желанием снова столкнуться нос к носу с Алькиной матерью. Та работала следователем, вела дело о пропаже Феликса и успела изучить наше семейство вдоль и поперек. Деловая, допытливая, бесцеремонная (теперь я знала, какой будет Алька, когда вырастет) – я не могла представить ее на кухне, в переднике, с поварешкой в руке. Только на «задании», с пистолетами в обеих руках. Хотя Алька божилась, что ее «мамуслик» отлично готовит и даже иногда занимается вязанием. «Вяжет жуликов. И носки», – говаривала Алька и при этом всегда ржала, как ненормальная.

– Имей в виду, анонимные звонки обычно ни к чему хорошему не приводят, – на этот раз Алька была серьезна.

– Откуда статистика? – захлопала ресницами Ида.

– Ну начинается! От человека, который всю жизнь с этими анонимными звонками разбирается, от моей мамани то есть! – взорвалась Алька.

– Проблема в том, что твоя мама работает только с отрицательными случаями, а положительные в глаза не видела. Потому что счастливые получатели анонимных звонков в милицию просто не обращаются, а просто весело проводят время. Адвокаты по бракоразводным делам небось тоже считают, что все браки ни к чему хорошему не приводят.

Сечешь? То есть я хочу сказать, что для выводов надо обладать полной статистикой, а ею твоя мама вряд ли...

– Моя мама вряд ли – что?

Я откинулась на спинку стула и открыла банку лимонада: перепалки между Идой и Алькой стоили того, чтобы не пропустить ни единого слова. Так спорили бы операционная система «Андроид» и электрошокер.

* * *

Мне нужно было спастись от себя самой, сменить обстановку, вырваться из привычной среды. Поэтому когда Алька сообщила, что едет в Киев в гости к тете, мы с Идой решили упасть ей на хвост.

Романтику путешествия на поезде мало что может испортить. Даже если матрас тонкий, окна запыхались, а у проводницы лицо как у тюремного надзирателя. Мы купили три билета в купе, скинулись вместе на четвертый, чтобы избавить себя от попутчиков, и, как только «надзирательница» проверила билеты, заперли двери купе и погрузились в долгожданное уединение.

Я нацепила наушники и включила музыку погромче, так что не сразу заметила, как Альхен что-то рассказывает с уморительным выражением лица, а Ида всюду давится смехом.

– Что? – не выдержала я и стащила наушники.

– Тут, говорят, Чижик на тебя запал.

– Бред, – отрезала я и начала заталкивать наушники обратно.

– А может, и не бред, – заржала Алька. – Мне Гренкин растрепал, что когда ты на физре в обморок хлопнулась, Чижов стоял мрачный, как терминатор, и чуть Гренкину по шее не навалил, когда тот... слишком развеселился.

Я засмеялась, вспоминая, как меня перекинуло в тело Чижова.

– Быть этого не может, только не Чижик.

– Я бы не делала выводов заранее, – многозначительно кашлянула Алька. – С ними всегда так: молчат-молчат, а потом ка-а-ак сносит крышу. И вот он уже весь твой, хватается тебя за руки, лезет с поцелуями...

Ида расхохоталась, а я примолкла, пришибленная внезапными воспоминаниями о Стефане и о том вечере – последнем вечере, когда можно было целовать парня, ни о чем не думая и ничего не опасаясь.

– Не имеет значения, – сказала я. – По ходу, с парнями все кончено.

– Да ну? Ты чего? – хором возмутились Алька с Идой.

Я уронила голову на подушку.

– Нет, правда. Я знаю наверняка, как только ко мне кто-нибудь прикоснется, со мной опять... опять начнется...

Алька забралась ко мне на верхнюю полку и вытянулась рядом.

– Думаешь, что грохнешься в обморок, как только какой-нибудь счастливчик поцелует тебя?

– Угу, – шмыгнула носом я.

– Зря. Они все такие неумехи. Думаю, что нужно очень постараться, чтобы довести тебя до обморока, Вернер. Ты же крепкий орешек! Ага, да, точно тебе говорю!

– Ты крепкий орешек, да, – отозвалась с нижней полки Ида, шурша страницами учебника по математике.

– Ты это кому? Мне или Сканави? – переспросила я, и мы хором рассмеялись.

* * *

Едва мы вылезли из вагона, с восторгом оглядывая столичный вокзал, как небо над головой словно разошлось по шву и город накрыл немилосердный, ледяной, пробирающий до костей ливень. Нам заранее и в голову не пришло, что весна в Киеве может быть совсем не такой, как весна в Крыму! За что мы тут же поплатились, продрогнув на ледяном ветру и набрав полные сандалии воды.

А когда наконец добрались до Алькиной тетушки, то из трех цветущих крымских нимф превратились в трех посиневших мокрых куриц. От мейкапа, который мы старательно наводили все утро в поезде, на лицах осталось унылая серая мазня, старательно уложенные волосы превратились во взъерошенные гнезда, одежда вымокла насквозь. Впрочем, никто не расстроился. Мы были настроены решительно.

– Девчонки, садитесь пить чай. Кофе тоже есть, кому? – позвала нас Таня. – Да, не повезло вам с погодой.

Таня, Алькина тетя, «тетей» значилась чисто формально. Ей было всего около тридцати, а выглядела она максимум на двадцать пять. И, в отличие от Алькиной матери, не вызывала желания поскорее сбежать в другую комнату и спрятаться под кроватью. Наоборот. Вполне сгодилась бы за члена нашей банды. Длинные волосы, дерзкие глаза, легинсы и белая рубашка – этакая «вечная студентка». Одна из тех женщин, которые даже в пятьдесят будут выглядеть точно так же. Я была уверена, что Таня в отличие от сестры-криминалиста – человек искусства. Художница или актриса, поэтому немало удивилась, когда узнала, что ее профессия начисто лишена творчества и романтики: врач в клинической наркологической больнице.

– Да черт с ней, с погодой, мы поедem туда, где есть крыша над головой, – пожала плечами Алька, набивая рот печеньем. – «Койот», надеюсь, все еще стоит на том же самом месте?

– Не знаю, сто лет там не была, – кивнула Таня. – И вообще в последнее время стало тянуть в места поспокойней, старею, что ли...

– Во-во, и работу бы тебе поспокойней. Чесслово, Тань, если бы меня заставили делать то, что делаешь ты... Все эти нарики... – начала было Алька.

– Они тоже люди, Александра, – перебила ее Таня. – И если не я, то кто? Впрочем, это уже не актуально. Я уволилась давно.

Алька, Ида и я разом перестали жевать.

– Мама не говорила тебе? Еще в ноябре прошлого года. После того, как на меня напал пациент...

– О боже! Офигеть! Ужас! – хором выдохнули мы.

– Все обошлось, но через пару дней я положила заявление на стол. Решила, что с меня хватит. Начала искать работу «поспокойней», как ты сказала. Пару месяцев не складывалось, а потом однажды достаю из ящика письмо. А в письме мое имя, фамилия, отчество, и приглашение пройти собеседование на должность специалиста-нарколога в какой-то

швейцарской реабилитационной клинике.

– Швейцарской? Ну-ну, – буркнула Алька. – Похоже на развод.

– Я тоже так подумала. Но все равно, думаю, позвоню, чем черт не шутит. Объяснилась кое-как на моем хреновом английском. Они попросили выслать резюме, спросили, согласна ли я переехать в Швейцарию в случае положительного ответа.

– Вау!

– Я отправила им резюме по электронной почте, а через три дня они перезвонили и сказали, что рады взять меня на работу и начнут оформлять официальное трудоустройство.

– Ух ты! Вау! Так бывает? – снова загалдели мы.

– Не знаю, мне до сих пор не верится.

Алька подняла стакан с чаем, словно собираясь сделать тост:

– Ладно, раз так – еще один повод хорошенько оттянуться сегодня! Тетя Таня, ты с нами?

– Ни за какие коврижки, – усмехнулась та, выглядывая в окно.

Дождь не прекращался. День утекал быстро, как песок сквозь пальцы, и когда мы наконец отогрелись, выпили кофе, выгладили одежду и припудрили носы – на дворе начало вечереть. Таня великодушно выдала нам по теплой куртке и благословила на ночное паломничество по столичным клубам. К утру мы планировали вернуться, чтобы поспать несколько часов перед воскресной вылазкой, и я бы не на шутку испугалась, если бы мне тогда сказали, в *каком* состоянии я вернусь обратно.

– Девочки, будьте поосторожней в городе, – очень серьезно сказала Таня, провожая нас на лестничную площадку. – Я понимаю, что опыт работника наркодиспансера – не самый репрезентативный, но все же. Смотрите по сторонам, держитесь вместе и никому не верьте.

* * *

Мы заблудились. Ида и Алька склонились над телефоном с открытой картой, как какие-нибудь колдуньи над горшком с зельем. Причем колдуньи были не очень смышленные, а горшок вышел из-под контроля и варил непонятно что.

– Ну и где же этот «Койот», будь он неладен! – выругалась Алька. – Откуда мы пришли?

– Кажется, оттуда.

Пока подруги пытались сориентироваться на местности, я подошла поближе к витрине книжного магазина, рассматривая рекламные плакаты. Цветочки и бабочки на плакате Сесилии Ахерн, суповой набор окровавленных конечностей на плакате Кинга, Джоан Роулинг все с тем же мальчиком на метле... И тут мой взгляд остановился на надписи «До встречи с тобой. Джоджо Мойес», я подняла глаза выше и перестала дышать. На плакате была изображена женская фигурка, тянущая руки к улетающей птице.

Я чувствовала странное головокружение. Как будто в меня только что залили огромный бокал вина. Я не могла оторвать взгляд от фигурки, казалось, еще чуть-чуть – и она подпрыгнет высоко-высоко, чтобы наконец поймать эту птицу.

– О боже, – я прикоснулась к картинке, положив руку на холодное стекло. Я отчетливо ощущала близость чего-то неизбежного или *кого-то* неизбежного. И этот кто-то неумолимо приближался.

– Лица, что случилось?!

Я повернулась к подругам.

– У меня такое чувство, что он рядом.

– Кто *он*? – нахмурилась Алька.

– Тот, кто ловит птиц! – я ткнула пальцем в плакат. – Он ищет меня!

– Это конечно прекрасно, что тебя плющит и без валидола, но...

Ида схватила меня за руку:

– Но ты не птица, – строго сказала она.

– Но я могу помочь ему! Я тоже умею ловить птиц!

У меня не было ни минуты на лишние разговоры, я выдернула руку из Идиной ладони и пустилась бежать. Меня словно вела невидимая, натянутая в воздухе нить. Я не выбирала дорогу, дорога выбирала меня. И чем быстрее я бежала, тем отчетливей становилось предчувствие этой неизбежной встречи с тем, кто держал второй конец нити.

Я нырнула в какой-то переулок, добежала до безлюдного перекрестка, на секунду остановилась перед дорогой и тут же рванула вперед. Мои ноги оторвались от земли в рывке, и тут кто-то крепко схватил меня сзади за куртку. Я дернулась, пытаюсь вырваться, рука выпустила мою одежду, и я потеряла равновесие. Мои вытянутые, хватающие воздух руки, молниеносно приближающийся асфальт, оглушающий визг тормозов и крики моих подруг – вот то последнее, что я запомнила. Одновременно с этим меня выбросило.

* * *

«Щелк-щелк», – в голове клацнули выключателем. Я распахнула глаза.

– Сумасшедшая! – я с размаху ударила себя по лицу. – Ты только что угодила под машину!

Вполне вероятно, что тебя уже нет! Тебя НЕТ!

Странное наваждение, приказывающее мне на автопилоте перемещаться в пространстве, вдруг оставило меня. Я рухнула на колени, обхватив руками свою... бритую голову! Осторожно ощупала взглядом тело, в котором была заперта: щуплые, сбитые мальчишечьи руки, рваные штаны, майка, синтетическая куртка... Все ясно. Городская шпана.

Я стояла посреди какой-то незнакомой улочки, придавленной с двух сторон многоэтажками. В отдалении мерцал синеватым светом фонарь. Где-то кто-то брэнчал на гитаре. Я не могла выпрыгнуть далеко! Обычно меня выбрасывало в кого-то неподалеку. Хотя никто не давал мне гарантию, что так будет всегда...

Я вертелась вокруг своей оси, в поисках каких-то ориентиров. Где я вообще и как далеко то место, где мое тело сейчас подпирает колесо какой-нибудь... Не думать, не думать, не думать об этом!

Я увидела впереди силуэт и рванула к нему навстречу:

– Книжный магазин! Подскажите!

Тетка с авоськой, шагавшая мне навстречу, вытянула в сторону руку:

– Туда, а потом направо. Молодец, мальчик, читай книжки.

Мои ноги едва касались земли.

* * *

Я притормозила всего один раз: когда увидела собственное тело на тротуаре темного безлюдного переулка. Видимо, меня уже убрали с дороги и сложили по кусочкам, как мозаику. На дороге стоял внедорожник с мигающими аварийками, видимо, тот самый, которому не повезло наехать на меня. Надо мной склонились Ида и Алька, рядом с ними присели на корточки двое неизвестных: крохотная блондинка и бородатый мужик, – очевидно, пассажиры той самой машины. Они пытаются привести меня в чувство! И на тротуаре нет крови! Я бросилась к участливой четверке и присела с ними рядом, не без страха оглядывая *свое* тело с головы до ног...

– Как она? – спросила я, едва заметно дернувшись от тембра чужого голоса, вырвавшегося из горла. Ида окинула меня изучающим взглядом, все остальные даже головы не повернули. Какой-то небезразличный паренек шел мимо, решил помочь, подумавшись.

– Ей сказочно повезло, что у крошки Изабеллы такая реакция. Еще несколько дюймов, и я бы раздавила ей голову, как орех, – сказала блондинка, тыча пальчиком в садину на *моей* щеке.

Я повернула голову и опешила. Рядом со мной сидела девочка, лет двенадцати-тринадцати на вид, и если бы не кроваво-красная помада и глаза, щедро подведенные дымчато-черным, я бы не дала ей больше десяти. Но она говорит, что... за рулем была она? Но она же ребенок! Нет, я наверно что-то не так поняла. И как этот идиот (я украдкой взглянула на бородатого мужика) разрешил ребенку сесть за руль?! Впрочем, стоит отдать этой крошке должное...

– Значит, машину вела ты? – как можно ровнее спросила я.

Девочка направила на меня огромные пронзительно-голубые глаза-прожекторы и ответила глубоким, низким, совершенно не детским голосом:

– Да. А что? Мне шестнадцать. Хотя все говорят, что я выгляжу... моложе. А вожу уж точно лучше, чем некоторые ходят. Она, эта ваша подружка, – больная, что ли?

– Изабелла, – одернул ее бородатый и снова наклонился к моему телу. Его руки старательно проверяли мой череп на предмет повреждений.

– Значит, она в порядке, да? – неуверенно подала голос Алька, которая все это время не выпускала *мою* безжизненную руку.

Незнакомец кивнул. Девчонка обменялась с ним взглядом и заговорила:

– Похоже на то. Пульс в норме, травм черепа нет, не считая ушиба лицевой кости. Она просто в отключке. Мы подкинем вас до ближайшей клиники, пусть проверят, может быть, сотрясение.

– Ну нет! – выкрикнула я. Четыре лица повернулись ко мне, как по команде. Если они увезут меня – *мое тем*, – а я останусь тут, то сможет ли моя душа вернуться? Сможет ли «прыгнуть» так далеко? А что если нет, что если есть... *ограниченный радиус действия*? Бежать за машиной? Проситься поехать с ними? Для меня в машине просто не будет места. А если бы и было... я сжала кулаки, костяшки на правой руке пару дней назад были ободраны и сейчас покрылись толстыми бурыми корками, на другой руке позванивал браслет с черепами. Меня – бритоголового пацана с разбитыми кулаками – никто не впустит в машину. Я сжала зубы. Нужно задержать их, пока я не «вернусь». А потом катайте меня по больницам до заворота кишок...

– В-вы уверены, что ее можно транспортировать? – задрбезжала я, срываясь на подростковый фальцет. – А что если у нее что-нибудь с позвоночником?

– Да, ее можно транспортировать, – отрезал мужик, за что я его тут же возненавидела.

Тембр его голоса пробудил во мне какое-то странное смятение, но тогда, охваченная неистовой паникой, я не придавала этому значения.

Мужик тотчас поднял мое тело на руки, придерживая болтающуюся голову. Блондинка встала и пошла открывать заднюю дверцу. Я запаниковала.

– С чего такая уверенность? Ты врач, что ли? Я считаю, что нужно дождаться скорую, – грубо заговорила я, выпрямляясь в полный рост.

– Да, он врач, можно и так сказать, – кивнула блондинка, разглядывая меня с ленивым любопытством. – Так что ей сегодня повезло вдвойне.

– Эй, какие-то проблемы? – раздраженно бросила мне Алька.

Мужик, к моей превеликой злости, вообще не обратил на меня никакого внимания, Ида с Алькой суетились вокруг и создавали видимость помощи, пока он без особых усилий переложил мое тело в машину.

– Я вам так благодарна, – сбивчиво начала Алька. Обычно таким голосом она говорила аккуратно перед тем, как разреветься.

Я была на взводе, мысли лихорадочно сменяли одна другую. Я хлопнула себя по карманам штанов, запустила в них руки: денег нет, но зато...

– Никто никуда не поедет, – объявила я, вытаскивая из кармана складной нож. Я даже задуматься не успела над тем, как высвободить лезвие, пальцы как будто действовали сами: привычным движением сжали его с двух сторон, и лезвие тут же выскочило. Я стояла с ножом в руке, опустив голову и приготовившись к борьбе. «Нужно задержать их. Их нужно задержать», – и больше никаких мыслей.

Бородатый, который уже был готов сесть в машину, остановился и уставился на меня. Меня снова охватило необъяснимое волнение, такое же, какое я испытала, впервые услышав его голос. Его сужившиеся от напряжения глаза в сумраке казались почти черными.

– В машину, – скомандовал он Альке и Иде, обходя автомобиль и загораживая их собой. Девчонки суетливо забились внутрь. Я не сводила с него глаз, он – с меня, и тут... Его подружка рассмеялась!

Я в недоумении перевела на нее взгляд: девчонка, в отличие от моих подружек, испуганно юркнувших в салон, и не думала прятаться: она прислонилась спиной к машине, сунула руки в кармашки своей крохотной курточки и... беззаботно улыбалась. Но вовсе не ее поведение было самым странным в этой ситуации. Мужик, казалось, не удивился тому факту, что его малолетняя спутница не скрылась в машине. Как будто он... не боялся за нее! Он попросил Иду с Алькой залезть в машину, но, казалось, вовсе не переживал за белокурого ребенка, стоящего рядом с ним напротив вооруженного пацана!

Я сжала нож в руке, нутром ощущая, что здесь что-то не так. Бородатый мужик, свергающий меня в необъяснимое волнение, и хрупкая девочка-подросток, улыбающаяся при виде головореза с ножом в руке.

– Эй, – едва слышно сказала она, опуская руку ему на плечо. – Ни к чему привлекать лишнее внимание.

Эти слова заметно подействовали на незнакомца. Секунду назад его глаза-угли были готовы прожечь во мне две аккуратные дырки, но теперь он заметно поостыл. Я замерла с ножом наперевес, не нарываясь, но и не отступая.

Девочка обошла машину и уселась за руль. Бородатый проводил ее взглядом, повернулся ко мне и сказал:

– Убери нож. У тебя три секунды.

Он стоял напротив, обжигающие глаза, темная рубашка, серебристая цепочка на шее... в этот момент я узнала опасный сумрак этих глаз! Нож выскользнул из моей руки и звонко ударился об асфальт. Я зажмурилась. И открыла глаза снова. Нет, этого не может быть... Это или галлюцинация, или какая-то дурацкая шутка!

Передо мной стоял Феликс.

3. Здесь, сейчас. наедине

Как же так? Живой, невредимый, на новехонькой тачке, в компании смазливой девчонки – как будто у него не было и нет матери, жизнь которой после его исчезновения стала легко укладываться в две буквы: ад.

Конечно, это он. Только сгущающиеся сумерки и мое потрясение помешали мне узнать его раньше. Но какие-то крохотные звоночки в подсознании дрогнули сразу же, как только он заговорил. Сразу же, как только я увидела его... Ох, мерзавец!

– Ба, какие лица! Давненько не виделась, а, братан? – процедила я сквозь зубы.

И вот тогда его выдержка дала трещину: он занервничал. Нож в моей руке, которым я угрожала ему, испугал его не сильнее, чем палочка от мороженого. Но тот факт, что я узнала его, заставил его напрячься. Он явно был раздосадован тем, что обнаружил себя. Крайне раздосадован и зол.

Но что его злость в сравнении с моей. Мой сорт злости вырос на таких обильных слезах и разросся до такого невообразимого размера, что ствола вполне хватит на то, чтобы выпилить для тебя крест, Феликс. И приколотить тебя к нему, подонок. Какое счастье, что моя душа выбрала себе в качестве временного пристанища тело уличного головореза, а не какой-нибудь немощной старушки. Феликс не умел драться, я знала это. После своих ночных походов он не единожды приползал домой с разбитой головой, без денег и телефона.

Я рванула к нему. Сухое, жесткое, сбитое тело слушалось меня идеально, оно несомненно знало, что такое драка. Я была уверена, что Феликс даже увернуться не сможет, не говоря уже о достойном отпоре. Но моя рука не успела коснуться его лица. Он перехватил ее, вывернул запястье – и я, едва поняв, что произошло, получила тычок в спину, отлетела от машины и растянулась на тротуаре.

Феликс захлопнул за собой дверь, и машина тут же рванула с места. Я ринулась следом, разъяренная этим неожиданным отпором и обрадованная тем, что мне попало тело, которое было в состоянии драться, преследовать и бороться. Мои собственные ноги не умели бегать *так* быстро, так что впечатления были примерно такие же, как если бы я пересела с пони на машину стритрейсера.

Расстояние между мной и машиной неумолимо увеличивалось, пока она не притормозила на светофоре. Я бросилась вперед на максимуме своих физических возможностей. Красный горел очень долго, но я все равно не успела их догнать: сначала перед глазами поплыла золотистая пыль, потом зрение стало туннельным, а когда несущие меня ноги подкосились и тело рухнуло на землю, – *меня* в нем уже не было.

* * *

Облегчение, накотившее на меня, было сродни тому, какое испытываешь, вернувшись после долгого путешествия в родную квартиру. Ах, не хватало разве что чашечки чая и пары шерстяных носков...

Я резко села и обернулась, вглядываясь в темноту. Тело, которое несколько секунд назад покорно выполняло все мои команды, лежало на тротуаре. Ох, бедняга... «Начинаешь использовать парней, Вернер, да еще таким жестоким образом?» – подал голос мой

внутренний циник. Потом пацан медленно поднялся, ошарашенно оглядывая разорванную майку и штаны, развернулся и зашагал в противоположную сторону...

– Лица? – Ида заглянула мне в лицо и затрясла за плечи.

И только тогда я заметила, как жутко раскалывается голова и пульсируют от боли ободранные ладони и щека. Ох, как больно.

– Пришла в себя! – объявила Алька.

Феликс даже не обернулся.

– Как ты? Ты что-нибудь помнишь? Ты даже не представляешь, как напугала всех, – Ида прикладывала платок к моей разбитой скуле и старательно поправляла волосы.

– Я в порядке, – холодно ответила я. – И я все помню.

– Лица, мы едем в больницу... – начала Алька.

– Я не хочу в больницу. Я в норме, – отрезала я.

Девчонка за рулем посмотрела на меня в зеркало, презрительно сощурилась.

– Я бы на твоём месте не отказывалась, – подала голос она.

– Лица, прошу тебя, – зашептала Алька.

Я пропустила все это мимо ушей и, сжав челюсти, уставилась на Феликса. Да, я не сразу узнала его: он очень изменился, слегка отрастил волосы и бороду, одет теперь прилично, как... взрослый. Но он! Он не мог не узнать меня! Едва ли я разительно изменилась за этот год. Разве что подросла на сантиметр и прибавила в объеме груди, ха! Альку с Идой он наверняка узнал тоже. Однако предпочитает вести себя, будто видит нас впервые! Хочет подбросить меня до больницы, и поминай как звали!

Я снова сжала кулаки.

– Пока тебя не было, столько всего случилось. На нас чуть не напал какой-то псих, – зашептала Ида.

– Ничего себе! – изумилась я, не сводя взгляда с Феликса. – Чем же вы успели ему насолить? Отказались покатасть на своей чудной машинке?

Ситуация до смешного напоминала какой-то паршивый ужастик: человек убегает от монстра, прячется в доме и совершенно не догадывается о том, что стоит ему закрыть дверь и обернуться – и он тут же столкнется с этим монстром лицом к лицу. Потому что стен для этого монстра нет.

– Если бы не он, – Алька кивнула на Феликса, – то даже не знаю, что бы с нами было... Тот придурок и впрямь был какой-то взвинченный.

Я посмотрела на Альку. Она не узнает его. Как и Ида. Впрочем, они не так часто видели его и сейчас были слишком взволнованы, чтобы повнимательней присмотреться к этому...

– Офигеть! Супермен, да и только! – я не смогла сдержать нервный смешок. Алька и Ида испуганно уставились на меня. Я нагнулась поближе к блондинке.

– А вас хочу поблагодарить за то, что не наехали на меня! – с издевкой заявила я. – А то моя мамочка ужас бы как расстроилась. Наверно, почти так же, как в тот раз, когда пропал ее единственный сынок. Хотите послушать эту историю? Если, конечно, вы ее еще не слышали.

– Лица, что с тобой? – тряхнула меня Ида.

И тут Феликс наконец проснулся. Я ожидала от него какой угодно реакции, но только не такой. Он ответил, не оборачиваясь, совершенно спокойным и безучастным голосом:

– Спутанное сознание. Возможно, последствие травмы.

Я вздрогнула, как от пощечины:

– Хватит! Остановите машину!

– Лика, они хотят тебе помочь! – заговорила Алька. – Тебе нужна помощь, правда, послушай меня!

– ОСТАНОВИТЕ МАШИНУ!

Блондинка резко затормозила у обочины.

– А теперь все из машины вон! – завопила я, едва веря тому, что говорю.

Девчонка рассмеялась:

– Это что, угон?

Снова это ее угрожающее спокойствие. В ее поведении не было ничего детского. Так ведут себя только люди, которые переломали в драках не один десяток костей. Причем не своих. Феликс наконец обернулся и вперил в меня свои таинственные, как сумерки, глаза. Я вжалась в сиденье от страха, но моя безудержная злость не позволяла мне дать задний ход.

– Мне нужно поговорить с ним, – я ткнула пальцем в Феликса. – Наедине.

– Расскажи это кому угодно, только не мне, поняла? – металлическим голосом произнесла девочка. Я спиной ощутила опасность, исходящую от этого ребенка, как исходит жар от распахнутой духовки. Ей-богу, мне бы не хотелось встретиться с ней в темном переулке. И это ощущение было очевидным и абсурдным одновременно.

Но отступить было некуда.

– Или я поговорю с ним – здесь, сейчас, наедине – и потом езжайте на все четыре стороны. Или меня придется вытаскивать отсюда силой, отпиливая от сиденья по кускам.

– О, восхитительная идея! – зашипела девочка.

Феликс повернулся к спутнице:

– Это не займет много времени.

Блондинка изумленно хлопнула ресницами и открыла от возмущения рот.

– Ты слишком много с ними возишься! – наконец выдавила она, тщательно подбирая слова, и выскользнула из машины, со всей дури хлопнув дверью. Альке с Идой повторять не пришлось: они быстро вылезли и отошли от машины.

Казалось, этот вечер не закончится никогда.

* * *

Я перебралась на водительское место: поближе к Феликсу, чтобы не лишиться себя удовольствия увидеть каждую эмоцию, каждое движение его мимики, когда я расскажу ему, какой же он негодяй...

– Теперь ты можешь перестать притворяться, что видишь меня первый раз в жизни. Феликс, – сказала я, разрезая его имя на слоги.

Его лицо было непроницаемо, как гладь темного озера, таящего в себе неведомых монстров. Ах, как мне хотелось вытянуть за жабры парочку этих тварей, увидеть извивающийся кольцами испуг, клацающую зубами ярость... Но гладь оставалась спокойной, как будто ему нечего было скрывать, как будто ему нечего было бояться! Разве что на долю секунды его глаза напряженно вспыхнули, дрогнула бровь, или... или мне показалось?

– Не знаешь, с чего начать? Я помогу! Твоя мать – за что ты с ней так? Когда ты исчез, она едва пережила это! Каждый раз, когда о тебе заходит речь, она начинает плакать. Наверно, плачет и сейчас – ночи даются ей особенно тяжело, если без снотворного. Пока ты здесь катаешься на этой своей чертовой BMW и кадришь блондинок!

Только страх, что меня снова может «выбросить», не позволил мне разреветься в голос, хотя глаза нестерпимо жгло.

– Такому поступку может быть только одно веское оправдание – смерть. Мы с Анной уже почти научились не думать о том, что останки тебя, скорей всего, лежат где-нибудь в канаве или лесополосе. Но ты не мертв, Феликс, очень даже не мертв. Оказывается, ты жив, непростительно и оскорбительно жив!

Я подняла на него глаза, рассчитывая, что мне перепадет хоть подобие какого-то раскаяния или сожаления, но его лицо по-прежнему было равнодушным и отстраненным. И еще более равнодушными и отстраненными были его слова – слова, которые он наконец соизволил произнести:

– Я не тот человек, за которого ты меня приняла, – сказал он. – Ты ошиблась.

Я потеряла дар речи.

* * *

Я знала, что это уловка, это попытка сбить меня со следа, жалкий дешевый трюк. Пусть лепечет что угодно, сейчас я ткну его носом в *кое-что* и тогда послушаю, что он мне запоет!

Прежде чем он понял, что я собираюсь сделать, я схватила его левую руку и вздернула рукав его рубашки выше локтя, обнажая загорелое предплечье. Прошлым летом, незадолго до исчезновения, Феликс наколол на руке ряд китайских иероглифов. Он так и не смог объяснить мне, что они означают, но ходил страшно счастливый, чуть ли не из штанов выпрыгивал. Наверно, ткнул пальцем в первую попавшуюся картинку в каталоге татуировщика, балбес.

– В чем прикол, если ты не знаешь значения? – помню, недоумевала я. – А что если они означают «жареная курица»? Или «я пукаю от молока». Встретишь какого-нибудь китайца, вот смеху будет.

– Скорее они означают «завали хлеборезку», – отвечал Феликс.

Я была уверена, что обнаружу эти иероглифы на руке, поэтому мои глаза полезли на лоб, когда их там не оказалось. «Неужели я перепутала руку?» – запаниковала я и схватилась за другую. Но и эта рука была чиста. Ни намек на то, что когда-то здесь был целый ряд черных закорючек.

Одновременно с этим еще две вещи поразили меня: его предплечья были широкими и твердыми, словно все время с момента пропажи Феликс безвылазно проторчал в спортзале и ел анаболики горстями. И второе: он не сопротивлялся моим попыткам отыскать улики на его руках. Он протянул мне обе руки, пока я нервно разглядывала их со всех сторон. Он не боялся, что я могу что-то найти.

Я выпустила его ладони и трясущимися руками начала расстегивать его рубашку. Было плевать, как это выглядит со стороны и что он может подумать. «Два шрама от падения с мотоцикла, два шрама...» – бубнила я про себя. Но их тоже не было! Я нахмурилась, пытаюсь восстановить в памяти местоположение каких-нибудь других «особых примет»: родинок или рубцов, разглядывала его лицо, руки, шею. Но никаких отметин на его теле не оказалось. Никаких! Он был спокоен и снисходительно позволял мне разглядывать его, словно я была ручной мартышкой или какой-нибудь недалекой туземкой, которая впервые увидела его, белого человека, и желала убедиться, что он так же реален, как и она сама..

– Этого не может быть, – прошептала я. – Это какой-то трюк. Ты словно пытаешься убедить меня в том, что я сумасшедшая? Что я не в состоянии идентифицировать голос и внешность человека, с которым несколько лет прожила в одном доме?!

– Скорее да, чем нет, это очевидно, – терпеливо ответил он. Как будто разговаривал с упрямым ребенком, пытающимся доказать какую-то откровенную глупость. – У меня нет оснований воспринимать всерьез особу, которая полчаса назад прыгнула под колеса моей машины и в дополнение ко всему этому неслабо ударилась головой об асфальт.

– Не может быть, – повторила я, пропустив его колкости мимо ушей.

Меня вдруг посетила мысль о двойниках, о потерянных братьях-близнецах и прочих маловероятных розыгрышах судьбы. Человек, сидящий передо мной, несмотря на потрясающее внешнее сходство, и впрямь был мало похож на Феликса. Феликс был глуп, груб, болтлив и бестактен, а этот... Каждое слово – как кусок свинца, взгляд вызывает желание спрятаться, а эта молниеносная реакция... Я все еще помнила, как отлетела от машины на три метра, получив неслабый тычок в спину. А что если я и в самом деле обозналась? В последнее время у меня было предостаточно поводов считать себя сумасшедшей, не так ли?

Моя уверенность в том, что это Феликс, стала таять. И на этот раз мне не удалось сдержаться: я уронила голову, глотая слезы. «О, Господи, дай мне сил взять себя в руки и выйти из машины этого лже-Феликса с как можно более спокойным лицом...» – взмолилась я, и тут Феликс снова заговорил.

– Мне жаль, – сказал он и привлек меня к себе! Белый человек сочувствующе обнимал жалкую рыдающую туземку, оплакивающую какое-то только ей понятное горе. Великодушный незнакомец успокаивал странную девчонку, совершенно случайно оказавшуюся в его машине.

Я притихла от неожиданности, уткнувшись лбом в его плечо.

Нет, это не Феликс. Тому не были знакомы ни жалость, ни сопереживание. Он никогда не проявлял никаких эмоций в отношении близких. Выказать сожаление, ободрить – такие функции не были прописаны в его внутренней «программе». Криво усмехнуться, скорчить лицо грустного клоуна – вот, пожалуй, и все, на что он был способен. А этот «новый» Феликс – *утешал* меня!

Во мне всколыхнулись странные противоречивые чувства, как... как в тот день, когда мое отвращение к Феликсу ненадолго поугасло.

Он тогда лежал пластом после очередного ночного приключения: нарвался на драку в каком-то клубе, приполз домой еле живой. Как же я его жалела... я сидела и редела над ним, обнимая его за перебинтованную шею и голову. Ему тогда сломали нос и основательно раскроили кожу на голове, до самой кости, от середины затылка до уха...

Боже праведный!

И тут мои глаза широко раскрылись. Шрам на затылке! Я совсем-совсем-совсем забыла о нем! А что если... Раз сходить с ума – то сходить до конца. «Пугать людей – так пугать!» – решительно добавил мой внутренний циник.

Я крепче прижалась к этому почти-Феликсу, обняла за шею правой рукой (он заметно напрягся), а левую – запустила в его волосы.

Сердце ударилось о ребра, головная боль утроила силу. Под моими пальцами, надежно укрытый от посторонних глаз темными прядями, в том самом месте, где я и ожидала его найти, – выгнулся серп длинного выпуклого шрама.

Он дернулся, он отпрянул, он резко схватил меня за запястье, выдергивая мои пальцы из своих волос, пытаясь стряхнуть с себя мои назойливые руки.

– Ты солгал! Ты солгал мне! Лжец, ублюдок, сукин сын! – зашипела я, выдирая свои запястья из его сжатых пальцев и страшно сожалея о своем хрупком телосложении. – Ты не человек, Феликс! В тебе нет ничего человеческого! Если слезы матери, оплакивающей тебя, заботят тебя не больше, чем капли грязи, брызгающие на ботинки!

Я выкрикивала ругательства и так громко, что закладывало уши. А потом перед глазами заплясали разноцветные мухи. «Боже, только не сейчас, только не сейчас! – взмолилась я. – Он должен узнать, как сильно я его ненавижу!» я собрала остатки покидающих меня сил и выбросила вперед руку, сжатую в кулак.

Честно говоря, мне не приходилось драться, но однажды Алька затащила меня на двухмесячные курсы по самообороне, где тщедушные барышни учились раздавать апперкоты под руководством отставного десантника. Дай бог ему здоровья, ибо Феликс не успел отклониться! Удар оказался воплощением моих самых смелых ожиданий: точное попадание в переносицу и такой силы, что его голова откинулась назад. Мои пальцы обожгла резкая боль, и я начала стремительно проваливаться в темноту. *«Если твой нос когда-нибудь бил сломан, Почти-Феликс (а он был сломан!), то сейчас тебе придется несладко...»* Я еще ни разу не теряла сознания с более восхитительной мыслью.

* * *

Я сидела на корточках, подпирая спиной растущее у обочины дерево. В теле Иды. Алька хлопала по карманам в поисках сигарет.

– Да, я тоже думаю, надо все рассказать ее родителям. Лика сама не своя. Просто какая-то ходячая катастрофа, – буркнула Алька.

– Нет-нет-нет! Не вздумай!

«Предательница!»

– Две минуты назад ты сама предложила мне эту идею!

«Две предательницы!»

– Она никогда нас не простит, вот увидишь! – рявкнула я.

– Кто? Вернер не простит? Да она как Иисус в юбке – простит, потом догонит и еще раз простит.

Я не смогла сдержать смешок.

– Ты ее плохо знаешь. Она – темная лошадка, – пафосно сказала я.

Алька подкурила сигарету и нервно затянулась.

– Я не слезу сегодня с этой темной лошадки, пока она мне не расскажет, чем ей не угодил этот бородатый. Кстати, он мне кого-то до ужаса напоминает... Как будто я уже слышала этот голос.

«Ох, Альхен, лучше бы тебе и не вспоминать».

Я перевела взгляд на большой тонированный внедорожник, в котором сейчас лежало мое тело и в котором бедняжка Феликс сейчас наверняка корчился от боли, и меня снова начали душить слезы. Слезы бессилия, обиды и ярости. Подумать только, я только что сидела в этой чертовой машине рядом с человеком, о возвращении которого молилась все эти дни. А он, несмотря на то что сидел на расстоянии вытянутой руки, – продолжал оставаться

бесконечно далеким и безвозвратно потерянным. Он не желал быть найденным. Он не хотел быть узнанным. Он был жив только для себя, но мертв для всех нас..

Что ж, да будет так. Дело за малым: решить, как жить с *этим* дальше. Я понимала, что не смогу рассказать Анне об этой встрече. Неизвестность, дарящая надежду, всегда милосердней убийственной истины. Я не знала, прощу ли себя за это, но была убеждена, что пропавший без вести сын будет для Анны гораздо меньшей болью, чем сын сбежавший, презирающий, отрекшийся. Хватит с нее потрясений. Как только приду в себя – в самом прямом смысле, – побегу отсюда сломя голову, и пропади он пропадом, блудный сын, пропади он пропадом!

Мои горькие размышления были оборваны притормозившей у обочины машиной такси. Одновременно с этим дверь внедорожника распахнулась, и Феликс выскочил из машины. Какая прелесть – нос разбит, рубашка залита кровью! Как же это ты умудрился, дорогой? Он открыл дверь и одним рывком поднял с переднего сиденья мое безжизненное тело.

Мы с Алькой вскочили на ноги. Блондинка с равнодушным видом направилась к своей машине.

– Что с ней? Что случилось? Куда вы... – запаниковала Алька, подбегая к Феликсу.

– У нее снова обморок. Ей не помешало бы обследование, но дальше вы поедете сами. Я вызвал такси.

Прекрасная идея, Феликс, пожалуй, лучшая за этот вечер. Верни себе статус без вести пропавшего. На этот раз навсегда.

Алька придержала дверь такси, и Феликс уложил мое тело на заднее сиденье. Я забралась в машину и обняла свое тело за плечи. Очень хотелось реветь, но было жаль Идиных старательно покрашенных ресниц.

Алька что-то сказала Феликсу, должно быть, слова благодарности. Он сухо кивнул и скрылся в машине, где уже сидела, барабаня пальцами по баранке, его малолетняя спутница. Мгновение спустя все двери захлопнулись и две машины тронулись в разные стороны.

* * *

Минут через десять меня наконец перебросило обратно. Ида была возмущена тем, что задремала в самый неподходящий миг. Алька пыталась задавать мне какие-то вопросы относительно того, о чем мне так приспичило поговорить с незнакомцем и что, собственно, произошло в машине, но я только трясла головой и несла всякую чепуху, ссылаясь на ужасную резь в висках. Никто ни за что не должен узнать о том, кого мне преподнес этот город в коробочке с золотой ленточкой! Ни одна живая душа! Если это долетит до ушей Анны, она сойдет с ума.

Таксист подбросил нас до ближайшего травмпункта, где я получила свой рентген, пластырь и укол обезболивающего. К счастью, все кости были целы.

Мои попытки спихнуть Альку с Идой в соблазны ночного города с треском провалились, и мы все вернулись домой еще до полуночи. Таня ворковала над нами, как голубка, сварила какао и включила «Теорию большого взрыва» на телеке, чтоб нас всех немного отпустило. «Лика чуть не угодила под машину», – кратко объяснила Алька, и я была ей страшно благодарна за то, что она не стала выкладывать Тане подробности.

Потом мы погасили свет и улеглись на одной кровати, закутавшись каждая в свое

одеялко – три окуклившиеся гусеницы в спичечном коробке. Ида сопела мне в правое ухо, Алька – в левое.

– Лика, что с тобой случилось возле книжного магазина? Ты была такая... странная. Куда ты побежала? – спросила Ида.

– Не знаю, как объяснить... – Я минуту подумала, обняв обеими руками мягкую, пахнущую лавандой подушку. – Так, наверно, птицы летят осенью на юг: без мыслей и причин, просто чувствуют, что нужно лететь, а иначе замерзнешь насмерть...

– Это, конечно, все занимательно, но ты чуть не угодила под машину, ты хоть поняла это? – сердито встряла в разговор Алька.

– Алька...

– Нет, правда! Что мне делать в следующий раз, если тебя снова кто-то потянет за ниточку?

– Не знаю. Просто нокаутируй меня, наверно.

– Я так и сделаю. И я не шучу, – привстала на локте Алька.

– Я тоже. В следующий раз ударь меня хорошенько. Только не в нос. Мне нравится мой красивый нос.

– Мне он тоже нравится, дуреха. Я ударю тебя в глаз.

– Только не сильно.

– Окей.

* * *

За завтраком страшилки вчерашнего дня начали потихоньку меркнуть. Выбросить из головы Феликса оказалось непосильной задачей, но ради подруг я старалась хотя бы внешне быть нормальной: мы давились булками, пили чай, шутили, у меня неплохо получалось, за исключением тех моментов, когда я непроизвольно сжимала под столом руку в кулак, а омлет пилила ножом гораздо более яростно, чем он того заслуживал.

Новый день охладил мозги и позволил мне по-новому взглянуть на ситуацию с Феликсом. Нервное потрясение и эмоции оказали мне медвежью услугу. Вчера высказать ему все, что я о нем думаю, надавать ему оплеух и вытолкать из своей жизни казалось самой лучшей и справедливой затеей. Но будь у меня второй шанс, я бы поступила иначе. Я бы умоляла его вернуться домой, хотя бы ненадолго – пусть бы сказал матери пару добрых слов. А потом пускай бы проваливал на все четыре стороны!

Но теперь было поздно мечтать об этом. Я сама выпустила Феликса из рук.

Остаток дня мы болтались по городу, фотографировались на фоне соборов и пытались наполнить голову хоть какими-то приятными воспоминаниями об этой поездке. И, надо сказать, к вечеру эта задача была успешно выполнена: на перрон мы притопали румяные, веселые, полные впечатлений и вареников из «Пузатой хаты».

Подали наш поезд. Ну вот и все. Еще чуть-чуть – и столица с ее пугающими приключениями канет в прошлое. Еще каких-то двенадцать часов, и я снова буду топтать ногами дорожки родного Симферополя, сидеть за своей партой, учить немецкий... И все будет как прежде.

Как будто ничего и не было.

Проводники медленно открывали двери вагонов, расправляли складные ступеньки.

– Сигарет пойду куплю, – сказала Алька, вручая мне свой рюкзак.

– А мне сборник sudoku! – подключилась Ида.

– Чего?

– Су-до-ку. Это такая головоломка с числами, в которой...

– Ох, Ковалевская, дай отдых своей гениальной голове. Я куплю тебе бульварный журнал, считаешь про диеты, сплетни, кто с кем спит, кто какие тряпочки носит, м-м-м? Женщина ты будущая или кто?

– Купи женщине sudoku, и точка, – проворчала Ида.

– Лица, есть мелочь?

Лезть за кошельком в сумку было лень, я запустила руки в карманы.

– Кстати, sudoku лучше, чем кроссворды, в том плане, что подключают логику, а вот кроссворды – только память, – ворковала Ида.

В карманах было пусто. Мой взгляд остановился на странном бумажном свитке, торчащем из нагрудного кармашка. Обычно я ничего в него не складывала, слишком уж он мал. Достала бумажку, развернула, приготовилась смять и выбросить...

Записка! Тонкая полоска гладкой бумаги, на которой незнакомым почерком написано несколько строк. Я пробежала их глазами, перечитала, перечитала вновь. Похоже, у меня снова галлюцинации.

«Мне показалось, что все, о чем ты говорила, – важно для тебя. Обстоятельства не способствовали спокойному разговору, но если ты сможешь держать себя в руках, можно встретиться и поговорить. Завтра, 22 апреля, в 7 вечера я буду ждать в ресторане гостиницы Heaven...»

Далее был написан адрес этой самой гостиницы. Без подписи в конце. Конечно! Он написал ее в машине, пока я была в отключке, и положил мне ее в карман.

– Вернер, не надо уже мелочи, – нетерпеливо бросила Алька. – Ща поезд без нас уедет.

– Без вас не уедет, а я... В общем, я остаюсь.

Я обвела подруг взглядом. Ида выгнула бровь, Алька склонила набок голову, по-видимому, не веря своим ушам. Сейчас мне мало не покажется.

* * *

– Что, снова кто-то потянул за ниточку? – выгнула бровь Алька.

«На этот раз не ниточка. Канат. Настоящий канат, черт побери!»

– Я не могу объяснить, но я должна остаться.

Я покосилась на электронное табло с ярко-зелеными цифрами. Уже начало восьмого, а пока я доберусь до места встречи, будет восемь. Он не станет ждать так долго! Господи, почему я не нашла записку раньше?!

– Ага, останешься, как же, – Алька шагнула ко мне и крепко вцепилась в локоть. Она была намерена затащить меня в этот проклятый поезд, даже если придется нокаутировать меня прямо посреди перрона и втянуть в вагон за волосы. Выражение лица Иды тоже не предвещало ничего хорошего: «Помогу Альке тащить тебя в вагон за волосы, даже не сомневайся».

Я больше не могла позволить себе ни минуты.

– Мне не нужно ваше разрешение, понятно? Мне не пять лет! – взорвалась я, выдергивая

свою руку из цепкой Алькиной ладони и стряхивая с локтя Иду. И рванула в сторону, выдирая себя из цепких объятий подруг. Те явно не ожидали от меня такой прыти: обе чуть не свалились с ног. А потом, в самый разгар нашей потасовки, сумка Иды слетела с ее плеча, шлепнулась наземь, и все вещи вывалились из нее. Дальше всех летел учебник Сканави, сверкая золотыми буквами на черной обложке. Он соскользнул с высокого бордюра и упал прямо на рельсы. И в следующее мгновение по этим самым рельсам медленно прокатился локомотив, обдав нас волной горячего воздуха и волоча за собой бесконечное число вагонов.

Мы окаменели, глядя, как на драгоценную книжку льется то ли солярка, то ли мазут с проезжающих мимо вагонов. Жуткое зрелище. Ида всхлипнула, потом медленно выпрямилась и повернулась ко мне.

– Я пас. Хочешь остаться – оставайся. Конечно, мы не можем держать тебя силой. Насилие всегда порождает насилие! – Ида еще раз громко всхлипнула. – И не забудь купить мне нового Сканави!

Алька встала с ней рядом, обняв за плечи:

– Нового Сканави, и звонишь нам каждый час и сообщаем, что с тобой все в порядке. Тогда я согласна сохранить тебе твой красивый нос, Вернер. Но если ты не будешь отчитываться, я клянусь, что поставлю на уши всю столицу! У моей мамани был роман с какой-то милицейской шишкой в Киеве, так что имей в виду, это будет легко и просто! А еще позвоню твоему отцу и расскажу ВСЕ, включая вчерашние обмороки и оленьи прыжки на трассу!

Я едва поверила своему счастью. Отпускают меня на все четыре стороны – и всего-то требовалось испортить книжку?

– Договорились! Звоню каждый час-полтора и отвечаю на все звонки!

Я сгрэбла их в охапку и уткнулась носом в брешь между их головами.

– Со мной ничего не случится, обещаю!

Секундой позже я неслась по перрону в направлении Южного вокзала.

* * *

Таксист изучил мою раскрасневшуюся физиономию поверх черных круглых очков (точь-точь кот Базилио) и заломил такую цену, за которую я в Симферополе смогла бы позволить себе лимузин. И бутылку шампанского на сдачу.

– Вы с ума сошли? – моргнула я.

Базилио тут же сбросил треть цены и стал божиться, что ровно через двадцать минут мои ноги войдут в гостиницу «Хэвен-или-как-ее-там», потому что он знает особые объездные пути, на которых никогда не бывает пробок и которые чуть ли не золотом покрыты вместо асфальта. «А в светофоры вставлены алмазы?» – хотела сострить я, но передумала: у меня не было времени торговаться. Я забила на заднее сиденье и стала считать минуты. Разжала кулак, развернула записку, перечитала еще раз.

Только сейчас я сообразила, что меня насторожило в ней с самого начала: в ней не было ни единой ошибки. А Феликс – тот Феликс, которого я знала, – с грамматикой был не в ладах.

На улице незаметно стемнело. Город открыл глаза: светодиоды фар, фонари, светофоры, окна домов. Все будто сопротивлялось сгущающимся сумеркам, но все попытки были

заранее обречены на провал: небо чернело, силуэты деревьев становились контрастней, воздух пропитывался ночной свежестью и все больше становился похожим на воздух приморского городка.

Я плохо представляла направление движения, плохо ориентировалась в городе и совершенно не догадывалась о том, в каком районе сейчас нахожусь. Таксист, насвистывая, гнал машину по улицам, и надо отдать ему должное: ровно через двадцать минут машина остановилась у ступенек, подсвеченных невидимыми лампочками. «Прикатили!» – объявил водила. Я наспех расплатилась и выбежала из авто.

Мне пришлось задрать повыше голову: здание этой гостиницы было одним из самых высоких в этом городе. От верхнего этажа и впрямь, до небес недалеко. Я подскочила к стеклянной двери, сработали датчики движения, и она бесшумно открылась.

Я боялась, что меня завалят вопросами, прежде чем пустят в ресторан. Но силиконовая брюнетка на ресепшене тут же указала мне дорогу к ресторану, как только я обмолвилась, что у меня там «очень важная встреча». Что ни говори, в состоянии шока, я, как хамелеон, претерпевала нужные метаморфозы: начинала выглядеть презентабельно даже в кедах и куртке с искусственным мехом. Очень полезное умение, скажу я вам. Когда особенных талантов нет, радуешься и такому...

Пять метров пушистого ковра, еще одна дверь и я, нервно оглядываясь, влетела в ресторан гостиницы.

Приглушенный золотистый свет заливал барную стойку с рядами разноцветных бутылок за ней, за лакированными столиками ужинали редкие постояльцы, повсюду громоздились вазоны с искусственными деревьями. Ох, мне понадобится целый час, чтобы отыскать Феликса в этом заколдованном лесу!

Я бросилась к бармену, полирующему салфеткой и без того сияющие стаканы:

– Парень, молодой, темноволосый. Ах да, с бородой. Высокий такой. Не появлялся? Он точно должен был ждать меня здесь!

Бармен пожал плечами и вернулся к своему стакану: у того было явно больше ослепительных граней, чем у меня. Я принялась осматривать зал. Глаза медленно привыкали к полумраку. Никого. Никого, похожего на Феликса. Зря. Все зря. Ну по крайней мере я сделала все, что могла. За исключением того, что не нашла вовремя чертову записку, которая все это время была буквально у меня под носом. Мне снова захотелось реветь.

Я повернулась к бармену:

– Виски без льда.

Тот стал разглядывать свой драгоценный стакан на просвет:

– Тебе уже есть восемнадцать?

– Конечно, – соврала я и послала ему фальшивую улыбочку, которая при конвертации в устную речь звучала бы примерно так: «Только попробуй усомниться в моем возрасте, идиот, и я засуну свой паспорт прямо тебе в глотку».

Но хитрая задница по ту сторону барной стойки не собиралась уступать.

– Могу предложить яблочный сок. Он выглядит ну совсем как виски. А если еще положить пару кубиков льда... М-м-м...

«Он что, флиртует со мной, король бутылок?»

– Подойдет, – зазвучал голос прямо у меня над ухом. Я поняла, кому он принадлежит, еще до того, как развернулась.

4. Я знаю о тебе все

Феликс очень изменился. Словно мы не виделись много-много лет. Стал массивнее, шире в плечах, даже как будто выше. На нем была черно-красная футболка с надписью *Naubusa* и легкая куртка на молнии. Волосы лежали в небрежном беспорядке, как будто он только что снял мотоциклетный шлем или сушил их, гоняя на машине с открытым верхом. Короче, он выглядел отлично. Так что я даже пожалела, что не успела пригладить свои собственные волосы в холле перед зеркалом.

– А ты не очень-то пунктуальна, – заметил Феликс.

Я разглядывала его лицо, на котором теперь не было никакой бороды. И правда изменился до неузнаваемости. Загорелая кожа, высокий лоб, колкие карие глаза – под стать ироничной улыбке... «Надо было не только пригладить в холле волосы, но и подкрасить губы», – подумала я, испытывая при этом странное раздражение.

– А ты не очень-то сообразителен.

– То есть? – прищурился он.

– То есть можно было догадаться написать свой номер телефона на той бумажке!

– Не вижу в этом необходимости, – бросил он и, придерживая меня за локоть, повел подалее от барной стойки.

– Я обнаружила ее только на вокзале! – возмутилась я, едва за ним поспевая. – Сегодня собиралась вернуться домой. Почти залезла в вагон, и тут вдруг... Бросила без объяснений подруг, которые так и не поняли, что на меня нашло, поезд уехал без меня! Неужели нельзя было найти более цивилизованный способ для такого рода информации?

– Нельзя, – подтвердил он, и мне стало ясно, что никакого другого ответа на мой вопрос не последует.

Мы уселись друг напротив друга в дальнем углу зала, отрезанном от посторонних глаз искусственным деревом. Я нервничала и не знала, куда деть руки. А Феликс был совершенно спокоен, как будто съел целый пузырек успокоительного. Он откинулся на спинку стула, сунул руки в карманы и смотрел на меня так, словно забыл, зачем позвал меня сюда.

Я заметила, что пепельница пуста и на столе нет ни единого стакана. Феликс – *настоящий* Феликс – выкурил бы за час четверть пачки и накачался пивом. А этот... Впрочем, я уже начала привыкать к ошеломляющим несоответствиям между его старой и новой *версиями*. Если бы на того Феликса, которого знала я, недели пристойную одежду, научили смотреть в самую душу и держать спину так, как будто ему принадлежала вся эта гостиница и весь мир в придачу, – вот тогда бы вышло что-то очень похожее на того человека, который сейчас сидел напротив. Впрочем, сути это не меняло: он как был бессовестным ублюдком, так им и остался. Если *тот* Феликс позволил себе бросить мать, то *этот* Феликс совершенно спокойно продолжал держать ее в неведении относительно того факта, что он жив, здоров и, судя по всему, вполне доволен жизнью.

У меня внутри клокотало целое море вопросов, но я не знала, с чего начать. Он тоже молчал и разглядывал меня, как будто видел впервые в жизни. Я набрала воздуха в легкие и сделала выпад:

– Так зачем ты предложил встретиться? Кажется, в машине мы все хорошо прояснили – слишком хорошо, чтобы хотелось встретиться вновь.

Я не без удовольствия посмотрела на его переносицу, на которой виднелась заметная

ссадина и следы вчерашнего отека.

– Разве? – сказал Феликс. – А мне показалось, что там появилось больше вопросов, чем ответов.

Его аристократическое спокойствие стало действовать мне на нервы. Как он смеет вести себя, как невинный барашек на альпийской лужайке, пока его мать все эти месяцы чуть не...

– Да неужели? – кашлянула я. – И какие такие вопросы тебя беспокоят? Сколько ночей не спала твоя мать? Или сколько слез она пролила? Или...

– Слушай...

Его поза, взгляд, голос вдруг моментально изменились, он стремительно перегнулся ко мне через стол и сжал мои плечи. И это прикосновение вряд ли можно было назвать деликатным.

– У меня одно-единственное оправдание, и тебе придется им удовлетвориться.

– Ах, даже так? – презрительно хмыкнула я.

Но напряжение на его лице моментально убедило меня в том, что он не солжет, что все, что он сейчас скажет – правда.

– Я ничего не знаю... ничего не помню о том человеке, который был... Которым я был, – ответил он, тщательно подбирая слова.

Я окаменела. Руки Феликса соскользнули с моих плеч. Он снова откинулся на спинку стула, как шахматист, сделавший свой ход и теперь ждущий хода от противника.

– Ты имеешь в виду, что потерял память? Что-то типа амнезии? Seriously?

Он кивнул, пристально изучая мою реакцию.

До этого момента, ослепленная злостью и отвращением, я просто не могла додуматься до такого простого объяснения. Да, это похоже на сюжетный поворот какого-то третьесортного мексиканского сериала, но это все объясняет! И его отчужденность, когда он впервые увидел меня, и тот факт, что он захотел увидеть меня снова и все прояснить. Однако...

– Хорошо, – сказала я. – Только вот одна неувязочка есть. Когда там в машине я узнала тебя и начала говорить о твоей матери – ты не захотел слушать! Сказал, что я ошиблась! Я уверена, что человек, потерявший память, не стал бы ничего отрицать и отнесся бы с большей радостью к найденному родственнику. Разве нет?!

Я правда не понимала. Если бы не моя настойчивость и его шрам на затылке – он бы просто подбросил меня до госпиталя и укатил прочь?

Феликс заговорил, и мне снова показалось, что он искренен. Удивительные метаморфозы, учитывая, что всего десять минут назад я была готова выцарапать ему глаза.

– Я был просто не готов к такой встрече.

– И собирался позволить мне уйти, чтобы больше никогда и ничего не узнать о твоей семье?

– В ту минуту да. Но потом, несомненно, пожалел бы об этом.

Во мне робко шевельнулась надежда. Я пыталась контролировать свой голос, но он задрожал, как старый велосипед на разбитой дороге:

– Значит ли это, что ты вернешься?

– Нет. Это исключено.

– Но Анна! Твоя мать! Она должна знать, что ты жив!

Он внутренне напрягся, как будто мысль о том, чтобы явиться домой, вызывала в нем сильнейший протест.

– Подумай сама, много ли утешения будет в том, что ее сын жив, но ничего не знает о ней? То, что сейчас связывает меня с ней, биологическая оболочка. Я не помню ничего из того, что обычно объединяет мать и сына или вообще близких людей. Нет ни любви, ни общих воспоминаний, никакого внутреннего трепета – ничего. Никакого остова, на который можно было бы нарастить ее уверенность в том, что ее сын действительно жив. Ты понимаешь?

Он сосредоточенно посмотрел на меня, как будто говорил на чужом ему языке и не был уверен, что смысл его слов доходит до меня. Мое ошарашенное лицо, должно быть, намекало именно на непонимание, хотя на самом деле я поразилась тому, насколько точно и ясно он выражает свои чувства. Нет, это невозможно! Я верю, что за год можно научиться драться, пристойно одеваться и даже оказывать первую помощь шагающим под колеса психопаткам, но разве возможно научиться так излагать свои мысли?

– Я понимаю тебя, – закивала я. – Ты хочешь знать, будет ли ей достаточно внешней оболочки, чтобы признать в тебе сына? Потому что внутри ты теперь... совсем другой.

– Можно и так сказать.

– Конечно, этого будет достаточно! И она приложит все усилия, чтобы помочь тебе все вспомнить! Как и я.

– Помочь вспомнить? О нет, спасибо. В этом нет необходимости.

Я запнулась.

– То есть... подожди. Ты не хочешь ничего вспоминать? Ничего не хочешь знать обо всех тех людях, которые любили тебя, и поддерживали, и...

– Именно.

– Но...

– Послушай, – он снова уставился на меня, – кажется, я должен пояснить. Мне жаль, что вы потеряли Феликса, или как там его звали. Мне жаль эту женщину, его мать, и все такое, но я – уже не он. Возможно, большинство потерявших память находятся в полнейшей дезориентации по поводу того, кто они есть. Но что касается меня, – я после этой... амнезии в полной мере ощущаю свое эго, в полной мере осознаю, что нынешний я – уже другая, совсем другая личность. И мне нет дела до моей прошлой жизни, до жизни того человека, Феликса. Мне нет дела до него и проблем, которые он после себя оставил.

Я съежилась в комок. Меня снова накрыло ощущение, что это двойник Феликса, который выглядит как он, имеет тот же тембр голоса и цвет глаз, но на самом деле это кто-то другой. И этот кто-то сейчас не в самом радужном настроении.

– Если ты не собираешься возвращаться, то зачем ты вообще позвал меня сюда? Зачем все это?

– Решил, что ты заслуживаешь знать немного больше, чем все остальные.

– Мне нужно выпить, – прошептала я. – Что-то в горле пересохло.

– Например? – беззаботно спросил Феликс, словно секунду назад мы обсуждали погоду или ранний прилет скворцов.

– Виски, – ледяным голосом сказала я.

– Виски, – повторил он подошедшей официантке. И тут же добавил, кивнув в мою сторону:

– И сок ребенку.

Официантка достала блокнотик и улыbnулась Феликсу самой игривой улыбкой из своего арсенала.

– Ребенок? – раздраженно прошипела я, как только официантка, виляя бедрами (юбка явно была ей мала), отошла от стола. – Где ты видишь тут ребенка?

– А сколько тебе? Пятнадцать? Шестнадцать?

По-видимому, мое искусство выглядеть презентабельно, взросло и по-деловому не действовало на Феликса. Он вообще не воспринимал меня всерьез!

– Не намного меньше, чем тебе!

– Да ну? – удивился Феликс. Похоже, он ждал пояснений.

– Мне семнадцать. А тебе всего-то двадцать два.

– Серьезно? Я был уверен, что мне... несколько больше, – задумчиво сказал он. – Чего еще я о себе не знаю?

И тут меня осенило. Ведь он ничего не знает не только обо мне, но и о себе! Интерес в его глазах заставил меня встрепетаться. Он ничего о себе не знает! Я лихорадочно соображала, какую из всего этого можно извлечь пользу.

– Слушай, – быстро заговорила я, оглядываясь по сторонам (наверно так выглядит дилер, толкающий экстази на дискотеках). – Я могу рассказать все, что знаю о тебе, все! В обмен на пустяк: ты приедешь к Анне, чтобы она просто смогла обнять тебя и наконец избавиться от своих кошмаров. Мы живем в Симферополе, это не займет много твоего времени, а потом езжай на все четыре стороны. Она отпустит тебя! Ей будет достаточно того, что ты жив и начал новую жизнь, и...

– Я сомневаюсь, – резко ответил Феликс (как будто у него своего экстази было валом).

– В ч-чем именно? В том, что она захочет отпустить тебя? Конечно, ей будет тяжело, но...

– Я сомневаюсь в том, что ты сможешь предоставить мне сколько-нибудь актуальную информацию обо мне самом.

– Феликс! Я прожила с тобой под одной крышей несколько лет! А после того как ты уехал, я кучу времени провожу рядом с твоей матерью! Я знаю о тебе ВСЕ!

Он какое-то время очень странно смотрел на меня: на его лице было написано сожаление с примесью насмешки, – и наконец выдал:

– Хорошо. По рукам.

Неужели мои догадки оказались верны и я нащупала те тайные рычаги, которые наконец заставят его поехать к матери? Я еле сдерживала щенячий восторг, который, впрочем, тут же сменился сильными подозрениями.

– Ты обещаешь? Если я расскажу тебе все о Феликсе, ты...

– Зачем же все. Мне достаточно лишь некоторых сведений.

– Все что угодно! Что ты хочешь знать?

Феликс придвинулся поближе, положил локти на стол, нервно прошелся пальцами по волосам. Его лицо превратилось в неподвижную маску, черты стали до неузнаваемости жесткими. Я смогла различить свое отражение в его зрачках – он смотрел на меня в упор, не моргая:

– Расскажи мне, как долго я сидел на героине, прежде чем дело закончилось передозировкой и клинической смертью, расскажи, как быстро я сообразил, что мертвые куда охотней расстаются со своими кошельками, чем живые. Да, все эти месяцы, пока меня

не было, я грабил, а если мешали грабить – убивал. Ты наверно в курсе, что в столице полно непуганых богатеек? А грязную выручку спускал на наркотики. Но, может быть, ты знаешь обо мне еще что-нибудь существенное?

Сказанное оглушило меня, как удар топора. Я ощутила всеми позвонками, что это – не выдумки. Подкатила тошнота и ощущение полной дезориентации, словно меня только что сняли с карусели, на которой я провела много часов.

Оказывается, мы жили в разных мирах. Теперь я поняла, как смехотворно выглядели мои попытки затащить его в свою реальность: в мир школьных книжек и плачущих мам – из мира шприцев и патронов. Цыпленок пригласил стервятника поклевать зернышек в его сарае!

Я пришла в себя от легкого стука двух стаканов по поверхности стола. И пока Феликс разглядывал нижнее белье официантки в вырезе ее кофточки (та явно неслучайно наклонилась пониже), я схватила стакан с виски и сделала три больших глотка. По пищеводу внутрь потекло расплавленное тепло, краски мгновенно стали ярче, запахи – резче. *«Так-то лучше, Лика Вернер! Впишите в свое резюме: умею быстро пить крепкие напитки, пока не отобрали. И-хо-хо!»*

Сейчас перестанут трястись колени, я встану с этого проклятого стула, выйду из этого проклятого ресторана и буду бежать отсюда так быстро, как только смогу! На этот раз с меня точно хватит. С меня хватит!

– Что-нибудь еще? – проворковала официантка, обращаясь к Феликсу. Ох, знала бы эта курица, кому она строит глазки...

– Да! Счет! – рявкнула я.

Порылась в сумке, бросила на стол купюру покрупнее, игнорируя тот факт, что монстр все еще сидит напротив и внимательно на меня смотрит, вдруг потеряв интерес к лифчику официантки. Потом решительно встала и сделала шаг по направлению к выходу. В ту же секунду мои колени подкосились, как на хорошо смазанных шарнирах, углы обзора залило пульсирующей чернотой, и я отключилась.

* * *

– Я люблю тебя. В самый первый раз, когда я увидел тебя, я сказал себе: «Мы две половинки одного гамбургера»...

– Ч-что? – пробормотала я и открыла глаза.

– Я знаю, тебе нужно время, но я готов ждать сколько угодно.

Передо мной сидел совершенно незнакомый мужик: слегка пьяный, небритый и бесконечно счастливый – и чертил пальцем круги на моей ладони. Я покосилась на рыжий локон, щекотавший мне висок, на свою пухлую белую руку с огромными накладными когтями и на внушительную грудь, колыхавшуюся прямо под моим подбородком. Моя левая рука держала большой стакан пива «Карлсберг».

– Вот черт, – выругалась я, оглядываясь по сторонам. Снова выбросило! И в самый неподходящий момент. Но я все еще в ресторане гостиницы, хвала Всевышнему!

– Я знаю, – засмеялся мужик. – Я сам не ожидал, что ни хрена не смогу сопротивляться твоим чарам, Ленка!

«Приехали».

– Ты такой... лапуля, – выдавила я из вежливости, идиотически улыбаясь, – но мне

надо... уйти.

Я отставила стакан, встала из-за стола и в ту же секунду поняла, что ноги не держат меня! «Ох, Лена, сколько же ты выпила?» Голова трещала, как орех под подошвой ботинка.

– Лен, я помогу! До туалета? – мой поклонник, пошатываясь, вскочил.

– Я сама! – взвизгнула я, стряхивая его руку, и потопала к барной стойке. От барной стойки я легко найду дорогу к своему телу!

И тут меня чуть не снесла с ног массивная фигура с безжизненным телом на руках: Феликс нес *меня* к выходу.

– Что с ней? Я могу помочь? – заплетающимся языком вымолвила я, загоразивая ему дорогу к выходу.

– Вряд ли, – сказал он, игнорируя мой первый вопрос.

– М-может, все-таки нужна к-какая-то помо...

– Нет, спасибо! – рывкнул он, в два шага обошел меня и быстро зашагал к выходу.

Я ринулась за ним, задевая столы и натываясь на людей. В голове булькала каша, тошило и шатало во все стороны. Я кое-как выползла на улицу и охнула: серебристая машина, которую я не успела толком рассмотреть, сверкнула в темноте габаритами и стремительно скрылась за поворотом. Бежать за тачкой, как в прошлый раз, я была не в состоянии. Я села на ступеньку и сжала голову руками. И что теперь?

– Ленка, вот ты где! Любовь моя!

Лапуля, запыхавшись, сел рядом.

– Мои откровения испугали тебя не на шутку?

Я поежилась от неожиданной уместности этой фразы. Толстяк приобнял меня и приложился губами к шее. «*Терпи, Вернер, ты не имеешь права дать Лапуле по морде. Во имя их с Ленкой светлой любви*».

– Прохладно. Я думаю, надо вернуться, – поежился он.

– Да... вернуться, – прошептала я, тяжело дыша. – Если я смогу.

– Ты о ступеньках? Сможешь, Ленусик, мы по одной ступенечке, потихоньку да залезем наверх, держись за меня, – заворковал Лапуля.

Меня шатало из стороны в сторону, в глазах двоилось.

– Раз, два, – я, кряхтя, влезла на первую ступеньку.

– Три, четыре, пять, шесть, – запел басом Лапуля, придерживая меня за талию. – Семь. Восемь. Девять...

А «десять» я не услышала.

* * *

Я открыла глаза и резко вдохнула. Река разноцветных ночных огней разбивалась о лобовое стекло, омывала машину с двух сторон и угасала где-то вне поля зрения.

Да! Моя душа умеет не только прыгать, но и летать! Я смогла вернуться в себя, преодолев нешуточное расстояние. Если скорость, с которой машина сейчас неслась по трассе, умножить на время, пока я была в отключке, то получится добрый десяток километров! (Общение с Ковалевской явно шло мне на пользу.) Впрочем, скачка эндорфинов хватило всего на три секунды. Я сглотнула, все еще чувствуя горечь виски во рту. Пока у меня не слишком много поводов радоваться. Со мной рядом сидел наркоман и убийца. Нас

связывали узы формального родства, но этот человек ничего об этом не помнил и не хотел вспоминать. Похоже, я только сейчас начала осознавать, во что вляпалась.

Я уловила боковым зрением его плечо, вытянутую руку и расслабленную ладонь на руле. Я первый раз видела, как Феликс ведет машину.

– Мне не стоило выкладывать все, прости. Я не думал, что дело дойдет до обморока, – сказал он, заметив, что я пришла в себя. – Ты была такой самоуверенной, убеждая меня, что все знаешь о нем... Я больше не знал, как тебя остановить.

Я смотрела прямо перед собой.

– Куда ты везешь меня? Ты сделаешь мне больно? – пробормотала я, хватая воздух в промежутках между словами. Я чувствовала, еще чуть-чуть, и у меня зашевелиятся волосы на голове.

– Что? – переспросил Феликс.

– Я не хочу умирать.

– Я не настолько плохо вожу машину, – отшутился он, но я не сразу сообразила, что это шутка. Панические нотки в моем голосе заставили его сбавить скорость, он повернулся ко мне:

– У тебя паранойя. Это раз. И тебе не стоило пить виски, это два.

– При чем тут паранойя?! Я всего лишь нахожусь в машине у человека, который способен убить! Если это правда, – в глубине души я все еще лелеяла крохотную надежду, что он просто все выдумал и сейчас признается в этом.

– Правда. Но она относится к тому, кем я был, – не ко мне. Я ничего об этом не помню. И к тому, что делали эти руки, не имею никакого отношения.

Феликс на секунду оторвал руки от руля, разворачивая их ладонями вверх.

– Ну да, может, у тебя есть еще нимб на батарейках? – не сдержалась я, хотя следовало бы. Этот новый, странный Феликс пугал меня до смерти.

– Нимб мне не к лицу. Еще вопросы?

«О да, много вопросов!»

– Откуда же ты знаешь о том, что сделал, если потом потерял память?

– Скажем так. Есть люди, которые помогли мне разузнать кое-что о себе.

Меня мучили противоречивые чувства: волнение, страх, интерес и странное оцепенение. Как будто я вдруг повстречала соседского пса, которого не видела много лет, и теперь отчаянно пыталась вспомнить, кусается он или нет.

– Куда мы едем? – напряглась я. Машин стало совсем мало, куда-то пропали роскошные здания и витрины. Мы ехали по широкой трассе, по обе стороны от которой высились ровные ряды фонарей и деревьев.

– Домой.

– Я не хочу! – дернулась я.

– Домой к тебе. Кажется, сегодня вечером ты упустила свой поезд.

Я ошарашенно уставилась на него.

– Но ты не можешь знать куда!

– В Симферополь. Ты сама сказала, где живешь.

«К тебе домой. В Симферополь» – эти слова как будто повисли в воздухе. Мне понадобилось несколько долгих секунд, чтобы до конца осознать их смысл.

– И ты... ты покажешься Анне?

– Да, но это будет спектаклем, не более того. И завтра же я должен уехать.

Ох... Бояться кого-то до чертиков, но при этом испытывать благодарность – такого со мной еще не случалось.

– Не обязательно везти меня. Я могу доехать сама. Поездом.

– Все еще боишься?

– Очень, – выдавила я, втайне рассчитывая на то, что чистосердечное признание смягчит приговор.

– Ты в целости и сохранности доедешь домой. Я обещаю.

Что-то внутри меня перестало дергаться и kloкотать, словно под кипящей кастрюлей убавили огонь.

– А если я передумаю, ты всегда можешь отправить меня в нокаут, вчера у тебя почти получилось.

Я почувствовала, как к лицу приливает кровь. Сейчас, зная, кто он есть на самом деле, у меня бы вряд ли хватило смелости ударить его. Человек в здравом уме не станет тыкать палкой в зверя.

– Учитывая т-твое прошлое, я думаю, это будет не самой лучшей затеей.

– Прекрати бояться меня, – повторил он, и мне отчего-то сразу захотелось поверить ему. Это его вновь приобретенное умение особенно настораживало меня. Заставь человека верить тебе – и сложно будет представить более легкую добычу: она будет танцевать под звуки затачиваемого ножа.

– И это не мое прошлое, а прошлое Феликса, – добавил он. – Так его звали?

Я кивнула и осмелилась спросить:

– А как зовешь себя ты?

Он какое-то время молчал, словно у него был десяток имен и сейчас он раздумывал, какое из них выбрать. И наконец, к моему разочарованию, сказал:

– Можешь звать меня как привыкла – Феликс.

– Нет, я хочу знать, – уперлась я. – Давай так: ты скажешь, как теперь зовут тебя, а я скажу, как зовут меня.

– Тебя зовут Лика.

Я уставилась на него с испугом.

– Вчера твои подруги неоднократно выкрикивали твое имя, пока ты была без сознания.

«Подруги!» Ох, я совсем забыла!

– Я должна каждый час звонить и отчитываться, что со мной все хорошо, – объяснила я. – Иначе мне конец.

– Пока ты была без сознания, он звонил несколько раз.

– Проклятье! – я наконец выкопала мобилку из недр сумки: восемь не отвеченных звонков от Альки! Я приложила телефон к уху и через несколько секунд начала терпеливо выслушивать Алькины вопли.

* * *

Алька была не на шутку перепугана и орала на меня добрых десять минут, причем используя такие выражения, какие я от нее слышала впервые.

– Где ты? – наконец спросила она, отдышавшись.

– Еду домой.

– Слава богу! А что, из Киева есть какие-то ночные поезда? Когда будешь?

Ох, если бы они знали, где я сейчас и с кем, мне было бы куда спокойней...

– Аля, слушай внимательно. Серебристое авто... – тихо начала я, собираясь выложить Альке подробное описание машины, в которой ехала. Если со мной что-то случится, они смогут найти того, кто видел меня в последний раз. Внутри снова забурлил страх.

Мне показалось, что Феликс с неудовольствием посмотрел на меня.

– Скажи мне марку своей машины и регистрационный номер, – повернулась я к нему, не особо надеясь на внятный ответ. Наглость – второе счастье, и кроме нее, у меня сейчас больше ничего не было.

К моему изумлению, он спокойно назвал мне все буквы и цифры.

– Альхен, запиши, пожалуйста, это очень важно, – начала я и...

Запнулась.

– Лика! Говори! Что за серебристое авто?! – бушевала Алька в трубке.

Я оглянулась на Феликса. И в этот момент он тоже повернул голову и встретился со мной глазами, как будто говоря: «Хорошо подумай, прежде чем делать это».

– Я... – все слова вдруг застряли в горле. – Алекс, я считаю, что машина серебристо-серого цвета наилучшим образом подчеркнет цвет моих глаз! Запиши, чтоб я не забыла! Моя первая машина будет именно такой!

Алька заорала прямо в ухо:

– Вернер, ты что, пьяна?

– Есть немного, – сказала я, радуясь, что хоть что-то из сказанного будет чистой правдой.

– Держи телефон рядом! – прорычала Алька. – И не дай бог ты снова не будешь брать трубку!

– Нет-нет, Бог такого больше не допустит, – отшутилась я, запихнула телефон в сумку и уронила затылок на подголовник.

Феликс повернулся ко мне:

– На всякий случай собиралась описать ей машину? Почему передумала?

Я помолчала, уставившись в непроглядную темноту за окном. Это действие алкоголя или подобные жуткие мысли сами собой могли прийти в мою голову?

– Я не могу сдать им тебя. Если я завтра не приеду домой, то Алька поднимет на уши всю милицию в городе. Ее мать – следователь и из-под земли тебя достанет. Но Анна – она не переживет все это. Так что лучше пусть никто ничего не знает. Даже если это плохо для меня закончится...

Феликс затормозил так резко, что если б не ремень, то я бы непременно треснулась лбом об стекло. Машина остановилась, он повернулся ко мне и одарил очередным невыносимым, сумрачным взглядом:

– Послушай-ка. Мне осточертело видеть, как ты сидишь рядом и смотришь на меня, как на чудовище, готовое в любую секунду растерзать тебя в клочья. Я бы с удовольствием сейчас вернулся назад в город, посадил тебя на вокзале, где бы ты не спеша выискивала билеты на ближайшие поезда, радостно тряслась по пятнадцать часов в вагоне и занималась прочими глупостями, но у меня слишком мало времени. Завтра утром я планирую быть в Симферополе, сделать все, о чем ты меня так просишь, и уже вечером отправиться в обратный путь. Поэтому вокзал отменяется, и я буду весьма благодарен, если ты перестанешь пороть всякую чушь и трястись, как эпилептик. Я не причиню тебе вреда! Что мне, черт

возьми, сделать, чтобы ты наконец взяла себя в руки?

Феликс смотрел на меня с таким упреком, что я начала сомневаться, кто же из нас настоящее чудовище. Физическое и моральное истощение от приключений последних дней и тот факт, что я нахожусь ночью в машине человека, которого, как оказалось, совсем не знаю, – все это здорово проехало по моей психике.

– Пожалуйста, я не хотела тебя злить, – пробормотала я, совсем потеряв голос от страха.

Кажется, Феликс ожидал от меня какого-то другого ответа и, не получив его, разозлился. Он вышел из машины, открыл мою дверь и, не особо церемонясь, вытащил за локоть наружу.

Ох, он же не собирается бросить меня на окраине города в такое время? Я знала, что при желании умею приводить людей в бешенство, но чтобы так быстро? Феликс обвел меня вокруг машины и ткнул пальцем в табличку с номерами.

– Быстро. Звони подруге и диктуй номер.

– Нет, – уперлась я.

– Или диктуешь номер, или я беру первого попавшегося попутчика.

– Зачем попутчика? – пискнула я и тут же ошарашенно замолкла. Я впервые разглядела машину снаружи: спортивная «ауди» оттенка... да ее словно облили жидким серебром. Я не была сильна в марках и моделях машин, но две вещи были ясны как божий день: во-первых, я еще никогда не видела ничего подобного, и, во-вторых, Феликс последние полгода времени даром не терял.

– С попутчиком тебе будет не так страшно, не так ли?

– Это смотря еще что за попутчик, – пробубнила я, с трудом отрывая глаза от машины.

– Я выберу кого-нибудь пострашнее. Кого-нибудь, кого бы ты смогла по-настоящему испугаться.

По моему лицу начала расползаться улыбка.

– И куда же ты посадишь третьего человека? Утрамбуешь в багажник?

– Да, – с наигранной решимостью сказал он. – Ты уже в курсе, я на многое способен.

Я рассмеялась. Во мне что-то переломилось. Я вдруг осознала, что стою посреди совершенно пустой дороги, под завораживающим, усеянным звездами небом; и что человек, которого я давным-давно считала мертвым, стоит рядом со мной; и что у меня впереди целая – и единственная – ночь, когда я могу задать ему все свои вопросы и узнать, что же с ним случилось. Разве все это не стоит того, чтобы пренебречь своим страхом?

– Я не буду никому звонить, – вздохнула я и, помолчав, добавила: – И бояться тоже не буду.

Феликс продолжал недовольно смотреть на меня.

– Я обещаю.

Кажется, он не очень поверил, но внешне расслабился.

– Тебе придется пообещать мне еще две вещи.

Я наконец перестала таращиться на эту потрясающую машину и переключилась на Феликса.

– О моем возвращении никто, кроме твоей семьи, не должен узнать. Ни одна живая душа. Если это условие невыполнимо, то еще не поздно повернуть обратно.

– Я обещаю, – без колебаний сказала я. Что-то, а хранить секреты я умела.

– И второе: ты не будешь пытаться остановить меня, когда я решу уехать.

– А уехать ты намерен завтра же?

– Да.

Это условие мне совсем не понравилось, но я была не в том положении, чтобы спорить.

– Обещаю.

Я забралась в салон и, как только мы тронулись, повернулась к нему и задала первый вопрос из той тысячи, что вертелась у меня на языке:

– Феликс, откуда у тебя такая машина?

* * *

– Моя... новая семья располагает... некоторыми средствами, – ответил он, тщательно подбирая слова.

Я не ожидала, что слова «новая семья» так уколют мое сердце.

– Та юная блондинка – одна из них?

– Да.

Так вот оно что... Скорей всего, он удачно женился. А эта блондинка – его приемная дочь. Или... Да я скорее съем жука, чем поверю, что она – его жена.

– Она твоя жена?

– Нет!

Мне показалось, что он вот-вот рассмеется.

– Она скорее... сестра, – его голос был полон странного веселья.

Второй укол в сердце. Я боялась, что мой очередной вопрос пробьет в моем сердце дыру размером со спутниковую тарелку, но все же спросила:

– И у тебя есть новые мать и отец?

– Вместо параноидальных намеков ты решила добить меня вопросами личного характера? – поинтересовался он.

Я вдруг испугалась, что он больше не станет отвечать на мои вопросы, и залепетала, нервно теребя в руках ленту ремня:

– Феликс, пожалуйста. Ты не представляешь, как много я думала о том, что же с тобой случилось, как я хотела, чтобы ты объявился и весь этот кошмар закончился. И вот ты сидишь рядом, и у меня всего одна ночь, чтобы узнать хоть что-нибудь. Узнать, что произошло, кто те люди, которых ты теперь называешь семьей, чем ты живешь. Я обещаю, что никак не воспользуюсь этой информацией.

– Хорошо, – не сразу ответил он.

Я поглядывала на него уголком глаза и чувствовала, что это решение далось ему нелегко. Как будто он сжалился надо мной, уступил мне вопреки каким-то своим правилам. Я чувствовала и мысленно благодарила его за это.

– Несколько месяцев назад очнулся в частной наркологической клинике. Кто-то увидел меня в подъезде дома и вызвал скорую. У меня была передозировка и клиническая смерть, но, как видишь, выгнали. На тот момент я уже ничего не помнил о прошлой жизни... Мое лечение в клинике, как потом оказалось, оплачивали незнакомые мне люди. Изабелла – одна из них. Вот, пожалуй, и все.

Значит, все было гораздо хуже, чем я предполагала. Мы потеряли Феликса задолго до того, как он исчез.

– Почему они, эти люди, оплачивали твое лечение?

– Наверно им показалось, что я хороший человек, – усмехнулся он.

– Нет, серьезно!

– Я не знаю почему. Но факт остается фактом: они вытащили меня, и только благодаря им я сейчас здесь.

– И ничего за это не потребовали взамен? С чего бы им спасать тебя?

Он пожал плечами.

– Взамен? Ничего.

Я чувствовала, что он чего-то недоговаривает, но высказать ему свои подозрения значило оборвать те тонкие нити, которые наконец протянулись между нами. Я не хотела этого, мне еще о многом хотелось спросить.

– Куда делись твои татуировки?

– Ничего о них не знаю. Это их ты искала на моих руках?

– Угу, – еле слышно призналась я, вспоминая, как чуть не сорвала с него рубашку. – А что было потом? Каким образом ты столькому научился за несколько месяцев?

– Что ты понимаешь под «стольким»?

– Ну брось. Ты знаешь, о чем я. Водить машину, оказывать первую помощь, раздавать тумаки направо и налево. Как будто всю жизнь только этим и занимался. Все, что умеешь ты, – Феликс не умел!

– Когда он ушел из дома?

– А что? Ты пропал прошлой осенью. Примерно восемь месяцев назад.

– Ну, значит, у него было достаточно времени, чтобы всему этому научиться.

– Учиться?! Принимая во внимание твой рассказ, я думаю, у него были дела поинтересней, чем учиться – чему бы то ни было. Кажется, ты многого недоговариваешь.

Я повернулась к нему и сердито уставилась на него. Сейчас в нем не было ничего от Феликса. Волосы, лоб, сосредоточенный взгляд, нос, подбородок – я словно видела это все впервые. Такой знакомый и чужой одновременно. Таинственный, как сумерки, как темная вода. Он молчал.

– Феликс, я хочу большего, – начала упрашивать я.

Он вскинул брови.

– Ну я имею в виду, что... – засуетилась я, краснея, – что хочу больше подробностей.

– Я понял, – улыбнулся он, в открытую упиваясь моим смущением. – Однако – нет.

– Фели...

– Лика, все это касается не только меня, но и моей семьи. Я волен делать со своими секретами все что захочу, но чужие обязан хранить. Я и так сказал больше, чем следовало.

Сразу два чувства полоснули по нервам: очередной укол ревности при упоминании его «новой семьи» и необъяснимое смущение – он первый раз обратился ко мне по имени.

* * *

Время близилось к полуночи, я изводила Феликса вопросами, но чем больше я спрашивала, тем меньше понимала. Его ответов, кусочков пазла, было слишком мало, чтобы нарисовать цельную картину его новой жизни. Что бы он ни говорил, моей первой реакцией всегда был внутренний протест: «Это слишком невероятно, чтобы быть правдой!» Но стоило мне посмотреть на него, и мой скепсис сходил на нет. Он вел машину – спокойный, сосредоточенный, безупречный. Именно безупречный, потому что его сложно было в чем-то

упрекнуть. Хотя мне очень хотелось.

– Где ты живешь сейчас? Судя по номерам машины, не в Украине? Что это за такой красный ромбик с белым крестиком на твоём номерном знаке? – я начала новый этап допросов.

– Нет, хватит, – отмахнулся тот. – Теперь моя очередь. Пора бы рассказать что-то взамен.

– Зачем? Ты столько раз давал понять, как мы все тебе безразличны, что я не совсем понимаю, зачем тебе что-то рассказывать.

– Если бы были совсем безразличны, то я бы не мчал сейчас на другой конец страны сломя голову.

– Не мчал бы, однако оставаться не будешь тоже. Завтра покажешься Анне и сразу же уедешь, так? – вздохнула я. – Ты не собираешься тратить на это много своего времени?

– Даже если бы хотел остаться, то не смог бы.

С приближением минуты Икс я все больше начинала сомневаться в том, что Анна сможет просто взять и отпустить его. Почему, черт возьми, все всегда так сложно? Почему не бывает как в дурацких бразильских сериалах: он потерялся, потом нашелся, а потом все жили долго и счастливо...

– Значит, хочешь что-нибудь знать? Я учусь в одиннадцатом классе, мое имя ты знаешь, планов на будущее нет, талантов особенных нет, на здоровье не жалуюсь, – сказала я и отвернулась.

– Мне кажется, ты не до конца откровенна.

– Не до конца откровенна? Кто бы говорил, – буркнула я.

– Я о здоровье. Меньше чем за сутки ты успела три раза отключиться. И часто с тобой это происходит?

Что-что, а это мне меньше всего хотелось обсуждать с кем бы то ни было.

– Нет, – отрезала я.

– Ну же, не упрямясь, если будешь хорошо себя вести, я разрешу тебе еще что-нибудь спросить, – шутливо сказал Феликс.

Но мое чувство юмора окончательно подбило себе ногу. Как обычно, когда разговор заходил о моих «обмороках».

– Это слишком личное, чтобы я могла выложить об этом фактически незнакомому человеку. Да и зачем тебе это знать? Волнуешься обо мне? Не поверю. Ради праздного любопытства? Тогда тем более не вижу смысла трепаться об этом.

– Ты обращалась к врачу? – оборвал он меня, пропустив мою тираду мимо ушей.

– Не думаю, что они смогут мне помочь, – отмахнулась я.

– Это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Может свидетельствовать о нарушениях в мозговом кровообращении...

– За последние пару месяцев ты успел получить еще и медицинский диплом? – съязвила я.

– Просто поверь мне. С этим не шутят.

– Просто не лезь, хорошо? Как-нибудь сама разберусь.

Я сама удивилась своей грубости. Но его сердобольные советы меня и правда раздражали. Завтра он уедет, и мы больше никогда не встретимся, так зачем разыгрывать из себя заботливого родственника?

Но с другой стороны – я заставила себя дышать ровно – мне ведь совсем не сложно рассказать что-нибудь о себе, нам еще столько часов предстоит провести в машине, зачем

нагнетать обстановку? Тем более что по большому счету в его советах нет ничего оскорбительного... Я вздохнула.

– Ладно, – сдалась я. – Эти... обмороки случаются часто. Чаще всего, когда я напугана, волнуюсь или чувствую боль. Когда уровень адреналина начинает зашкаливать, меня выбра... В общем... Я теряю сознание. Иногда мне кажется, что я смогла бы контролировать все это: дыхательная гимнастика, успокоительные и так далее, но на практике все не так просто. Особенно если случается что-то неожиданное. Никогда не знаешь заранее, переползет уровень адреналина допустимую отметку или мне повезет, и я останусь в сознании...

Я перевела на него глаза и поразилась: впервые за все время нашего знакомства Феликс был по-настоящему озадачен.

– Ну что, доктор? Вы можете мне? – ухмыльнулась я.

Он молчал. Казалось, теперь мы ненадолго поменялись ролями: я говорила всякие невероятные вещи, а он с трудом верил.

– Какие еще симптомы? – наконец спросил он.

– Больше ничего особенного, – я пожалала плечами и отвела глаза. – Через некоторое время прихожу в себя. Пытаюсь забыть об этом и жить дальше.

И это все, что в моих силах, Феликс.

* * *

На часах было около трех ночи. Голова медленно наливалась свинцовой тяжестью.

– Ты собираешься вести машину всю ночь? – спросила я, сражаясь с подступающей сонливостью.

– Лимит твоих вопросов уже исчерпан, – улыбнулся он.

– Ах да, конечно. Но знай, что уснуть за рулем будет крайне подло с твоей стороны.

– Мое обещание доставить тебя домой в целости и сохранности – в силе.

– Все обещания в нашем мире – это всего лишь слова, – возразила я, закрывая глаза.

– Не мои, – просто и без всякого пафоса сказал он.

Мне снова захотелось повернуться к нему и прочитать все эмоции на его лице – все до единой. Обещания наркомана, убийцы, человека, ничего не помнящего о своей прошлой жизни, – о, безусловно им можно верить не больше, чем обещаниям душевнобольных или политиков, однако, вопреки воплям здравого смысла, я верила ему. Я повертела в голове эту странную, пугающую и одновременно умиротворенную мысль и провалилась в сон.

Несколько раз я просыпалась, не понимая, где нахожусь. Мягкий бархатный гул мотора был лучше любой колыбельной, кресло – неожиданно просторным, темнота – успокаивающей. Я поворачивала голову и видела, как Феликс сосредоточенно смотрит на дорогу, как тусклый свет приборной доски освещает его лицо. Что бы ни случилось со мной в будущем, эту ночь я запомню надолго или даже навсегда. Всего несколько часов назад я мечтала только о том, чтобы он ничего со мной не сделал. Теперь же не могла отделаться от мысли, что вряд ли я когда-нибудь буду находиться в более спокойном и безопасном месте.

5. И, бога ради, проваливай

– Тебя забыл спросить...

Ох, как затекли спина и шея...

– Смени тон, или разговор окончен.

И холодно. Где же чертово одеяло? Я сделала попытку перевернуться на бок и тут же заметила, что то, на чем я лежу, – даже отдаленно не напоминает кровать.

– Поступаю так, как считаю нужным, только и всего.

Я в машине Феликса! Мы едем домой!

– Да, она со мной.

Я перестала ерзать. Феликс говорил по телефону Насколько гадко с моей стороны будет «проснуться» чуточку попозже? Я была уверена, что как только открою глаза, его телефонный разговор будет окончен, а мне так хотелось узнать о нем что-нибудь еще. Я заставила себя дышать ровно и не двигать глазами под закрытыми веками. Это бья Изабелла, и, судя по воплям из трубки телефона, которые были слышны даже мне, она была в ярости от того, что собирался сделать Феликс. Она была категорически против того, чтобы он ехал в Симф.

– Ты хоть представляешь, чем это может грозить?! – орала она.

Я разбирала каждое слово, и чем дольше слушала, тем больше мне становилось не по себе.

– Мы не будем афишировать приезд, и я буду предельно осторожен, – раздраженно ответил Феликс.

Я наблюдала за ним из-под опущенных ресниц: внешне он был спокоен, разве что рука, намертво вцепившаяся в руль, выдавала напряжение.

– Мы?! Что еще за «мы»?! Говори только за себя, думай только о себе и обо всех них – в самую последнюю очередь! Иначе твои сантименты...

– Это не сантименты, это ответственность.

– Ответственность за что?! За то, чего ты не совершал?! Опомнись! Катрина вытрясла из тебя всю душу, и теперь ты решил нянчиться с каждым человечешкой, который перебежит тебе дорогу?! – взвизгнула трубка.

Рука Феликса вывернула руль, машина вильнула к обочине и резко затормозила. Все произошло так неожиданно, что я в ужасе распахнула глаза и резко села. Лента ремня сдавила грудь. Феликс вылетел из машины, яростно захлопнув дверь и... Две вещи поразили меня: первый раз с момента нашей встречи я видела его с лицом, перекошенным от бешенства. Я уже наблюдала его раздражение и недовольство, но ярость – только сейчас. Казалось, от последней фразы его подружки у него в мозгу сторели какие-то предохранители, и он забыл обо всем, включая меня. А второй удивительной вещью был не визуальный ряд, а то, что я услышала. Я не могла ошибиться, несмотря на всю невероятность происходящего: в машине, пока я была рядом, Феликс говорил с Изабеллой по-русски, но когда он выбрался из машины, то заговорил с ней на другом языке, и я сомневалась, что слышала это язык раньше.

Феликс отошел подальше от машины – я уже не разбирала слов и практически не слышала голоса, но, глядя на то, как он орет в трубку, я не сомневалась, что приличных выражений там мало.

Удручающее начало такого важного дня...

Я огляделась по сторонам. Солнце едва взошло, превратив небо на востоке в расплавленное золото. Было очень ветрено и сыро, над Перекопским заливом кружила стая белых птиц. Мы только что въехали в Крым, еще часа три-четыре, и будем дома. Я отправила бодрые эсмэски Анне и подругам, спрятала телефон и посмотрела на Феликса. Он только что закончил говорить, верней орать, и теперь стоял спиной ко мне, засунув руки в карманы и глядя на залив. Я вздохнула, вылезла из машины и, дрожа от утреннего холода, потопала к нему.

– Извини за такое пробуждение, – сказал он, не оборачиваясь.

– Переживу. Ты в порядке?

Мой вопрос стал неожиданностью даже для меня самой. Такой незнакомый, далекий, чужой мне человек повздорил со своей подругой из-за совершенно неведомых мне разногласий. Пожалуй, надо было остаться в машине и сделать вид, что ничего не случилось, но меня охватило странное сопереживание.

Феликс повернулся ко мне и смерил взглядом. Утреннее солнце легло позолотой на его кожу, ветер взъерошил волосы, глаза больше не казались черными, какими я привыкла их видеть, – скорее были тепло-карими, как корица. Или молочный шоколад. Я первый раз видела его при свете дня, и он больше не казался мне ни зловещим, ни опасным. Скорее задумчивым и отрешенным.

– Ты в порядке? – повторила я.

– В полном, – ответил он.

– Кажется, она не одобряет эту поездку?

– Она просто очень волнуется за меня.

– Почему? Я не кусаюсь, – попробовала пошутить я.

Тень улыбки скользнула по его лицу.

– Дело не в тебе.

– А в чем тогда?

Он не ответил.

– Придорожная забегаловка и крепкий горячий кофе, как тебе такой сценарий? – Феликс развернулся и зашагал к машине.

– Прекрасный сценарий! – закричала я ему в след. – Только я же от тебя не отстану! Что может угрожать такому, как ты? Феликс!

Я побежала следом, забралась в машину и упрямо уставилась на него. Он молча вдавил ключ в зажигание и вырулил на трассу.

– Любой, кто узнал бы о твоём прошлом, предпочел бы не связываться с тобой, – заметила я.

– О, есть люди с диаметрально противоположными предпочтениями.

Это что он имеет в виду? Я открыла рот, готовясь задать еще пару десятков наводящих вопросов, и... тут же закрыла его. Конечно же. Как же я сразу не догадалась.

– Тебя ищут... – прошептала я. – Ты в розыске, да?

– Эта мысль должна была прийти к тебе в голову гораздо раньше.

Теперь мне многое прояснилось. Чистое безумие – разезжать по стране в притягивающей взгляды машине, когда можно тихо-мирно сидеть дома под защитой своей новой и несомненно влиятельной «семьи». А возвращаться в город, где он может быть признанным, – и того хуже. Феликс осознавал все это с самого начала и тем не менее согласился на эту поездку, которая не сулит ему ничего, кроме неприятностей. Учитывая патрульные посты, растущие вдоль дорог, как грибы. Конечно, они вряд ли опознают его, потому что ищут оборванного наркомана, с руками, покрытыми татуировками и полным чердаком гнили. В то время как Феликс едет на дорогой машине, разговаривает, как препод риторики, и – не знаю, что с его совестью, но руки его чисты, как у младенца. Теперь это другой человек с несомненно другими документами. Они не возьмут его. Эта мысль заставила меня испытывать странное удовлетворение, так что мне даже пришлось одернуть себя. Я не имела никакого морального права радоваться тому, что убийца не наказан и вряд ли будет наказан. Но в то же время Феликс не мог вернуть того, кого убил, однако мог спасти от тихого помешательства очень дорогого мне человека. И я хладнокровно выбирала второе. Я не допущу, чтобы его поймали до того, как он прижмет к себе Анну и скажет, что отныне с ним все хорошо. Он сделает это, а потом пусть проваливается на все четыре стороны, пусть его ищут, пусть сажают, пусть делают с ним что хотят. Мы с Анной уедем к отцу, и этот странный почти-Феликс больше никогда не сделает ей больно...

– Переживаешь очередной приступ паники? – спросил он, и в его вопросе не было насмешки.

– Да, – призналась я.

– Если нас остановят, будут проверять документы или что-то спрашивать, говори, что не знаешь меня, что едешь автостопом и села в эту машину полчаса назад. Это обезопасит тебя.

– Я переживаю не за себя.

– Вот как? Неужели за меня? – повернулся ко мне он.

– Я хочу, чтобы ты все-таки доехал до Анны и сделал то, что должен. Без ментов, без арестов и разбирательств, а потом езжай куда тебе вздумается, и будь что будет. И желательно каждому по заслугам его.

– А я уж было подумал, что тебе не все равно, что со мной будет, – хмыкнул он и вдруг сквозь его обычную мрачную сосредоточенность засветилась такая обезоруживающая непринужденность и мальчишеское разгильдяйство, что я открыла рот от изумления. Эту улыбку я видела впервые. Тот Феликс, которого я знала, *так* не улыбался – открыто, ярко, искренне. Я не смогла не улыбнуться в ответ. Ей-богу, как будто всех этих исчезновений и пугающих тайн никогда не было, как будто я сейчас сидела на сиденье школьного автобуса, по пути в какой-нибудь зоопарк, рядом с одноклассником, который подшучивал надо мной и всячески поддразнивал.

Наверное, я бы многое отдала, чтобы все было именно так. Никакой мистики в моей жизни. Никакого криминала в его жизни. И тогда кто знает, о чем бы мы сейчас говорили... Наивные мыслишки.

* * *

В придорожном кафе было чисто, тихо и совершенно пусто. Всюду дерево и льняные скатерти. Пахло кофе и свежими булочками. «Что, серьезно? – проснулся мой внутренний

циник. – В придорожных забегаловках бывает так мило и симпатично? Если среди тысячи подобных заведений и нашлось бы приличное место, то это именно оно!» Заспанный официант принес меню с затертой позолотой.

– Что ты будешь есть? – спросил Феликс.

– Мне не хочется есть, разве что выпью кофе, – отвертелась я и потопала вслед за официантом, искренне надеясь, что Бог не обделил это место приличным туалетом. Тот кивнул мне на дверь с буквой «Ж», и уже минутой спустя я знакомясь со своим отражением в зеркале уборной. Выудила из сумки расческу, зубную щетку, влажные салфетки, подставила ладони под тонкую струю ледяной воды.

Тональный крем на синяки под глазами, и вот я снова похожа на здорового человека, который вдоволь спит и совсем не нервничает. Теперь ваша очередь, безобразно склеившиеся ресницы. «Какие бы кошмары ни терзали тебя по ночам, пусть утром никто не усомнится в том, что тебе всю ночь снились плюшевые мишки…» – любила говорить Анна, и я никогда не спорила. Потом аккуратно сняла со щеки пластырь: ссадина затянулась и почти не напоминала о себе.

Кто-то, орудуя черным маркером, нарисовал на зеркале разбитое сердце. Я затерла его пальцем, возвращая зеркалу первозданную чистоту. На часах было начало восьмого, Анна уже наверняка проснулась.

– Я везу тебе из Киева большой подарок, – пропела я, как только она взяла трубку.

– Жду с нетерпением! А я вот собираюсь к врачу, неважно себя чувствую. Если не застанешь меня дома, то знай: обед в холодильнике. Надеюсь, ты нормально ела эти дни?

– Еще как. Вот увидишь, какие я наела щеки на киевских тортах.

– Хорошо бы. Ты мало ешь.

– А ты много работаешь, – ответила я таким же нравоучительным тоном.

– Да, наверно перетрудилась вчера, ужасно болит рука и плечо.

– Я уверена, что когда ты увидишь мой сюрприз, то сразу обо всем забудешь.

Вот увидишь, так и будет...

Когда я вернулась в зал, на нашем столике уже стояли две тарелки с горячими бутербродами, кофе, сливки и шоколадный пирог на блюде.

– Смотрю, ты основательно проголодался, – заметила я.

Еда стояла нетронутой, как будто Феликс ждал моего возвращения.

– Я искренне надеюсь на твою помощь.

– Зря надеешься.

Завтраки давались мне с трудом. Наесться до отвала на ночь – это я могла легко, а вот утром любая еда казалась мне не более аппетитной, чем крем для обуви.

– Когда ты ела в последний раз? Часов двенадцать назад? – Феликс отхлебнул кофе и откинулся на спинку стула. Я не могла поверить, что он не спал всю ночь – от него так и веяло энергией.

– Ты хуже Анны...

– Если ты нормально поешь, я отвечу на любой твой вопрос, – выдал он, надкусывая бутерброд и подмигивая мне. Я поняла, что этот раунд мной тоже проигран.

Я проглотила горячий вкусный бутерброд с ветчиной и сыром, стараясь в упор не замечать его самодовольную улыбку, кофе тоже был на удивление хорош.

– Тебе не понравится мой вопрос, – честно призналась я, откладывая салфетку и опасаясь смотреть ему в глаза.

– Я уже начинаю привыкать, – отшутился он.

– Когда ты остановил машину и вышел, я проснулась и слышала, что ты заговорил с Изабеллой на другом языке? Что это был за язык и когда ты успел...

Феликс взъерошил волосы. Я застала его врасплох.

– Если не хочешь, то можешь не...

– Это латынь.

Он расплатился и встал из-за стола.

– Ты шутишь? – забормотала я. – На ней же никто не разговаривает!

– Я заметил.

Мы шли к выходу – верней, он шел, а я то и дело срывалась на бег, чтобы поспеть за ним. Ветер усилился. Темно-серое утреннее небо так и не посветлело, оно снижалось и раздувалось, все больше становясь похожим на обширную гематому. В придорожную пыль начали падать первые крупные капли.

– Дюра-лекс-сед-лекс^[5]. Что я сказала? – прищурилась я. Это была единственная фраза на латыни, которую я знала.

– У тебя ужасный акцент, – проворчал Феликс.

Это все, чего я смогла от него добиться. Он не собирался пускаться в дальнейшие объяснения, игнорируя мои просьбы и умоляющие взгляды. Я верила, что он мог вы зубрить медицинскую латынь или заучить кучу крылатых выражений, но говорить на ней – это было что-то из области фантастики. Я все больше убеждалась, что здесь не обошлось без секты или тайной группировки. Слишком многое прямо или косвенно указывало на это, включая его упоминание о «новой семье», включая стоимость машин, на которых ездили он и Изабелла, и то, с какой неохотой он говорил о своей настоящей жизни...

Интересно, что было бы, встретиться я с этим человеком при каких-нибудь других обстоятельствах? Страх, настороженность, неприязнь – все это давно отступило, я украдкой смотрела на него и ощущала только необъяснимую тоску, какую обычно испытываешь, глядя на вечерний пейзаж в последний день летних каникул, – тоску по чему-то невероятно прекрасному, которое вот-вот уйдет, а ты не в силах его удержать.

* * *

Через полчаса нас накрыла гроза. Дорога стала блестящей и скользкой, как фольга, дальше десяти метров ничего не было видно. Феликс сбросил скорость. На лобовое стекло словно обрушилось цунами, дворники не справлялись – просто болтались в воде, как два весла. Рев стоял такой, что закладывало уши.

– У тебя есть какая-нибудь музыка? – спросила я.

– Да, – Феликс показал мне, как управлять аудиосистемой. – Выбери что-нибудь.

Я прошлась глазами по списку на дисплее, изучая названия папок. Рок, джаз, классическая музыка. Папки с именами незнакомых исполнителей. Сборники с названиями на непонятном языке, кажется, итальянский... Впечатляет, учитывая, что бывший Феликс слушал только русских рэпперов. Я почти запаниковала, но тут мой взгляд остановился на папке с именем «К». Всего одна буква, как просто. Я открыла ее и запустила первую песню в списке.

В воздухе повис мягкий аккорд фортепиано, и зазвучал голос женщины – глубокий и

волнующий. «Я умею летать, но мне нужны его крылья...» – запела она.

Не знаю, у кого певица собиралась отнять крылья – у нее наверняка были свои собственные: этот голос мог принадлежать только ангелу. По спине поползли мурашки: в этой музыке было больше чувств, чем во всей той попсе, что я переслушала за последние полгода.

«Я могу любить, но мне нужно его сердце...»

Я повернулась к Феликсу, собираясь сообщить ему, что я в полном восторге, и... остановилась. Феликс выглядел так, как будто слышал не музыку, а скрежет гвоздя по стеклу. Окаменевшая челюсть и суженные от напряжения глаза. На шее нервно пульсировала жилка.

«Благослови тот день, когда он явился ко мне, крылья принесли его ко мне – мой ангел Габриэль...»

– Включить что-то другое? – робко спросила я.

Еще один полк мурашек прошагал вдоль позвоночника, как только до меня дошло, что Феликс не услышал меня. Он был где угодно, только не здесь.

– Феликс? – позвала я.

Он посмотрел на меня так, как посмотрел бы человек, который только что проснулся и еще не понял, где находится.

– Ты не в восторге от музыки?

– Слушай все, что тебе нравится, – туманно ответил он.

Если и существовало искусство уходить от прямого вопроса, то сейчас рядом со мной сидел его Мастер.

* * *

Ливень не прекращался. Видать, эти края чем-то сильно прогневили боженьку, если тот решил отрепетировать новый всемирный потоп. Мы ползли со скоростью улитки, видимость была отвратительная. И тут Феликс затормозил, пристраивая машину у обочины, и повернулся ко мне:

– Оставайся здесь, не выходи.

Я смотрелась в сплошную стену дождя и увидела впереди небольшой грузовик, включивший аварийные огни. Прежде чем я успела прикинуть, что к чему, Феликс открыл дверь и шагнул под проливной дождь.

Остаться здесь? С каких это пор я обязана выполнять его указания? Я была готова выпрыгнуть за ним, как вдруг заметила у обочины, сразу за грузовиком, груды искореженного железа, исходившую паром. О господи... Я пошарила глазами по сторонам: кроме грузовика со вспыхивающими авариями, рядом больше никого не было – ни скорой, ни милиции. Какой-то человек пытался открыть дверь разбившейся машины, верней, выломать то, что когда-то было дверью. Я старалась не смотреть туда, где должны были быть люди, и серая завеса дождя здорово облегчала мне задание. Я видела только спину Феликса в черной футболке, вымокшей насквозь за считанные секунды. Он быстро шел к разбившейся машине, а потом я потеряла его из виду. Дождь хлынул с новой силой, я закрыла глаза, вслушиваясь в нарастающий ритм сердцебиения.

Хм, Феликс пошел туда с такой непоколебимой уверенностью, как будто всю жизнь только тем и занимался, что вытаскивал изувеченные тела из-под груд металла.

Я знала, что должна пойти туда следом за ним. Останавливало только то, что толку от меня будет никакого: я просто потеряю сознание, как только увижу окровавленную плоть. И еще он сам попросил меня не выходить. Может, мне все-таки стоит выполнять его приказы? Иногда.

Я сидела в машине и ненавидела себя за все эти дешевые оправдания, пока там кто-то... умирал. Феликса не было уже минут десять, а мне казалось, что вечность. Внезапно сквозь вой стихии до меня долетел звук сирен – ну вот и тащатся машины скорой и милиции. От волнения стало трудно дышать: после того как я узнала, что он в розыске, от одного звука сирен мне становилось дурно. Сомнений больше не было. Я открыла дверь и помчала к разбитой машине.

Я почти добежала до места аварии, как вдруг мне навстречу из-за пелены дождя шагнула массивная фигура, схватила меня за руку и потащила обратно.

– Быстро в машину, – отчеканил Феликс. – Лика, я же просил...

Я забралась внутрь, промокшая до нитки и продрогшая до мозга костей. Джинсы еще куда ни шло, а куртка и футболка – как будто только что из стиральной машины. Феликс сел за руль, с его волос капала вода. И как только за ним захлопнулась дверь, серый воздух прорезали красно-желтые отблески и на дороге показалась карета скорой.

– Они... умерли? – выдавила я надломленным голосом.

Из машины начали выскакивать люди в алых жилетах со светоотражающими полосами.

– Нет. Все будет в порядке, – расплывчато ответил Феликс. – Чего не скажешь о тебе, – тут же добавил он.

Я вытаращила на него.

– Да-да, ты же промокла насквозь, – недовольно начал он, выкручивая температуру кондиционера на максимум. – Едем спасать мать, а по дороге угробим дочку, раздевайся.

– Что? – пискнула я.

– Ну или седи мокрая, но тогда замерзнешь и заболеешь.

– На себя посмотри, – парировала я.

Он достал из-за сиденья тонкий свитер, который, видимо, приберег для себя, и протянул мне.

– Переодевайся.

– Нет, моя футболка скоро высохнет, – уперлась я.

– Даже не спорь, – отрезал он.

– И вообще, с чего вдруг такая забота? Интересно послушать.

– Интересно послушать, с какой такой стати ты понеслась за мной следом. Я же просил тебя оставаться...

– Волновалась за тебя! – вдруг выскочило из моего рта. Ох, если бы слова можно было проглотить обратно, я бы непременно это сделала.

В салоне повисла тишина.

– Вот и я волнуюсь за тебя, – сказал он и снова протянул мне свитер.

Я взяла его и замерла, медленно переваривая сказанное. Как мало мне иногда нужно для головокружения. Волнуется за меня, кто бы мог подумать.

Я начала стаскивать куртку и футболку и впервые в жизни пожалела, что не ношу лифчик. Я развернулась к Феликсу спиной и быстренько нырнула в свитер. Ткань, казалось, была сделана из шерсти молочных ягнят или даже... перьев новорожденных ангелов. Интересно, что это. Какой-нибудь кашемир? Как необычно было ощущать на себе чужую

одежду. Более того – одежду парня.

Феликс смотрел в сторону, на фельдшеров, суetyащихся за пеленой дождя, а потом начал стягивать мокрую футболку, подняв над головой руки. Я отвернулась, хотя, к моему стыду, это далось мне нелегко. Двух секунд созерцания его обнаженного торса мне было достаточно, чтобы впасть в ступор и начисто забыть о непогоде, о катастрофе, о наших пререканиях... я терпеть не могла женские романы и их героинь за ту пугающую легкость, с которой они теряли голову перед своими ухажерами. Их яичники всегда брали верх над головой и разумом. Последний женский роман, который всучила мне Ида, полетел в дальний угол после фразы «Она увидела, как он, по пояс голый, рубил дрова, и чуть не умерла от желания...». Но те чувства, что я испытала в тот момент, когда Феликс поднял вверх руки, стаскивая с себя промокшую футболку, настолько походили на чувства книжных героинь, что я тут же серьезно пала в собственных глазах. «Ли́ка Вернер, что с тобой?» – мысленно отчитала я себя. И – не смогла найти ни одного убедительного ответа.

«Она просто ни разу не видела раздетого парня так близко рядом с собой», – захихикал мой внутренний циник.

Посмейся мне еще.

Интересно, все люди разговаривают в мыслях сами с собой, или мне пора на обследование?

Феликс набросил на себя куртку, которую, в отличие от меня, предусмотрительно оставил в машине.

– Тепло? – спросил он.

– Угу, – кивнула я, балдея от обволакивающей меня теплоты и мягкости. – Так что там произошло? Есть жертвы?

Феликс помолчал, разглядывая узор капель на стекле.

– Хочешь узнать еще одну фразу на латыни?

Я перестала трясти волосами перед струей теплого воздуха из кондиционера. Какое неожиданное предложение.

– Давай, – кивнула я.

– *Amantes sunt amentes.* «Влюбленные – безумные», если перевести на твой язык... Представь, на латыни эти два слова отличаются всего одной буквой.

И он снова ушел в себя – туда, куда мне не было дороги.

«Твой язык, – шепнуло мне подсознание. – Он назвал русский “твоим языком”. Но не своим. Забавно?»

* * *

В начале десятого наша «ауди» взметнула пыль возле кирпичного забора моего дома. Я распахнула дверь и вышла из машины.

– Идем, – позвала я. – Вот это твой дом. Ты здесь вырос.

Пока я открывала решетчатые ворота, он захлопнул дверь машины и подошел ко мне, разглядывая дом. И тогда я, неизвестно откуда набравшись смелости, взяла его за руку и повела за собой.

Кажется, я впервые прикоснулась к Феликсу, не мечтая при этом нанести ему тяжелые телесные повреждения. Эта мысль была смешной, волнующей и восхитительной

одновременно. Его ладонь была расслабленной и теплой – такой, что я испытала смущение за свои тонкие, вечно холодные пальцы.

Я вела Феликса за руку и не могла отделаться от мысли, что именно так я бы вела к родителям своего жениха. А потом мы бы долго болтали за бутылкой вина, смеялись и делились планами на будущее. Чудесно, но не в этот раз...

Мы в два шага преодолели ступеньки крыльца и вошли в дом.

– Ма-ам!

– Лика?! – отозвалась Анна откуда-то из кухни. – Наконец-то!

Я оглянулась на Феликса. Он стоял посреди гостиной, спокойный и невозмутимый, как горное озеро, чья гладь остается ровной, даже когда вокруг носятся высокогорные ветра.

– Ты знаешь, тебя не было всего пару дней, а я успела соскучиться... – засмеялась Анна и вошла в гостиную.

Есть вещи, которые не забываются. Их просто невозможно забыть. Память словно фотографирует их, а фотографию потом всегда держит под рукой. Лицо Анны в тот момент, когда она вошла в гостиную, навсегда впечаталось в мою память: влажные глаза, дрожащие губы, белый как мел, лоб.

Я смотрела на нее и чувствовала, как слезы чертят на моих щеках две сырые дорожки. Она молча шагнула к сыну в объятия, и ее плечи затряслись от беззвучных рыданий. Какой маленькой и хрупкой казалась она в его руках...

Дрожащими руками я вытерла слезы и перевела замутненный взгляд с Анны на Феликса... И меня словно током прошибло: я ожидала увидеть все что угодно: равнодушие, театральную грусть, натянутое сочувствие, – но только не то, что увидела. На его лице была написана мучительная нечеловеческая боль – такая боль, словно никакой потери памяти не было и в помине, словно сейчас ее обнимал не чужак, а самый настоящий сын, который бесконечно сожалел обо всем случившемся.

– Мальчик мой, – выдохнула Анна и...

Я видела, как дернулся Феликс, резко отрывая голову от Анниного плеча и переводя обеспокоенный взгляд на ее лицо, и в ту же секунду поняла, что случилось ужасное: Анна обмякла в его руках, повисла как тряпичная кукла, уронив набок голову.

– Это обморок, да? Скажи, что это обморок! – запаниковала я.

Феликс склонился над Анной, прижимая пальцы к ее сонной артерии..

– Вызови скорую.

Я с трудом стряхнула с себя паническое оцепенение и бросилась к телефону, плохо справляясь с подкашивающимися ногами. Пока я кричала врачам в трубку адрес, Феликс исчез в проеме дверей и тут же вернулся обратно с небольшой сумкой. Анна уходила от меня.

* * *

– Скажи, что ты знаешь, что нужно делать, – пробормотала я и в следующую секунду убедилась, что ответ мне не нужен.

Он знал. И это потрясло меня не меньше, чем бледная, как снег, Анна, лежащая на полу. В той небольшой сумке, которую он принес из машины, было столько шприцев, что, казалось, хватило бы на наркопритон, а то и на целое отделение госпиталя. Феликс выхватил два шприца и в два щелчка сбросил с них колпачки. Невероятно, но он нашел у Анны вену

быстрее, чем я бы нашла собственный нос, и быстро сделал ей инъекцию.

– Тенектеплаза, – сказал он, перехватив мой вопросительный взгляд. – Восстановит кровоток, если он нарушен.

Я не смогла ничего ответить, просто сидела с открытым ртом, глядя на него, как на фокусника. Если бы Феликс вынул из кармана волшебную палочку и воскликнул «Алохомора!», я вряд ли смогла бы удивиться сильнее. Содержимое второго шприца – яркочерная жидкость – тоже отправилось в вену.

– Иди сюда, помоги мне приподнять ее... Сможешь открыть окно?

* * *

В дом влетели фельдшеры, заполнив это крохотное домашнее пространство суетой, громкими голосами и горьким запахом лекарств. Как только все сообразили, что я и двух слов связать не могу, – они все переключились на Феликса, и тот начал объяснять им, что случилось, причем половину сказанных им слов я не понимала. «Тромболитики», «ангиозный», «гемодинамика» – все эти слова вылетали из его рта с такой же легкостью, как «аминь» – из моего. Я просто сидела, давилась слезами и держала Анну за руку, пока все они пытались предпринять что-то более действенное, чем мольбы.

Я почти залезла в машину скорой, вслед за носилками, и тут ко мне повернулась тетка-фельдшер, сдвинув на нос крохотные очки:

– Деточка, нашатыря дать понюхать? Что-то ты совсем бледная. В обмороки падаешь?

Обмороки! Я едва держалась на ногах от нервного потрясения, и отключиться в машине скорой было бы как раз в моем репертуаре. А если меня «перебросит» в кого-то из находящихся рядом врачей, то Анну некому будет спасать! Я выскочила из машины, как ошпаренная, и врезалась в Феликса, возникшего на моем пути.

– Я не могу ехать с ними. В карете скорой. Просто не могу. Можно мы поедем за ними на твоей машине? Пожалуйста...

Я почувствовала теплую руку на своем запястье.

– Успокойся, хорошо? Мы поедем за ними, – сказал он.

* * *

«Ауди» тронулась вслед за скорой.

– Утром Анна плохо себя чувствовала... – простонала я. – Я звонила ей, когда мы остановились в кафе, и она сказала, что у нее очень болит рука. И плечо...

– Так бывает. Проблема в сердце, но болит не оно, а что-то рядом, – объяснил Феликс.

– Я должна была насторожиться, я должна была придержать лошадей... Ее сын чуть не убил ее, и я едва не закончила начатое..

– Это не твоя вина, – перебил меня он.

– В том месте, где мы завтракали, – там на зеркале было нарисовано разбитое сердце. Если бы я была внимательней к знакам судьбы, то всего этого...

– Нет никакой иной судьбы, кроме той, что творится в данный момент, – оборвал меня Феликс. – Если во всем искать знаки, то очень сложно будет думать головой и принимать

разумные решения.

Сложно не согласиться... Конечно, в своих поступках я должна полагаться на себя и только на себя, но, господи, как же иногда хочется легких дорог и простых решений, подсказок и указателей на всех крутых поворотах – только чтобы переложить ответственность с себя на кого-то другого, на кого-то незримого.

– Неужели в твоей жизни никогда не случилось чего-то, что можно было бы назвать знаком свыше? – буркнула я, утирая распухший нос. – Никакой мистики?

– Нет, – не колеблясь ответил он.

Но его рука так сжала руль, что побелели пальцы.

* * *

Мы провели в больнице уже несколько часов, меня подкашивала страшная слабость от волнения и усталости. Я мысленно благодарила Феликса за то, что ему удалось правдами и неправдами впихнуть в меня утром завтрак, иначе я бы сейчас просто не смогла стоять. Врачи отказались пустить меня к Анне и посоветовали отправиться домой. Но как только мы вышли на порог больницы, мне позвонила Алька.

– Итоговая контрольная? Сегодня? – переспросила я. – Первый раз слышу!

– Приезжай! Если не ради своих оценок, то хотя бы ради класса. Ты наш счастливый талисман, Вернер.

– Чего?

– Не поверишь, но каждый раз, когда ты падаешь в обморок, учителя становятся просто шелковые. Никогда не забуду, как химичка извинилась перед Идой и отдала записку! Да-да! А потом села на стул и загадочно улыбалась остаток урока, как Джоконда. Жаль, ты этого не видела...

Я сунула телефон в карман и повернулась к Феликсу.

– Через полчаса у нас большая контрольная. По математике. Мне стоит поехать...

Лицо Феликса ничего не выражало. Лед под загорелой кожей.

– Тебя подбросить до школы?

– Нет, тут совсем недалеко, я на маршрутке. Послушай, знаешь что? Я поеду в школу, а ты езжай к нам домой, что скажешь? Ты же помнишь дорогу? Тебе нужно поспать, сколько ты уже не спал? – и, не дожидаясь ответов на залп всех этих вопросов, я бросила ему связку ключей от нашего дома, которую его рука ловко перехватила в воздухе. – Я приеду часа через три-четыре! И пока он ничего не успел возразить, игнорируя легкое замешательство на его лице, я развернулась и побежала к остановке.

* * *

Когда я разделалась с контрольной, день уже близился к вечеру. Я смогла убедить Альку с Идой, что я в норме и все, что мне сейчас нужно, – просто выспаться и привести себя в порядок. О Феликсе, как я ему и обещала, не было сказано ни слова. Потом девчонки побрели к остановке, а я задержалась возле доски расписания.

– Ты Лика Вернер? Есть разговор.

Я обернулась и увидела перед собой Свету Мерцалову из параллельного класса. Света неофициально значилась первой красавицей в школе. Крашенная брюнетка с идеально отутюженными волосами и смуглым лицом: денег родителей хватало на круглогодичный морской загар. В самом деле красавица, разве что челюсть слегка тяжеловата. Губы были покрашены помадой такого пошло-розового цвета, что оставалось только удивляться, как школа не рухнула от такого оскорбления. За Светкиной спиной угрюмо помалкивали две ее не по годам развитые подружки: у обеих модельный рост и грудь третьего размера.

– Чтобы я тебя возле него больше не видела! – рявкнула Мерцалова, таращась на меня такими глазами, что все вопросы относительно происхождения ее фамилии мгновенно отпадали. – Он даже не посмотрит на тебя, ты недостаточно для него хороша, ты ничтожество, ты никто.

Я выпала в осадок. В такие нелепые ситуации я еще не попадала. Неподалеку сидела небольшая компания и с интересом наблюдала, чем же все закончится.

– Думаешь, я не слышу все эти разговоры за моей спиной, как будто я слепая? – взвизгнула Светка, тыча в меня пальцем с двухсантиметровым ногтем.

– Ну и как слепота соотносится с отсутствием слуха? – зачем-то сказала я, прекрасно понимая, что вот-вот за каждую свою шуточку могу потерять клочок волос.

– Ты че, совсем больная? – подала голос одна из дылд. – Признай вину и прекрати вешаться на Чижа, плохо доходит?

Чижов! Вот оно что! С того самого дня, когда меня на пару минут перебросило в его тело и я чуть не треснула Гренкина за зубоскальство, – по школе ползали слухи о том, что он ко мне неравнодушен. Хотя Чижов все это время, ни о чем не подозревая, обхаживал Мерцалову.

– Можешь спать спокойно, Чижов не в моем вкусе, – сказала я, и, боюсь, это прозвучало как оскорбление, потому что брови Мерцаловой вдруг поползли вверх, а ярко-розовый рот расплылся в кривой ухмылке. По-видимому, она просто не верила в существование особ, которые не мечтали бы переманить ее восхитительного Чижика под свое крылышко.

– Не в твоем вкусе? – закапала ядом Мерцалова. – А кто в твоем вкусе? Какой-нибудь хилый ботан на велосипеде?

Чижов был похож на атлета и ездил в школу на новенькой «тойоте» – очевидно, эти вещи Светка ценила в нем больше всего. Ее подружки тихонько давились от смеха.

«Какое твое собачье дело», – приготовилась сказать я, как вдруг...

Это было как в кино. Нет, в тысячу раз лучше. У школьного крыльца остановилась машина, один взгляд на которую обладал тем же эффектом, что и укол адреналина, – машина Феликса. С туповатой улыбкой и скачущим сердцем я смотрела, как он выходит из авто. Выражение лиц Мерцаловой и ее эскорта было достойно картины в позолоченной раме. Громкая компания неподалеку тоже притихла. Я отпихнула Светку с дороги и потопала к Феликсу, ускоряя шаг.

* * *

Эти двадцать шагов были самыми долгими в моей жизни. Вчера вечером – господи, это было только *вчера!* – во мне было столько страха, ненависти и злости, что хватило бы на очередную войну на Ближнем Востоке. Сейчас же я шла к нему и знала, что когда наконец

подойду, будет очень сложно не броситься к нему на шею. Скорость и характер этих перемен пугали меня. Большинство людей в моей жизни можно было сразу рассортировать по понятным категориям: это хороший человек, это плохой, вот свой парень, вот чужак. А Феликс не попадал ни под одно определение. Или попадал под все сразу. Я не могла до конца понять, кто он, чего мне от него ждать, что за сердце стучит в его груди. Единственное, что не вызывало сомнений, – мое желание, чтобы этот раз, когда я шла ему навстречу, – не был последним.

Феликс стоял, прислонившись спиной к машине и засунув руки в карманы. В сотый раз я поймала себя на мысли, что в нем нет ничего от того Феликса, которого я когда-то знала. Я видела перед собой невероятно привлекательного темноволосого парня с сумрачными карими глазами, двухдневной щетиной, в рубашке с расстегнутым воротником, обнажающим загорелое горло, – и словно видела впервые. Это мой мозг, помня о его сегодняшнем подвиге, превратил его в божество, или он всегда был так хорош собой, и только отчаянная ненависть все это время мешала мне увидеть это?

Я остановилась перед ним, стараясь изобразить на лице самое непринужденное выражение, хотя сердце билось как чокнутое.

– Как ты узнал, что моя школа здесь?

– Увидел в доме твою тетрадь с указанием школы. Впрочем, я был уверен, что разминусь с тобой.

«Так и случилось бы, если б не...» – я оглянулась. Мерцалова стояла на том же самом месте с открытым ртом и выпученными глазами. Завтра обо мне поползут новые слухи.

Феликс открыл мне дверь машины и сел за руль.

– Почему ты приехал за мной?

– Как математика?

Мы одновременно задали друг другу вопросы и теперь оба, как обычно бывает, замолчали, боясь снова сказать что-нибудь в унисон.

– Если честно, ожидала чего-то попроще, – наконец ответила я.

На мой вопрос он отвечать, по-видимому, не собирался.

– Поспать удалось?

– Не совсем, – сухо бросил он.

– Жаль, выглядишь утомленным, – начала я. – Завтра нам предстоит сложный день. Я имею в виду Анну и...

– Лика, – перебил он меня.

Я перевела на него глаза и сообразила, что что-то не так. Он еще никогда не обращался ко мне так резко.

– Мои планы не изменились. Я должен уехать сегодня.

Я вздрогнула, впившись пальцами в подлокотники.

– Я п-помню, что ты планировал уехать сегодня, но учитывая то, что произошло, я даже не предполагала, что ты не сможешь задержаться! Ты хоть понимаешь, что з-завтра она придет в себя и первым делом спросит о тебе! А мне сообщить ей, что у тебя нашлись... дела поважнее?! Или что ты хочешь, чтобы я ей сказала?!

Я замолчала, чувствуя, что еще чуть-чуть и разревусь.

– Я должен был напомнить тебе раньше, но решил не волновать тебя перед контрольной.

– О да! Спасибо за заботу! – выдохнула я и непроизвольно сжала кулаки. «Господи, только бы не съездить ему по лицу! Он же за рулем».

Феликс сосредоточенно смотрел на дорогу, я молча давила слезами. Машину наполнила душераздирающая тишина.

– Хорошо! – гигантским усилием воли я заставила себя говорить спокойно. – Если не завтра, то когда? Когда ты сможешь вернуться и закончить начатое?

По отрешенности, написанной на его лице, я предположила, что ответ меня вряд ли обрадует.

– Я не уверен, что смогу вернуться, Лика.

Я не поверила, что действительно услышала это. Я, наверное, уснула на контрольной или в столовой, и мне снится кошмар.

– Феликс, отдай мне ключи, останови машину и, бога ради, проваливай! – заорала я, не в силах больше находиться с ним рядом.

Он остановился и протянул мне ключи от дома. Я вырвала связку из его руки, выскочила из машины и бросилась бежать. Мост, парк Таврического университета, деревья, скамейки, здание факультета филологии, хвойная аллея. В полном изнеможении я рухнула на какую-то обшарпанную скамейку и уронила голову в ладони. Сказки – они чаще всего заканчиваются, так толком и не начавшись. На землю опустились сумерки, такие же темные и всепоглощающие, как и те, что стояли в душе. Я медленно брела домой вдоль оживленной дороги.

Что бы Феликс ни вытворял, я не позволю себе сломаться. На какой-то миг мне показалось, что от него слишком многое зависит, что он чуть ли не ось, вокруг которой могла бы вращаться не только жизнь Анны, но и моя жизнь. Что он невероятно изменился и теперь не похож ни на одного человека на Земле. Но это не так. Он ничем не лучше тысяч других самоуверенных юнцов, разъезжающих на красивых тачках и корчащих из себя центр Вселенной.

Я была так глубоко погружена в эти мысли, что когда возле меня притормозила обшарпанная красная девятка и загорелый улыбчивый парень спросил, не подвезти ли меня, – я не задумываясь села к нему в машину.

6. Прокатимся с ветерком

Я знала, что отчаявшиеся люди часто совершают еще безумные поступки просто потому, что им кажется, что хуже быть не может. Я знала, что горе способно заглушить голос рассудка и инстинкт самосохранения. Но я не думала, что это может случиться со мной.

– Дима, – представился незнакомец, резво обгоняя по встречной движущиеся впереди машины.

– Лика, – буркнула я.

– Мы уже в курсе, Ликусик! – раздалось с заднего сиденья.

Я обернулась и почувствовала, как зашевелились волоски на руках. Сзади сидел еще один мужик, и выражение на его лице было предельно ясным: отталкивающее плотоядное вождение.

«Ликусик». Я уже слышала это прозвище и этот голос. Неоднократно! Тот, кто сейчас сидел сзади, – уже добивался встречи со мной и вот наконец добился. Неужели он выслеживал меня, неужели ошивался возле моего дома, иначе как?!.

– Спасибо, остановите здесь, вот мой квартал...

Машина, не сбавляя скорости, миновала поворот к моему дому.

– Уже? Да чего ты, Ликусик, ща прокатимся с ветерком, ты разве спешишь?

– Остановите, умоляю, я не хочу никуда ехать! – закричала я, запуская трясущуюся руку в сумку. Телефон – господи милосердный! – он не провалился на дно сумки, как обычно случалось, а лежал на самом верху, уютно устроившись на корешках книг. Я на ощупь нажала кнопку быстрого вызова. «Только возьми трубку, Альхен! Возьми и просто слушай!»

– Какая ты шустрая дрянь, – сказал мне задний и ударил меня так, что потемнело в глазах. Я сжалась в комок и обхватила голову руками. Водила отнял мою сумку и вышвырнул в окно.

– Я из тебя дух вышибу, когда приедем, вкурила? – рывкнул мне он. И тут меня прошибла такая отчаянная, дикая и дерзкая мысль, что оборвалось дыхание: «Или я из тебя».

* * *

Я как будто впала в транс, в голове лихорадочно вертелось: «Ты должна сделать это. А иначе тебя пустят на котлеты, Вернер!» в мозгу мгновенно созрел и оброс деталями сумасшедший, но единственный из всех возможных план.

Я сунула руки в карманы и, нашептывая благодарности всем святым и богам, нащупала в кармане кнопку. Пластиковая шляпка и острый, как игла, кончик. Сегодня на этом кончике умещается вся моя жизнь.

Потом нашла ремень безопасности и пристегнулась.

– Поздно переживать о своей безопасности, – ухмыльнулся водила.

– Где педаль тормоза? – спросила я дрожащим голосом.

Я не умела водить машину, я вообще практически ничего о них не знала, о чем сейчас невероятно жалела.

– Мне нужно знать, пожалуйста, – попросила я. Со стороны это наверняка смахивало на первые признаки сумасшествия.

– Средняя, Ликусик, – смилостивился тот.

Я вытащила кнопку, стиснула зубы и чиркнула по наружной стороне предплечья, вдавливая острый конец глубоко в кожу. Сердце дернулось от резкой боли, по руке поползла струя крови, стало трудно дышать. Я зажмурилась, мысленно рисуя перед собой загорелое лицо того, кто сидел за рулем, и сконцентрировала на нем утекающие остатки сознания.

* * *

Возможно, это было такой же идиотской затеей, как, например, пробовать силой мысли воздействовать на частоту сердцебиения или пытаться смотреть сны по заданному сюжету. Но когда твоя жизнь висит на волоске, ты не думаешь, возможно это или нет, ты просто делаешь это. Я распахнула глаза и задохнулась от восторга и ужаса одновременно: руль машины, несущейся с бешеной скоростью по темной трассе, был в моих руках!

Справа повисло на ремне безопасности мое родное тело.

– Димон, да она в отключке, – хохотнул задний, тряхнув мое тело за плечо и тут же одернув свою лапу. – И гляди, резанула себя! Опять психопатка попалась.

– Психопатка, угадал, ублюдок, – прошипела я чужим хриплым голосом и, вцепившись в руль загорелыми ручищами, вжала педаль тормоза в пол.

Машину на бешеной скорости начало заносить в сторону, руль рванул из рук, и я интуитивно вывернула его в сторону, противоположную завороту. Нас трянуло на какой-то яме, и в следующую секунду раздался ужасный звук лопающегося стекла. Машина налетела на небольшое дерево, подмяла его под себя и, сильно сбросив скорость, тут же врезалась в следующее. Только благодаря этому двойному препятствию тело, в котором я сейчас сидела, не размазало по приборной доске. Я отделалась оглушающим ударом головой о лобовое стекло, и глаза тотчас залило красной волной.

О боже, как больно...

С заднего сиденья доносились хриплые вопли и дичайшие ругательства. Я оглянулась на свое тело, засыпанное стеклом. Оно выглядело совершенно неповрежденным...

– Димон! Ты опух?! Да какого х...

Я толкнула дверь, к счастью, ее не заклинило, выскочила из машины, выволокла наружу свое тело, стараясь не сильно поранить его о куски стекла, которые засыпали все вокруг. После неистовой борьбы с рулем тело показалось пушинкой. Я взвалила его на плечо и рванула к трассе на плохо гнущихся ногах.

Сколько у меня в запасе? Пять минут? Десять? Прежде чем я снова стану хилой школьницей, а владелец этих загорелых ручищ просто раздавит меня, как цыпленка! Голова раскальвалась от боли, лицо превратилось в одну большую пульсирующую рану. Я выбежала на трассу и понеслась в ту сторону, где вдалеке сияли две точки приближающихся фар. Я остановилась посреди дороги, переваливая свое тело с плеча на изгибы локтей, кровь капала с лица на мою куртку и майку. *«Они подумают, что мы – жертвы аварии, и остановятся! Нужно просто передать им мое тем и бежать! И тогда я спасена!»* я смотрела на приближающиеся огни и чувствовала, как из глаз льет, смешиваясь с кровью, соленая-соленая вода.

Машина остановилась прямо передо мной, и я заморгала, ослепленная кровавой пеленой и светом фар. Из машины вышел человек и шагнул в полосу света. Я покачнулась на

ногах: снова это зубодробительное чувство ирреальности происходящего. Наверное, девятка разбилась вдребезги и мне снится мой последний, невыносимо сладкий сон: ко мне идет Феликс, я узнаю его походку, его одежду, его волосы, его изумленное лицо... Пусть эта агония длится вечно.

* * *

Я протянула ему свое тело на вытянутых руках и, как только он взял его – так легко, как будто оно ничего не весило, – я отступила назад в темноту и приготовилась к побегу. Увезти это тело отсюда как можно дальше, чтобы его владелец не смог потом преследовать меня...

– Уезжай, – прохрипела я. – Бери ее и уезжай отсюда.

Феликс заколебался, изучая мою окровавленную физиономию.

– Тебе тоже нужна помощь.

– Ты что, не понял?! – взревела я, приходя в ужас от собственного голоса. – Увози ее отсюда, бога ради! Проваливай!

В третий раз повторять не пришлось, Феликс повернулся к машине, переложил в салон мое тело и сел за руль. Он медлил.

– Езжай! – закричала я, ударяя ладонями по стеклу машины. «Ауди» дала задний ход, круто разворачиваясь на месте, а потом рванула по трассе в обратную сторону.

И тут позади меня раздался голос второго похитителя – голос, который я надеялась больше никогда не услышать:

– Димон, че ты задумал?! Ты упоролся в кашу или че ты творишь?!

Не успела я обернуться, как он сшиб меня с ног и придавил к земле. Я повернула голову, встретила с нападавшим взглядом и – узнала его! Этот тип был у нас дома тем вечером, когда Феликс притащил в дом своих друзей! Это его я просила потушить сигарету, стоя посреди гостиной и кутаясь в плед!

– Ты совсем двинулся, да?! Решил нас всех в дерьмо зарыть?! – заорал он. – Где девка?!

– Там, где о ней позаботятся, – прохрипела я. – А уж она позаботится о тебе, она не успокоится, пока не спустит на тебя всех ментов в городе!

А дальше все было как в кошмарном сне: белобрысый вскочил на ноги и зарядил мне ботинком в грудь – моя ключица хрустнула от удара, как вафельный батончик. Я свернулась в клубок, прикрывая голову руками. Я не собиралась защищать это тело, но руки действовали на автомате.

– Получай, крысеныш, – прошипел тот, и тут же раздался громкий хлопок. То, что это выстрел, я осознала только тогда, когда грудную клетку вспорола резкая боль, а сознание начало гаснуть.

* * *

Я разомкнула глаза и заплакала от радости: я в машине Феликса, я в безопасности, я жива! В ту же секунду меня скрутило от ужасной рези в груди, зубы и кулаки непроизвольно сжались, дышать стало трудно, как будто на шею накинули петлю. Кажется, я все-таки что-то повредила, когда машина врезалась в дерево. Майка на груди была черной от засыхающей

крови. Я повернула голову: Феликса в машине не было. О нет, нет, нет! Я распахнула дверь и хотела бежать за ним, но боль в груди усилилась, ноги подкосились, и я рухнула на землю.

– Феликс! Вернись! – заорала я ему вслед. – Не вздумай подбирать его!

А в ответ – пустынная, пронзительная тишина. Меня ломали пополам два желания: ползти за Феликсом или спрятаться в машине, заблокировав двери. Еще никогда мне не было так страшно за себя, еще никогда мне не было так страшно за другого человека. Я зажмурилась, уткнувшись лбом в колесо, молясь о том, чтобы не услышать новый выстрел. Колыхался влажный ночной воздух, левое легкое полыхало огнем на каждом вдохе. Я боялась заглянуть под одежду и обнаружить там торчащий обломок ребра или осколок стекла. Кажется, я ненадолго отключилась, потому что потом не могла вспомнить тот момент, когда Феликс вернулся и переложил меня в машину.

Меня привело в чувство ворчание просыпающегося мотора и звук закрывшейся двери. Я потянулась к Феликсу, прикасаясь лбом к его плечу. Он прижал меня к себе. О, после всего, что я пережила, это было слишком восхитительно, чтобы быть правдой.

– Феликс, ты в самом деле живой, или я при смерти и у меня галлюцинации? – пробормотала я, обнимая его так, словно он мог вот-вот растаять, как дым.

Что-то в моем голосе заставило его отстраниться и заглянуть мне в лицо.

– Тебе больно? – спросил он.

– Оч-чень... – я едва могла дышать.

– Где и как болит?

– Здесь, – я вжала кулак в солнечное сплетение. – Резкая, пронзительная. Трудно дышать...

Его руки сняли с раны мою трясущуюся ладонь и подняли майку, исследуя кожу и ребра.

– Ты не ранена, это его кровь, – наконец сказал он, пристально глядя.

– Но почему же тогда так... – меня снова согнуло пополам.

– Я отвезу тебя в больницу.

«Ауди» двинулась с места, за окном потекла густая, как смола, беспросветная ночь.

– Ты живой, – повторяла я, – я так испугалась, когда ты ушел.

– Лица... А тот, кто спас тебя и передал мне, – уже нет. Он мертв.

Из моего горла вырвался нервный смешок:

– Лучшая новость за сегодня!

Феликс был потрясен, он повернулся ко мне и смотрел так долго, что я заперезживала, как бы мы во что-нибудь не врезались.

– Лица, – наконец заговорил он, – я не знаю, что тебе угрожало, но пока ты была без сознания, он вынес тебя на руках и отдал мне! Он был ранен и напуган. Я должен был забрать и его тоже...

– Замолчи, – я сжалась в комок, не в состоянии слушать все это. – Пожалуйста, замолчи!

– Что там произошло?

Я покачала головой. Это был слишком сложный вопрос для короткого ответа, а на длинный и обстоятельный ответ мне не хватило бы никаких нервов.

– Лучше расскажи, как ты здесь оказался.

– Повесил на тебя маячок.

– Что?! – изумилась я. – Когда?

– Заранее, – уклончиво ответил он.

Теперь ясно, как он нашел мою школу и как не разминулся со мной.

– Ты бы не уехал, пока не убедился, что со мной все в порядке? – выдохнула я.

Феликс улыбнулся мне своей призрачной улыбкой, которая исчезала слишком быстро, чтобы я успела увериться в том, что она действительно была.

– Но теперь ты отвезешь меня домой и все равно уедешь?

– Я должен.

Все это время я прикармливала с руки птицу надежды, но сейчас она просто взмахнула крыльями и растворилась в воздухе...

– Но сначала в больницу.

– Феликс, это невероятно, но боли уже нет! Я думала, что я ранена, но... боль вдруг исчезла! – я потрогала то место, в котором каких-то пять минут назад меня словно на шампур навинчивали. – Не могу поверить, что так бывает!

– Я тоже, – сказал Феликс, и его голос звучал так, словно он только что увидел привидение.

Почему-то я ожидала, что он начнет переубеждать меня и все равно отвезет больницу, но этого не случилось. Он повернул к дому, остановил машину у ворот, но... выйти из нее не позволил:

– Ты ждешь гостей?

Я помотала головой. Феликс указал на дом: окно на первом этаже светилось.

7. Что чувствуешь ты?

– Что ж, по крайней мере не придется взламывать дверь, – нервно засмеялась я. – Кто-то сделал это вместо меня.

– Сиди здесь, – бросил Феликс, открывая дверь машины.

– Подожди, – вцепилась я в него. – Может быть...

У кого еще могли быть ключи от дома, кроме меня и Анны? И тут дверь распахнулась, уронив во двор полосу света. Вниз по ступенькам скользнул хрупкий силуэт, держа в руках какой-то ящик. «Воры?» – дернулась я, но тут же расслабилась, всматриваясь в темную фигуру.

– Идем, все в порядке. Это Ольга. Она помогает Анне с садом.

За последние полгода Ольга и Анна особенно сблизились. Ольга потеряла дело своей жизни (после погрома она так и не смогла заставить себя войти в магазин), а Анна потеряла сына. Им было о чем поговорить. Ольга приходила пару раз в неделю, помогала Анне с заказами по ландшафтному дизайну. Они чертили планы, сажали рассаду, могли до бесконечности обсуждать сорта цветов или оттенки гравия для садовых дорожек. Это все здорово отвлекало Анну, поэтому я тоже радовалась приходам Ольги. Кроме, пожалуй, сегодняшнего дня.

– Лика? – встрепенулась она, опуская на землю ящик с торчащими из него стебельками. – Где вы все пропадаете? Мы договорились с Анной, что...

Она запнулась, разглядывая Феликса. Конечно, Ольга знала о нем, но вряд ли видела его раньше. Феликс ненавидел приезжать домой.

– Договорились с Анной пересадить рассаду, и вот приезжаю, а дома никого. Я взяла запасные ключи в садовом домике... Что с твоей одеждой?

Ольга испуганно оглядела мою окровавленную майку.

– Это... Соком облилась, – натянуто улыбнулась я. – А Анна – она в больнице.

– Что-то случилось? – охнула Оля.

– Если очень коротко, сердечный приступ. Оля, я тебе потом позвоню и все расскажу, хорошо? Едва держусь на ногах.

– Боже мой! Конечно, – пробормотала она растерянно. – Мне осталось чуть-чуть... Петунья и анютины глазки. Ты не против? Если что-то понадобится, ты только скажи. Могу присмотреть за садом, пока Анна не поправится.

– Хорошо, спасибо, – и я, пошатываясь, поплелась в дом. Передвигать ноги после всего случившегося оказалось не таким уж простым занятием. Феликс дал мне руку, заметив, как меня заносит из стороны в сторону.

– Когда ты уедешь? – резко повернулась я к нему, как только за нами захлопнулась дверь.

– Как только уложу тебя спать, – невозмутимо ответил он.

Я закатила глаза. Кажется, он думает, что я при смерти или вроде того, но сил спорить не было. Я побрела в душ, прихватив по дороге пакет для мусора. Стащила с себя окровавленную одежду и завернула в полиэтилен: вещи придется или отдать в химчистку, или выбросить, но отстирывать с них кровь у меня точно не хватит нервов. Синяков на мне оказалось не меньше, чем после нападения в магазине, лицо украшала новая ссадина. Рана на руке выглядела просто тошнотворно: с толстой запекшейся коркой и фиолетовыми отечными краями...

Напряжение, переполнявшее меня, вдруг поползло через край, и из глаз хлынули слезы. Только сейчас до меня дошло, что я чуть не умерла... Я ревела под душем, пока ощущение трехкратного помола через мясорубку не начало потихоньку сходить на нет. Потом натянула пижаму и поплелась в гостиную.

Феликса нигде не было. Я почти запаниковала, но потом услышала шум на кухне. Гулко шумел чайник, Феликс стоял ко мне спиной, склонившись над столом. Несмотря на то что я видела его – его тело – на этой кухне много раз, сейчас он показался мне чем-то чужеродным в этой реальности. Он обернулся и протянул мне дымящуюся чашку.

– Спасибо. И за чай, и за все остальное, – сказала я.

Феликс стоял рядом, прислонившись плечом к стене, и смотрел на меня: один из тех его сумрачных взглядов, которые всегда приводили меня в волнение.

– Я увижу тебя еще когда-нибудь? – спросила я прямо.

– Чем больше я затягиваю с отъездом, тем сложнее мне ответить на этот вопрос.

– То есть? Не понимаю...

– Не важно, – спохватился он. – Что с твоей рукой?

– Ерунда, – соврала я, отставив чашку и опуская руку под стол.

Феликс сел рядом, взял мою руку и стал разглядывать рану.

– Точно не хочешь рассказать мне, что там произошло? – спросил он, ведя пальцем вдоль запекшейся корочки.

– Нет, – помотала головой я.

– Нужно обработать и зашить, – заявил он.

– Зашивать? Сейчас? Меньше всего я сейчас хочу в больницу, нет.

– Я могу, – сказал Феликс, осторожно укладывая мою руку на стол, как раненого зверька.

Я не могла поверить, что резанула себя так, что рана потребовала «кройки и шитья». Еще меньше мне верилось, что Феликс сможет сделать это сам. Я не ослышалась? Феликс принял мое молчание за сомнения.

– Если не зашить, будет плохо заживать. И будет шрам.

– Ладно, – сдалась я. – Но инструменты? И как в домашних условиях?

– В машине есть все, что надо, – сказал он и вышел.

* * *

Феликс надел перчатки, обработал рану какой-то жидкостью, слегка раздвигая края. Я зажмурилась. Черт, почему я не придумала какой-нибудь другой способ повышения уровня адреналина в крови?

Можно было прикусить себе язык или вломить себе пару затрецин, и тогда не пришлось бы сейчас...

– Будет всего несколько стежков, – сказал он, вправляя шелковую нить в тонкую изогнутую иглу. – Только вот...

– Что?

– У меня нет обезболивающего. Придется без него, сможешь потерпеть?

Феликс выжидательно посмотрел на меня, я закусила губу. По живому меня еще ни разу не шили.

– Н-не знаю. Попробую.

Я решила не смотреть на рану, отвела глаза, старательно делая вдох-выдох. Но когда игла погрузилась в кожу, стало ясно, что я долго не продержусь.

– Феликс... Я не могу, – выдохнула я.

– Осталось немного.

– Давай я схожу поищу обезболивающее в комнате у Анны! Может какие-нибудь таблетки... Ай!

– Нет.

Руку пронзила нестерпимая боль. Я старалась не дергаться, но с каждым стежком это становилось все труднее и труднее.

– Ты же сказал, всего несколько стежков, – прошипела я, хватая воздух ртом и впиваясь здоровой рукой в его плечо.

– Еще чуть-чуть.

Перед глазами поплыла золотая пыль.

– Нет, не могу больше, – забормотала я, ощущая, как сознание стремительно съеживается до размера белой пульсирующей точки.

* * *

Я сидела в темном саду, прижавшись лбом к стволу дерева. В Ольгу. Закинуло в Ольгу, хотя я почему-то была уверена, что перебросит в Феликса. Рука пульсировала от жгучей боли, хотя на ней не было ни царапины. Теперь я начала понимать. Мое сознание начало прихватывать с собой мои физические ощущения, проецируя их на чужое тело. «Боль от пулевого ранения, предсмертная агония – вот что это было!» – ошеломленно осознала я, вспоминая о тех первых минутах в машине Феликса, когда только-только «вернулась в себя». Странно, что я не додумалась до этого сразу. К горлу подкатила тошнота.

Я с трудом поднялась, держась за дерево и выпрямляя затекшие ноги. Прямо над садом ныряла в прозрачные облака и выныривала снова яркая полная луна, где-то жалобно кричала ночная птица. Воздух был свежим и сладким до головокружения. Над головой среди тяжелых розовых цветов трепетали ночные бабочки.

– Ч-черт, – ругнулась я, потряхивая ноющей рукой, мечтая, чтобы боль поскорее прошла.

– Что с рукой?

Я подскочила от неожиданности, резко разворачиваясь на каблуках. Феликс спустился по ступенькам и медленно шел ко мне. Я закусил губу от обиды: кажется, я ожидала, что он будет старательно приводить меня в чувство, а не решит уехать, пока я не мешаю ему.

– Повредила инвентарем, – буркнула я своим «новым» голосом и отвернулась. – Ты уже, наверно, собрался уезжать? Если да, то...

– У меня было обезболивающее, – сказал Феликс, становясь рядом со мной гораздо ближе, чем могли бы стоять незнакомые люди.

– Что? – вздрогнула я.

– У меня было обезболивающее. Извини, – неловко улыбнулся он.

Я открыла рот, как рыба, выброшенная на песок, все звуки занозами застряли в горле. В голове закружился рой не облачимых в слова мыслей.

– Я не понимаю, – выдавила я, еле-еле ворочая языком и чувствуя, как земля медленно

уплывает из-под ног.

– Просто мне очень нужно было проверить... Лика, – сказал Феликс и взял меня за руку. Его глаза смотрели мне в самую душу. Меня захлестнуло такое облегчение, словно только что исповедовалась в страшном грехе или прокричала всему миру мучительную тайну. Глаза заволокло слезами.

– Все хорошо, – Феликс шагнул ко мне, обнимая так бережно, словно я могла рассыпаться от прикосновения. – Все хорошо.

Я прижалась лбом к его груди, зная, что если он отпустит меня сейчас, то я упаду, потеряв равновесие.

* * *

– Этот парень с окровавленным лицом, – это была ты. Оборванец с ножом, пытавшийся помешать мне увезти твоё тело, – тоже ты. Женщина в ресторане, возникшая на дороге, когда я нес тебя к выходу, – шептал Феликс, не выпуская меня из объятий. – Я должен был догадаться раньше. Особенно после того, как ты рассказала о своих «обмороках».

Я крепче прижалась к нему, вдыхая запах его одежды.

– Что там произошло? Ты попала в беду?

Я кивнула.

– Села в машину к незнакомым людям. Дети в наше время пропадают каждый день, кого этим удивишь. Но никогда не думаешь, что это может случиться с тобой. Когда они отказались остановить машину, стало ясно, что мне конец. А потом пришло в голову, что если я сделаю себе больно, то меня наверняка перебросит в кого-то из них. Меня чаще всего выбрасывает в кого-то неподалеку. И тогда, возможно, будет шанс...

– И тогда ты порезала себе руку.

– Да. Попыталась сделать побольней. Не думала, конечно, что потом придется шить. Вообще ни о чем тогда не думала. По сравнению с тем, что мне было уготовано, это такой пустяк. А потом меня перебросило в тело того, кто был за рулем. Я затормозила, но не смогла справиться с машиной. Разбила тачку и заодно голову этому подонку, вытащила своё тело и побежала, – мой голос куда-то пропал, к горлу подкатил комок.

Я замолчала, боясь в очередной раз разреветься. Боже мой, как же было приятно быть к нему так близко. Я прикасалась к нему руками Ольги, прижималась к нему *ее* щекой, но какое это имело значение? Сейчас он обнимал *меня* и никого другого.

– Тот, кто сидел сзади, стал преследовать меня. Он увидел, что я отдала тебе тело, и сильно испугался. Подумал, что его дружок что-то затеял, и решил с ним покончить. Он выстрелил в меня!

– Теперь все позади, – мягко сказал Феликс.

– Как? Как ты мог догадаться? Ты такой же как я, да?

– Не совсем.

– Меня тошнит от твоих секретов, – вздохнула я.

– Знаю, – ответил он.

Феликс ничего не расскажет мне... Как обычно. Будь у меня хотя бы десять-пятнадцать лишних минут, наверно мне бы удалось вытянуть из него что-то, но этих минут у меня не было.

– Феликс, кажется, сейчас я буду возвращаться. Не хотелось бы пугать Ольгу, – прошептала я, слыша нарастающее гудение в голове.

Он держал меня за руки и не спешил отпустить.

– Иди ко мне, – попросила я, наслаждаясь двусмысленностью фразы и делая шаг назад.

– Иду, – ответил он и направился к дому.

Я прислонилась к дереву, еле держась на ногах и с дрожью ожидая того момента, когда наконец «вернусь».

* * *

– Держись, – услышала я. – Я отнесу тебя в комнату.

Я обняла Феликса за шею, разглядывая перебинтованную руку.

– Моя рука! Она не болит!

– Да, я уже обезболит ее, – сказал он с мрачной ухмылкой.

Восемь шагов по ступенькам, поворот направо, дверь в мою комнату.

– Откуда ты знаешь, где моя комната? – насторожилась я.

– Кое-что время от времени вспоминается.

– Это хорошо. Надеюсь, однажды в твоих воспоминаниях появится Анна... И я.

– Я бы предпочел, чтобы это никогда не случилось, – отрезал он.

– Почему?

Феликс посадил меня на кровать, открыл окно, в комнату рванул упоительный ночной воздух.

– Потому что это порой тяжелее, чем можно вынести.

– Я помню твое лицо, когда ты увидел Анну впервые. Ты что-то почувствовал, да?

Феликс остановился у окна в полосе лунного света, его лицо было задумчивым. Он не ответил.

– Прощу тебя... – взмолилась я.

– Кошмарную боль.

– Значит, есть чему болеть! Значит, любовь и раскаяние – они все еще...

– Лица, память – это такая вещь, которая способна хранить не только радужные моменты, не только любовь и раскаяние.

– А что же еще? – насторожилась я.

«Что там еще в твоей голове, Феликс?»

– Не уверен, что тебе стоит это знать.

Я вылезла из кровати и подошла к нему. Села рядом с ним на подоконник.

– Слушай, – пожалала плечами я, – тот Феликс, которого я помню, был беспринципным, безжалостным, отмороженным подростком. Все это я знаю. Вряд ли ты смог бы рассказать мне что-то новое, так что...

– Плакат на твоей двери. На твоей двери когда-то висел плакат, так ведь? Ты знаешь, при каких обстоятельствах он был сожжен?

Я вздрогнула. Экс-Феликс сорвал его и сжег в ту ночь, когда притащился домой под кайфом со своими омерзительными друзьями. За этот плакат с Оливером Сайксом я чуть не расцарапала ему лицо на следующий день. Неужели он действительно начинает кое-что припоминать?!

– Знаю. И ч-что?

Феликс заговорил, но ужасающий смысл его слов дошел до меня не сразу.

– В ту ночь, прежде чем сорвать его, он очень долго стоял перед твоей дверью, оставив развлекающихся приятелей в гостиной, и раздумывал над тем, сможет ли он выломать дверь в твою комнату, и если да, то как долго ты сможешь сопротивляться.

Я приросла спиной к оконной раме, по телу поползла дрожь.

– Теперь ты представляешь, каково жить с этим? Сейчас я смотрю на тебя, и в моем мозгу вспыхивают далеко не безобидные мысли – *не мои* мысли, но я вынужден жить с ними и терпеть их. Лика, я больше не хочу ничего вспоминать и... не могу оставаться здесь.

Я перевела на него изумленный взгляд.

– Не могу поверить. Феликс просто терпеть меня не мог, как и я его.

– Он был без ума от тебя.

Я смутилась и покраснела, слава богу, в комнате царил полумрак, и не было видно, как я превращаюсь в красный овощ. Феликс стоял напротив, его лицо было бледным и напряженным. Я бы никогда не решилась сказать то, что сказала в следующую секунду, но мне показалось, что подходящего момента больше никогда не будет и что если я не спрошу сейчас, то буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Я набрала побольше воздуха в легкие и выдохнула:

– А ты? Что чувствуешь *ты* – новый и другой, – глядя на меня?

Кажется, только сейчас я заметила, как близко он стоит. Как близко он стоит и как странно на меня смотрит. Я вдруг поняла, как легко пропасть, утонуть в этих глазах. Как в реке с тихой темной водой, в которой черная трава, хищные рыбы и сгинуло немало людей, тщетно пытавшихся перейти ее вброд... Я не отдавала себе отчет в том, что делаю. Я забыла обо всем. Я была готова броситься в эту реку с головой. Быть к нему настолько близко, насколько он позволит, – вот все, чего мне хотелось.

– Что ты чувствуешь? – снова спросила я, сползая с подоконника и неожиданно оказываясь в его объятиях.

Его ладони стремительно утонули в моих волосах, коснулись шеи и поползли вниз по плечам, по спине, пока он наконец не прижал меня к себе по-настоящему. Как будто разрешая себе меня, как будто сдавшись после продолжительной борьбы. Наши лбы соприкоснулись, волосы смешались. Кажется, до этого момента, кого бы я ни обнимала, я никогда не испытывала такого волнения, как сейчас. «*Коснуться его губ, коснуться его губ и умереть...*» Я обняла его за шею, и в ту секунду, когда показалось, что уже ничто не способно остановить нас, забрать его у меня, – он заговорил, отвечая на мой вопрос:

– Чувствую, что еще никогда не был так близок к повторению ошибки.

И в одно мгновение все рухнуло. Я почувствовала, как он внутренне изменился. Все изменилось. Его взгляд стал холодным и отстраненным.

– Я должен ехать, – сказал он, отступая и выпуская меня из объятий.

– Какой ошибки? – прошептала я, едва держась на ногах, как инвалид, внезапно лишившийся опоры.

– Очень большой.

– Я помню, что я обещала не ставить тебе палки в колеса, когда ты соберешься уезжать, – сказала я, срываясь на хриплый шепот и приходя в ужас от навалившегося на меня отчаяния. – Но я не хочу! Я не могу вот так вот взять и отпустить тебя, Феликс!

Я видела, что он борется. Борется с чем-то, что во много раз сильнее меня и всего того,

что я могу сейчас сказать или сделать. Я смотрела и знала, что оно победит. По моим щекам поползли слезы. В сотый раз за этот вечер, но эти слезы были самыми горькими.

– Ты вернешься? Я тебя когда-нибудь увижу?

– У меня нет ответа на этот вопрос. Я бы очень хотел увидеть тебя снова, но...

– Но у тебя есть дела поважнее и люди поважнее?

– Да.

Твердое, тяжелое беспощадное «да». Внутри все окаменело. Я не ожидала такой резкости, хотя и сама на нее напросилась. Мозг пытался лихорадочно выдумать что-то, что заставило бы его задержаться, побыть в этой комнате еще несколько драгоценных минут.

– Ты знаешь, – бодро начала я, пытаясь взять себя в руки и не допустить страдальческих нот в голосе, – на правах твоей, черт возьми, сестры, и во имя женщины, которая тебя родила и столько из-за тебя вытерпела, я прошу и, более того, заслуживаю немного откровенности. Может расскажешь мне о тех, к кому ты так спешишь?

Феликс замер, он явно не был готов к такому нахальному прыжку с разбега в его личную жизнь. Я и сама от себя такого не ожидала, но времени на размышления не было, я просто начала говорить все, что лезло в голову:

– Я помню, что твоя «новая» сестра вчера выглядела вполне здоровой и самоуверенной, чтобы вообще волноваться о ней. Тогда, может быть, у тебя есть «новая» бабушка, которая захворала и попросила тебя срочно бросить все и привезти ей пирожков и горшочек маслица? Или есть какой-нибудь «новый» троюродный дядюшка, чья старческая хандра гораздо серьезней того, что только что случилось с твоей матерью?! Расскажи мне о них, Феликс! Так хочется знать о тех, кому и в подметки не годишься!

Я была уверена, что и от этих вопросов он попытается уйти, но когда он заговорил, я услышала слишком многое, чтобы устоять на ногах.

– Ее зовут Дио. Она – мой самый близкий человек. И сейчас я должен быть с ней рядом.

Я отшатнулась от него, как от привидения. Своды моего мира начали стремительно рушиться. Минуту назад я думала только о том, как он невероятно притягивает меня. Минуту назад я была готова со слезами умолять его оставить мне электронный адрес или номер телефона. Я была готова на все, на любое унижение, только бы он задержался. Но теперь... Черт, почему я всегда так медленно и плохо соображаю? Его вежливость, сдержанность и постоянное соблюдение дистанции предельно ясно означают, что его сердце занято. У него есть девушка, и он не хочет делать того, о чем потом может пожалеть!

Но что-то в его словах не давало мне покоя. Мой внутренний датчик, распознающий ложь, стал зашкаливать от напряжения. Да это всего лишь уловка! Ведро ледяной воды, чтобы привести меня в чувство. Феликс никогда не врал мне – просто ставил перед фактом, что это секрет или отмалчивался. Но сейчас во мне ворочались какие-то подозрения. Либо я просто не хотела верить в существование некой Дио, либо ее на самом деле не существовало!

– Какая она? – прошептала я.

– Что? – переспросил он.

– Какая она, эта Дио?

– Поиграем в детектор лжи? – усмехнулся он. – Она удивительная.

– Нет, как она выглядит? – упрямствовала я, зная, что если она реальна, то он без колебаний сможет описать ее, а если это выдумка, то замешательство и смущение непременно отразится на его лице.

– Феликс, ты слышишь меня? Как она выглядит? Какие у нее волосы, кожа, глаза?

Какого она роста, сколько ей лет?

Мне показалось, что на его лице промелькнуло смятение и растерянность. Но только на мгновение.

– Ее душа восхитительна, и это единственное, что имеет значение, – отрезал он.

– Неубедительно! – выкрикнула я.

Еще минута. Еще одна.

– Я не собираюсь убеждать тебя в том, что тебя вообще не касается.

Я стояла, молча проглотив обиду и с трудом веря ушам: он не может описать ее, потому что либо страдает приступами забывчивости, либо я только что поймала его на лжи. Он солгал мне!

– Значит, ты так спешишь к той, которую даже не можешь описать? – едко сказала я, скрещивая руки на груди, вцепившись дрожащими пальцами в собственные ребра. – Хочешь знать мое мнение?

– Вряд ли.

– Но тебе все же придется послушать! Не верю ни в какую Дио! Отказываюсь верить! Потрудись придумать какое-то более внятное объяснение своей трусости... И бессердечности! И равнодушию! – я почувствовала, что если сейчас же не прекращу орать, то меня снова выбросит – голова налилась какой-то тяжестью, а колени перестали справляться с весом моего тела.

– Феликс, – прошептала я, вдруг почувствовав невероятную слабость. – Кажется, меня снова... Мне не надо было снова нервничать.

Он подхватил меня на руки и понес меня к кровати. Я обняла его за шею и ткнулась лбом в его грудь.

– Что ты делаешь?

– Укладываю тебя спать, как и собирался. Ты устала. Тебе нужно поспать.

– Я не хочу спать, – возмутилась я, чувствуя, как он размыкает мои руки, обвившие его шею. У меня было слишком мало сил, чтобы сопротивляться.

– Ты будешь спать, – отрезал он, поправляя мне подушку и одеяло с какой-то ошарашивающей заботливостью.

Я попыталась вытянуть руку и прикоснуться к нему, но моя рука отказалась мне подчиниться! Я никогда не чувствовала ничего подобного. Хотя нет... Когда в тот страшный день меня привезли в больницу с большой кровопотерей, мне пару раз делали уколы, ощущения после которых...

– Ты что, чем-то накачал меня?! – закричала я, но голос был больше похож на сдавленный шепот.

– Да, прости. Так нужно.

– Феликс, умоляю тебя, останься... – последнее, что смогла произнести я.

Кажется, он взял меня за руку, но я больше не чувствовала своего тела.

– Лика... – начал он. – Я знаю, ты уже ничего не сможешь сказать, но, возможно, еще сможешь слушать меня. Это безопасный препарат, ты сейчас просто хорошо поспишь и проснешься утром бодрой и спокойной, пережитое не будет мучить тебя, так что ты будешь даже удивляться этому.

Никто из приятелей Феликса больше не будет преследовать тебя, просто забудь о них и ничего не бойся, это раз.

Два: Анне не придется ничего объяснять, об этом я тоже позаботился, не волнуйся

слишком о завтрашнем дне, но все же хорошо думай над каждым словом, когда будешь говорить с ней.

И, наконец, мне бы хотелось, чтобы ты простила меня за этот стремительный отъезд, мне правда важно, чтобы ты смогла сделать это. Больше я ни о чем не прошу. Ты очень смелая, и решительная, и... И невероятная. С каждым часом, проведенным рядом с тобой, мне становилось все сложнее мыслить трезво, потом этот дом, поднявший во мне бурю невыносимых воспоминаний, в каждом из которых была ты, ты и снова ты... Чувства, которые я сейчас к тебе испытываю, сродни шоку, и, наверное, я окажусь близок к истине, если скажу, что ты чувствуешь что-то похожее: мне достаточно вспомнить, как ты иногда смотришь на меня и реагируешь на мои прикосновения... Но эта игра слишком похожа на другую игру, в которую я уже играл когда-то давно и которая закончилась двумя сотнями белых роз на Ольшанском кладбище в Праге. Это невыносимо вспоминать, не говоря уже о том, чтобы повторить. Отдать твою жизнь на растерзание нелогичным, иррациональным, неуправляемым чувствам, которые вы называете любовью, – это последнее, что я мог бы сделать с тобой. Нет, я предпочитаю убить этого демона в зародыше. Только поэтому я должен уйти, хотя каждая клетка этого проклятого тела приказывает мне, чтобы я остался, говорил с тобой, принадлежал тебе... Мне очень хочется, чтобы ты знала обо всем этом и помнила каждую секунду, но я не имею на это права. Мы оба не имеем на это права. Поэтому *Salve et vale*^[6], Лика.

8. Зависимость

Оттенок потолка менялся вместе рассветом: цементно-серый, розовый, тепло-молочный. Я смотрела на потолок уже полчаса и, когда закрывала глаза, могла бы восстановить в памяти рисунок всех его неровностей.

Феликс ушел. И больше не вернется. Он в самом деле ушел.

Его выходка со снотворным просто не уместилась у меня в голове. Так бессовестно уйти, как он мог? Просто вколол мне снотворное и бросил в этом доме, как какую-то безмозглую зверушку. Нет, вроде бы он что-то говорил, но я никак не могла вспомнить, что именно. На небе разворачивалась в линию тонкая алая лента. Я подошла к окну и вытянула руку, разглядывая повязку. И вдруг...

Это было сродни волшебству, чистому абсолютному волшебству, какое иногда случается, когда ты меньше всего его ждешь. Я не успела ни испугаться, ни отпрянуть: на мою руку, ударив воздух тонкими крыльями и вцепившись коготками в ткань повязки, – села ласточка.

Я никогда не видела диких птиц так близко. Моя рука потянулась к ее блестящей, будто лакированной спинке, но ласточка вдруг соскочила с руки и взвилась в небо.

Снова чудо, входящее в мою жизнь без спроса и исчезающее, как только я протягиваю руку? Мне пора начать привыкать.

Я поплотней закуталась в одеяло и поплелась вниз. Кажется, этот дом еще никогда не был таким тихим и опустошенным. Кажется, еще никогда ступеньки не звучали так глухо, а двери не скрипели так сиротливо. Я заварила себе чай и забралась с ногами в кресло, выискивая глазами доказательства недавнего присутствия здесь того, кого я сейчас хотела бы видеть больше всего на свете.

В какой же момент меня угораздило потерять голову? Когда он шагнул под проливной дождь, чтобы помочь попавшим в аварию? Когда он спас Anne жизнь? Когда он поехал за мной, чтобы убедиться, что со мной все в порядке? Или когда он обнял меня и почти поцеловал, там наверху, в моей комнате? Почти...

О да! Влюблена по уши в того, кто вопреки моей воле накачал меня снотворным, как какую-то безмозглую зверушку, и бросил! Дура!

* * *

Приведение себя в порядок заняло гораздо больше времени, чем уборка дома перед папиным приездом. Ссадина на лице, заработанная в Киеве, почти зажила, зато вчерашняя, отвешенная одним из похитителей, выглядела хуже некуда и требовала тщательной шпукатурки. Я намазывала на щеку толстый слой тонального крема, морщась от боли, и не без некоторого мазохизма размышляла, осталось ли бы на мне сейчас хоть одно живое место, не повесь Феликс на меня маячок...

Маячок.

Я отложила тональник и вцепилась руками в столешницу. А что если?..

Полиэтиленовый сверток выглядел на редкость тошнотворно. Сквозь него просвечивала моя одежда, пропитанная потемневшей кровью. Я развернула полиэтилен и вывалила одежду на пол. Феликс сказал, что не успел снять маячок, когда вез меня из школы домой, но успел

ли он снять его потом? Я разворачивала одежду, надеясь найти что-то, чего раньше определенно не видела. На куртке блеснул ряд пуговиц, заклепки, язычок молнии... Ничего особенного. На майке... на майке тоже ничего...

Ничего, что могло бы быть маячком или хотя бы отдаленно походить на него. Я запустила пальцы в кармашек куртки и вытащила до дрожи знакомый клочок бумаги. Он лежал там же, куда я засунула его сразу после прочтения. Снова прошлась глазами. Ровный незнакомый почерк, разлапистые заглавные буквы, хвостатые знаки препинания...

Прошло всего несколько дней, а кажется, что вечность. Еще в воскресенье я бы с удовольствием запихнула эту записку Феликсу в горло, но вот наступил вторник, и я сижу на полу в ванной и чуть ли не рыдаю над ней.

Я повертела записку в руках и помчалась в свою комнату.

В ящике моего стола, в коробке с дорогими мне безделушками, лежал кулон, который я выбрала сама себе в лавке старьевщика, когда мне было пять лет. Тот самый, который я сунула подальше в стол после погрома в цветочном магазине как не оправдавший надежды талисман. Но теперь я, пожалуй, достану его, засуну в него эту бумажку и буду носить ее на груди, как фанатка какого-нибудь рок-певца носила бы на груди обрывок его одежды. Глупо, наивно и по-детски? О, влюбиться в того, кого я больше никогда не увижу, – вот где была настоящая наивность и глупость.

Я наспех затолкала в себя яичницу, нашла в доме старую раздолбанную Nokia с треснувшим экраном, даже не пытаюсь вспомнить, кому из членов семьи она принадлежала до того, как ее отправили на пенсию, отыскала запасные ключи и поехала в больницу.

В маршрутке набрала Альку.

– Школа? Не-е, – зевнула Алька в трубку. – Сегодня всего два урока, а мамуслик уехала еще ночью на вызов и нескоро вернется. Так что учебу в сад, дома поваляюсь, кино посмотрю. Если освободишься, приезжай, у меня новая комедия... Хотя, наверно, тебе не до комедий сейчас?

– А куда мать поехала? Ч-что-то случилось? – насторожилась я.

– Да там на Ялтинской, сразу за Марьино, такой трэш! Как в кино. Машина влетела в дерево и загорелась. Но трупов внутри не оказалось! Все были снаружи! Один на дороге с пулей в животе, прикинь. И еще один неподалеку. Короче, понедельник день тяжелый, подвалило мамане работы.

После разговора с Алькой меня начало трясти, казалось, что заныли все ссадины и синяки на теле, горло стало колючим и шершавым, как проржавевшая труба. Я сжала в кулаке своего ангела на цепочке и закрыла глаза. Господи, что же там произошло после того, как Феликс увез меня...

Когда я вошла в палату, Анна спала, и я так и не решилась ее разбудить. Врач сказал что-то про «состояние стабильно» и «нельзя волноваться» и упорхнул по каким-то своим безумно важным делам. Я поправила Анне подушку, посидела рядом и тихонько вышла. В десять утра прилетал папа. Я очень хотела встретиться с ним и надеялась, что мы успеем вернуться до того, как Анна проснется.

* * *

– Как это произошло? – пробормотал папа, целуя меня в висок.

Мы сели в такси. Я мучительно собиралась с силами, чтобы рассказать все по порядку.

– Пап, я не сказала по телефону и теперь не знаю, как начать... В общем, Феликс вернулся. Анна увидела его – и сердце подвело.

Его брови взлетели вверх, а глаза округлились от изумления.

– Феликс вернулся?! Когда? Где он? – засыпал меня вопросами отец.

– Он... уехал.

– Правильно сделал. И лучше бы ему не попадаться мне на глаза, когда вернется. С ума сойти...

Я взяла отца за руку. Кажется, у меня с ним еще никогда не было такого тяжелого разговора.

– Пап... Он... Он, может быть, и не вернется больше.

– Это как? – папины брови подпрыгнули еще чуточку выше.

Я сжала его ладонь и медленно, со скрипом, начала рассказывать о том, как мы случайно встретились в Киеве, что он изменился, что потерял память, что, судя по всему, он нашел свое место в жизни. А вдобавок к этому еще и Анну спас.

– Где же твой герой сейчас и почему он не вернется?

На словах «мой герой» меня бросило в жар.

– Я н-не знаю. Но, мне кажется, у него была очень важная причина.

– Более важная, чем его мать.

Мне нечего было возразить, мысли путались и скакали вразлад.

– А еще он зашил мне руку, – добавила я, надеясь хоть чуть-чуть сдвинуть его отношение к Феликсу в положительную сторону.

– Что значит «зашил»? – рявкнул отец.

– Я порезалась... Глубоко. И он...

Я оттянула рукав свитера и показала ему повязку. Отец сдвинул брови.

– Какого размера порез?

– Сантиметров пять-семь. И в глубину, кажется, немало...

– В больнице отведу тебя к хирургу.

– 3-зачем?

– Снять все это, вычистить и зашить нормально.

– Ты же даже не видел, как оно там зашито!

– Лица, ты хочешь обширную гнойную рану? Хочешь потерять руку? Как ты вообще допустила мысль, что дома, в антисанитарии, непонятно какими инструментами – неуч из автотранспортного колледжа мог бы правильно обработать и зашить рану?!

– Я уверена, что там все нормально! У него были инструменты, и она уже совсем не болит! Он где-то успел научиться всему этому и...

– Это даже не обсуждается.

– Но...

– Не хочу слушать. Ты мне слишком дорога.

Остаток дороги мы ехали в тишине.

Папа злился на Феликса, он справедливо считал его источником постоянной головной боли, и я не могла упрекать его в этом. Он слишком любил Анну и меня.

Спустя час мы вошли в ее палату, и я тотчас встретилась взглядом с ее беспокойными серыми глазами. Я собиралась с силами перед долгим и сложным объяснением, почему ее сына не будет – ни сегодня, ни завтра, ни потом.

– Андрей?! – выдохнула она, обнимая склонившегося к ней отца. – Что случилось?

Почему я здесь?

– Ш-ш-ш, не волнуйся, – заговорил папа. – Лика позвонила мне вчера, и я сразу прилетел.

– Что произошло?

Я присела на краешек ее кровати и взяла ее руку.

– У тебя был сердечный приступ.

Анна перевела взгляд с меня на папу и обратно. Она словно старалась вспомнить что-то.

– Ой, как давно я не видела его... Где же он *был* все это время? – еле слышно спросила Анна. И от этих слов у меня внутри все сжалось.

* * *

Я не представляла, что это будет так сложно. «Он уехал... Он отлучился... Он временно отсутствует...» Боюсь, мне не хватит нужных слов, чтоб объяснить, почему его сейчас нет рядом.

– Я и забыла, какой он красивый...

Я сжала ее руку. «Да, красивый, очень! – мгновенно отозвались мои нервы. – Я удивляюсь, как не замечала этого раньше».

– Твой отец говорил, что в детстве ты с ним не расставалась.

– Ч-что? – изумилась я.

– И даже разговаривала с ним, – улыбнулась Анна.

– Ты о ком?

– О *нем*, о ком же еще, – сказала Анна и указала мне на серебряного ангела, висящего у меня на шее. – Давно я его не видела. Где же он был?

«Ангел, боже мой, ангел! Она говорит об этом несчастном кулоне, а не о Феликсе!»

– У меня в столе, – прошептала я, ошарашенно переводя глаза на папу.

– Милая вещица, как хорошо, что она не потерялась.

– Как ты себя чувствуешь? Помнишь что-нибудь? – осторожно спросила я, игнорируя протестующие жесты папы.

– Побаливает в груди. Помню, что услышала твой голос в гостиной и пошла к тебе. А потом... Как в тумане.

«Боже! Да она ничего, совсем ничего не помнит!»

– Не думай об этом, – решительно сказал папа и поцеловал ее в макушку. – Лика увидела тебя на полу и сразу вызвала скорую.

Я нахмурилась, но оспаривать папину версию не стала.

– Надеюсь, я не сильно напугала тебя, – повернулась ко мне Анна. – Сама не понимаю, как это могло случиться. Сердце меня никогда не беспокоило.

Я низко опустила голову и пыталась разобраться, было ли мое молчание о Феликсе спасением для нее или гнусным предательством...

В коридоре было сумрачно, суетливо и тревожно. Папа остался с Анной – поговорить о том, о чем обычно говорят любящие люди, которые долго не виделись. А потом меня ждал долгий поход по больничному лабиринту в логово хирурга.

– Давай сюда. Что здесь у нас? – сказал маленький толстенький мужик с кокетливой бородкой. Он совсем не был похож на хищника, которому полагается «логово», так что я мгновенно успокоилась.

– Порезалась, – буркнула я, протягивая руку.

– Вчера дети наложили швы. В домашних условиях, – резковато бросил отец. – Думаю, надо все обработать заново.

Клюв ножниц подцепил повязку, и она тут же свалилась на стол. В этом было что-то символическое: все, что касалось Феликса, не собиралось задерживаться в моей жизни. Я отвернулась.

– Вчера, говорите? – переспросил врач.

– Угу, – кивнула я.

– Точно? Я бы сказал, что прошло дня три-четыре. Воспаления и отека нет, шов сухой.

Я краем глаза видела, как у папы отвисла челюсть.

– Судя по кусочку нити – вот, видите, торчит, – шили хирургическим шелком. Красивая работа, прекрасные швы, после таких даже шрама не останется.

– Так значит... – начал папа.

– Все нормально. Через пять дней приходите, сниму швы.

– Значит, зашито... *профессионально*? – не унимался отец.

– Абсолютно. Говорите, дети шили? Может быть, подкинете мне парочку таких детей? А то рук не хватает, – захихикал хирург и прилепил мне на руку свежий пластырь.

– Не знаю, как ему это удалось. Я по-прежнему считаю, что этот пацан заслуживает отменной трепки... а Анну нужно увезти отсюда, и побыстрее! – бушевал папа по дороге домой.

– Она не захочет, – вздохнула я.

После исчезновения Феликса отец пытался уговорить Анну на переезд к нему в Хайдельберг, но она протестовала, объясняя это нежеланием бросать сад и меня, хотя главной причиной, конечно же, был Феликс и слепая вера в то, что он однажды вернется.

– Я говорил с врачом. После выписки ей нужен будет тщательный уход, восстановление и никаких потрясений. И она просто нужна мне рядом.

Я понимающе улыбнулась и сжала его руку.

– Прежде чем поступать в университет, тебе нужно будет выучить немецкий язык, и лучшего способа, чем переезд в Германию, я не придумал. Я хочу забрать вас обеих, но она ищет любые предлоги, чтобы остаться.

– Ты не собираешься сказать ей правду? О том, что Феликс жив? – вздохнула я.

– Сейчас однозначно нет, и тебе не разрешаю. Может быть, потом, когда ей станет лучше.

Машина остановилась у ворот, и мы побрели в дом. Я собиралась приготовить обед и уединиться в своей комнате, но у папы оказалось свое мнение на этот счет. Узнав, что у меня

сегодня в школе есть уроки, он сам быстро зажарил на сковородке гренки, разложил на них сверху сыр и салат, заставил все это съесть и вытолкал с рюкзаком за дверь.

* * *

У меня было такое ощущение, что последний раз я была в школе год назад, а то и больше. Поездка в Киев и все, что случилось в последние дни, в плане эмоциональной нагрузки весили примерно столько же, сколько весь учебный год до этого.

– Привет! – мне на плечо легла рука. – На биологию идешь?

Я обернулась и столкнулась нос к носу с Идой.

– Угу. Привет.

– Как ты вообще? Как Анна?

Мы взялись за руки и потопали на урок.

– Вроде ничего. По крайней мере выглядела сегодня бодрячком.

– Чего не скажешь о тебе, – нахмурилась Ида.

– Что, все так плохо? – натянуто улыбнулась я.

– Ага, выглядишь так, будто под бульдозер попала. Лика, если бы я не была знакома с твоей семьей, я бы, ей-богу, подумала, что тебя избивают дома.

– Скажешь тоже.

Мы сели за парту, раздался звонок. Мимо нас медленно проплелся Чижов и рухнул на стул, уронив голову на локти. Его согнувшаяся спина и поза просто вопили о каком-то диком горе.

– Что с ним? – прошипела я Иде.

– Мне сказала Наташка, а той Алка Балалаева, а Алке – Ленка Перцева, которая тусуется с Мерцаловой, что Мерцалова бросила Чижика.

– С чего вдруг?

– Вроде как сказала, что он недостаточно хорош для нее.

* * *

Биология была моим любимым предметом. Я никогда не испытывала с ней трудностей, будь то строение хромосом или задачи по генетике. То ли благодаря папе, который с детства подсовывал мне научно-популярные книжки, то ли благодаря учителю, который неизменно приходил кормить нас гранитом науки в добром здравии и хорошем настроении.

Но сегодня я никак не могла сосредоточиться на уроке. Илья Степанович в приливе вдохновения порхал по классу, размахивал руками, водил указкой по доске, – а я смотрела на него и не слышала ни слова. Как будто тот находился за стенками аквариума.

Феликс не шел из моей головы. Я запустила палец под рукав и водила ногтем по пластырю на руке. Вот он, прекрасный, как божество, стоит возле своей машины, засунув руки в карманы, и не сводит с меня глаз, пока я спускаюсь к нему по ступенькам. Вот он обнимает и успокаивает меня в машине, пока я сгибаюсь пополам от боли в груди. Вот он стоит в саду и прижимает меня к себе, а над нашими головами кружат ночные бабочки, и благоухает сливовый цвет, и луна ныряет из облака в облако... А вот я превращаюсь в

послушную куклу в его руках, пока его ладони скользят по моей спине... Я опустила глаза и уткнулась в книжку, ничего не видя и не слыша. Нет ничего более болезненного, чем думать о вещах, у которых нет будущего.

– Лика, как насчет тебя?

– Да? – кашлянула я.

– Ты думала над своим будущим? – Илья Степанович стоял у моей парты.

– В каком смысле? – моргнула я.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Infragilis et tenera (лат.) – «несокрушимая и нежная», – здесь и далее прим. автора.

Мое тело – клетка, не позволяющая мне Танцевать с тем, кого я люблю.
Но мой разум держит ключ *(англ.)*.

Японский модельер.

Меня зовут Стефан (*нем.*).

Dura lex, sed lex (*лат.*) – «Закон суров, но это закон».

Здравствуй и прощай (*лат.*).